

Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО
«Волгоградский государственный педагогический университет»

Научно-исследовательская лаборатория «Язык и личность»
Кафедра языкознания

В. И. Шаховский

ЯЗЫК И ЭМОЦИИ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
*по дисциплинам по выбору «Язык и эмоции»
и «Лингвокультурология эмоций»
для студентов, магистрантов и аспирантов
Института иностранных языков Волгоградского государственного
педагогического университета*

Волгоград
Издательство ВГПУ
«Перемена»
2009

Отв. редактор
С.В. Ионова, д-р филол. наук, проф.

Рецензенты:
Е.Ю. Ильинова, канд. филол. наук, доц.;
В.В. Жура, д-р филол. наук, проф.

Шаховский, В. И.

Ш321 Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии : учеб. пособие по дисциплинам по выбору «Язык и эмоции» и «Лингвокультурология эмоций» для студ., магистрантов и асп. Ин-та иностр. яз. Волгогр. гос. пед. ун-та / В. И. Шаховский. — Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. — 170 с.

ISBN 978-5-9935-0109-3

В пособии раскрывается динамика вхождения проблемы эмоций в науку о языке и в смежные с ней парадигмы, в частности в коммуникативистику, когнитивную лингвистику и лингвокультурологию. Рассматриваются вербалика и авербалика эмоций, основные проблемы и достижения лингвистики эмоций (эмотиологии), среди которых представлена авторская лингвистическая теория эмоций. Приложения содержат практический материал, совершенствующий эмоциональную/эмотивную компетенцию, а также зачетные задания и образцы их выполнения.

Адресовано студентам педагогического и переводческого отделений Института иностранных языков ВГПУ, студентам-исследователям, магистрантам и аспирантам.

ISBN 978-5-9935-0109-3

ББК 81.00
© Шаховский В. И., 2009
© Волгоградский государственный педагогический университет, 2009
© Оформление. Издательство ВГПУ «Перемена», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Раздел 1. ДОЛИНГВИСТИКА ЭМОЦИЙ	7
Раздел 2. ЛИНГВИСТИКА ЭМОЦИЙ	15
2.1. Вербалика эмоций	15
2.1.1. Эмоции как объект лингвистики. Что такое лингвистика эмоций	15
2.1.2. Голос эмоций в культуре народа и в художественной литературе	32
2.1.3. Эмоции в литературном стиле	34
2.1.4. Концептуализация и лексикализация эмоций	37
2.1.5. Репрезентация эмоций	41
2.2. Авербалика эмоций. Как «читать» друг друга	44
2.2.1. Семиотика лица	44
2.2.2. Семиотика телодвижений	46
2.3. Современный уровень знаний о лингвистике эмоций	47
2.4. Базовые положения лингвистической теории эмоций	52
2.4.1. Категориальная эмоциональная ситуация в свете теории и семиотики эмоций	52
2.4.2. Эмоции — мотивационная основа человеческого сознания	53
2.4.3. Эмоции и когниция: концептуализация и лексикализация эмоций (вопросы теории эмоциональных концептов)	58
2.5. Лингвистическая теория эмоций как проект	62
Раздел 3. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ ЭМОЦИЙ	65
3.1. Культура эмоционального общения (сценарии разных культур)	65
3.2. Основные аспекты лингвокультурологии эмоций	68
3.2.1. Культурные референты языковых знаков как дискурсивное оружие	68
3.2.2. Эмоции в национальном характере и стереотипах как лингвокультурологическая и лингводидактическая проблема	69
3.2.3. Эмоциональная/эмотивная компетенция межкультурных коммуникантов	74
3.2.4. Национально-культурные особенности коннотативного компонента значения	80
3.2.5. Словная идиоматика как межкультурный феномен	85
3.3. Проблема эмоциональной толерантности/нетолерантности в межкультурном/межперсональном речевом общении	90
3.4. Межкультурные эмоциональные параллели и контрасты	98
3.4.1. Американские и русские лингвокультурные стереотипы в межкультурной коммуникации	98

3.4.2. Влияние американизмов на историческую судьбу России и ее лингвокультуру эмоций	111
Раздел 4. ОТРАЖЕНИЕ ЛИНГВИСТИКИ ЭМОЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	121
4.1. Text for analysis «The Fury» by Stan Barstow	122
Текст для анализа «Ярость» (Стэн Барстоу)	129
4.2. List of basic human emotions	135
Список наиболее частотных эмоций человека	137
4.3. Clusters of emotions	138
Кластеры эмоций	140
4.4. «Emotional intelligence» by Daniel Goleman	143
«Эмоциональный интеллект» (Даниэл Гоулман)	146
ДОМАШНИЕ ЗАДАНИЯ ДЛЯ СТУДЕНТОВ	149
ЗАДАНИЯ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ К ЗАЧЕТУ	152
СПИСОК ОСНОВНОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	154
ПРИЛОЖЕНИЯ	165

ВВЕДЕНИЕ

Учебное пособие служит дополнением к отдельным разделам теоретических курсов по языкознанию, лингвокультурологии и когнитивной лингвистике. Оно предназначено для дисциплин по выбору «Язык и эмоции» / «Лингвокультурология эмоций»*.

Эмотивный аспект коммуникации ни в вузе, ни тем более в школе не выделялся и специально не изучался. Незнание его языковых и теловых средств значительно снижает коммуникативную компетенцию речевых партнеров, в том числе и в межкультурном (межъязыковом) аспекте, ибо любой речевой акт предполагает не только рациональное общение. Живая естественная речь всегда эмоционально окрашена. Этим объясняется актуальность представленных в пособии материалов.

Цель пособия — восполнить пробел в знаниях и речевых умениях филологов-словесников в области эмотивной коммуникации.

Задачи пособия:

- 1) обеспечить читателя теоретическими и практическими знаниями, навыками и умениями в сфере эмоциональной коммуникации;
- 2) познакомить его с понятием эмотивности языка, ее концептуализацией и (а) вербальной презентацией в речи/тексте;
- 3) выработать у читателя умения называть свои и чужие эмоции, опознавать их в речи и в тексте через определенные семиотические (эмотивные) средства, уметь их выразить и описать.

Таким образом, расширительной когнитивной **целью** пособия является углубленное введение читателя в теорию эмотивности языка и формирование у него эмоциональной/эмотивной компетенции как составляющей коммуникативной компетенции *homo loquens/homo sentiens*.

Обязательным компонентом такой компетенции является терминологическое поле понятий лингвистики эмоций в ее современном состоянии.

Каждое из таких терминопонятий имплицитно конкретный предмет (референт) исследования этой развивающейся отрасли теоретического и

* Подробный учебный план, тематику, объем, требования к данным курсам студентам рекомендуется изучить в УМК по данным дисциплинам по выбору.

прикладного языкознания. Прикладными его аспектами являются лексикография (словари эмотивной лексики и фразеологии), переводоведение (механизмы трансляции эмотивности и закрытия эмотивных лакун) через художественную коммуникацию, лингводидактика (методика формирования эмотивной/эмоциональной коммуникативной компетенции на родной и иноязычной речи) через обучающую коммуникацию.

Обширность круга приводимых ниже терминопонятий лингвистики эмоций указывает на глубину ее теоретической разработанности.

Ключевые терминопонятия современной лингвистики эмоций

Вербальная (-ый)/авербальная (-ый) эмоция (код эмоций)
Дискурсивность эмоций (дискурсивные эмоции)
Идентификация эмоций
Ингерентная/адгерентная семантика эмоций
Иррадиирование эмотивности в речи/тексте
Категориальная эмоциональная ситуация
Коммуникация эмоций
Концептуализация/лексикализация эмоций
Лексико-семантическое поле эмотивов
Моделирование эмоции
Наведение эмотивной семы в речи/тексте
Называние, выражение, описание, имитация, вызывание, симуляция, сокрытие, манипуляция ((а)вербальное (-ая)) эмоций
Оценочная сема
Плотность эмотивов (в речи/тексте)
Семиотика эмоций
Трансляция эмоций
Фонд эмотивных лексических средств языка/речи
Экспрессивная сема/функция эмоций
Эмотема
Эмотив, аффектив, коннотатив, потенциатив, параэмотив, экспрессив
Эмотивная (-ое, -ый) амбивалентность (коннотация, лакуна, прагматика, сема, фасцинация общения, функция, значение, наведение сем, пространство языка, (личностный) смысл, код языка, синтаксис, потенциал, текст, язык)
Эмотивная/эмоциональная доминанта (компетенция, валентность единиц языка/речи/текста)

Эмотивно-оценочно-экспрессивная номинация

Эмотивность

Эмоциогенность слова/высказывания/текста

Эмоция (как культурный референт)

Эмоциональная (-ый) информация (пресуппозиция, толерантность/нетолерантность, фатика, языковая личность, дейксис, дисконтакт, диссонанс общения, интеллект, концепт (концептосфера), тьюнинг (адаптивная функция эмоций), (координационный) центр общения)
Эмоционально окрашенное (-ая, -ый) мышление (понятие, значение, коннотация, смысл)

Эмоциональность

*Энергетическая мощность эмоций**

Раздел 1. ДОЛИНГВИСТИКА ЭМОЦИЙ

Современный мир человеческого общения наглядно представляет огромную роль эмоций, и свидетельством тому являются этническая, политическая, экономическая напряженность во взаимоотношениях власти и народа, разных народов, а также в групповых и межличностных отношениях. Различные виды этой напряженности объясняются биологической природой человеческого сознания и доминирующей ролью эмоций в нем.

Современная наука располагает достаточным количеством знаний, а дискурсивная практика подтверждает, что человек далеко не только *homo sapiens*, но и *homo sentiens*, поскольку многими его действиями руководят эмоции.

А.Бине выдвинул и верифицировал гипотезу о первоначальном возникновении мысли в ее еще довербальной форме в виде эмоционального образа. Видимо поэтому Р.Браун, а вслед за ним и многие другие ученые экспериментально подтверждают, что человек еще до осознания предметно-логической (фактуальной) информации, содержащейся в любом высказывании, осознает ее эмоционально-оценочный компонент. К. Изард уже более уверенно утверждает, что человеческие эмоции детерминируют мысли, тем самым подтверждая гипотезу А. Бине [22].

В психологии, психолингвистике и философии начинают мелькать термины: эмоциональные следы в памяти человека, эмоциональная память, эмоциональная антиципация, эмоциональное мышление, эмоциональные

* Дефиниции вышеприведенных терминов см.: [60: 23—29].

понятия, эмоциональный язык — вначале о вербальном, а потом и о невербальном (об этом пишут, например, Романов, Сорокин, Крейдлин и др.).

Эмоции долгое время были в поле внимания только психологии, физиологии и философии. Современной наукой установлено, что эмоции многофункциональны. Они имеют, например, функции положительного/отрицательного санкционирования; сигнальную; регулятивную; эвристическую; гедонистическую; функцию отражения; (ауто) суггестивную; оценивающую и др. [21; 44; 69].

Что касается конкретно когнитивной функции эмоций, то она проявляется в нескольких ролях: давать толчок к познанию, компенсировать недостаток знания, быть катализатором познавательного процесса.

Каждая эмоция имеет адаптивную функцию для отдельного индивида. Например, в зоне отрицательных эмоций имеется несколько групп — презрения, пренебрежения, унижения и др. Внутри каждой, например группы презрения, в зависимости от различных аспектов оценки (отношения) — моральных, социальных, этических, политических и пр. — презрение у разных людей будет варьироваться, ср.: презрение барина к крестьянину, честного человека — к вору, трудящегося — к бездельнику, воина — к предателю и т.д. Поэтому формула эмоции обязательно включает в себя основание оценки: языковая личность считает, что объект приятен/неприятен по моральным, этическим, социальным, политическим или иным причинам.

Принципы-характеристики эмоций измеримы и ощутимы не только самим исследователем. Так, принцип дифференцированности эмоций позволяет всем говорящим отличать радость от печали, принцип взаимодействия компонентов эмоций выражен, например, при гнев: жаром в лице, напряжением в мышцах и учащенным сердцебиением. Назовем также следующие принципы:

— взаимодействия систем (горе нарушает гормональный баланс, сердечно-сосудистую и пищеварительную системы и другие функции человеческого организма);

— адаптивности и психопатологии (каждая эмоция переживается индивидуально, например, порог вины у всех людей различен);

— эмоционального заражения (например, социальная улыбка является сильным стимулом для адресата);

— саморегуляции — способности личности к контролю над своими эмоциями (отсутствие такой черты у личности считается патологией);

— эмоциональной коммуникации (эмоции переживаются лично, а их выразительный (т.е. внешний) компонент социален).

Эмоции могут быть измерены количественно. Они редко проявляются, выражаются в единственном варианте, чаще реализуются пучком (кластерность эмоций): группа гнева включает в себя неудовольствие, раздражение, возмущение, ненависть, негодование, ярость, бешенство. Вычлениваются кластеры эмоций радости, печали, страха и др.

Специфичным для эмоций является их двойственность (амбивалентность): любовь и ненависть, скорбь и ликование могут овладеть человеком одновременно, примеров чего достаточно в художественной коммуникации. Последний факт указывает на полярность некоторых эмоций: такие эмоции образуют оппозицы по типу оценочного знака (положительные/отрицательные), что имеет отражение и в лексической системе языка, как в сфере номинации эмоций (*любовь/ненависть*), так и в сфере их выражения (*замечательный/отвратительный*). Параметр «плотность эмоций» связан с параметром количественного измерения. Он продукт интенсивности и продолжительности эмоций и зависит от плотности и интенсивности их стимуляции, которая может быть измерена специальными приборами (по физиологическим показателям) или непосредственно в речи по интонации и эффекту их воздействия на получателя (по текстовым параметрам). Экспериментально установлено, что эмоция может иметь различную степень интенсивности, и это отражается в лексике, синтаксисе, интонации.

Параметр «предвосхищение эмоций» основан на вероятности эмоционального события — агрессора, т.е. ожидания эмоционального эффекта от определенных эмотивных знаков языка и речи.

С помощью языка *homo sentiens* может кодифицированно выражать, скрывать, имитировать, симулировать, описывать и называть свои эмоции, т.е. по-разному их эксплуатировать. Этот же параметр обнаруживает такую зависимость: словесное, кинетическое или фонационное имитирование выражения эмоций может привести к их возникновению, переживанию (например, аутогенная тренировка, при которой словесное выражение определенных эмоций предшествует им и приводит к вызову нужных в данный момент эмоций — вспомним профессиональных плакальщиц, которые своими вначале искусственными стенаниями на похоронах доводят как себя, так и окружающих до настоящих слез и переживаний).

И наконец, сфера сознания, охваченная эмоцией, может быть количественно выражена тремя измерениями: удовольствие — неудовольствие, расслабление — напряжение, покой — возбуждение. Все они являются осями, варьирующими эмоциональный опыт человека.

Неразработанность ряда фундаментальных проблем, связанных с эмоциями человека (их исчисление, классификация и др.), нашла свое отражение и в количестве концепций и теорий эмоций (их более десяти), сосущест-

вующих в современной науке: *физиолого-активационно-когнитивная теория* включает аффект в когнитивную структуру; *биологическая теория*: эмоции — реакция для более полноценного приспособления организма к окружающим его условиям; *психологическая; неврологическая теория*: эмоции вызываются изменениями плотности нейронной стимуляции; *философская* [69]; *экзистенциальная теория* (Сартр); *социальная; информационная теория* [44], согласно которой эмоции — это особый механизм компенсации дефицита сведений, необходимых организму для удовлетворения тех или иных потребностей; *двухфакторная теория*: эмоции имеют факторы физиологического возбуждения и его когнитивной оценки; *функциональная; динамическая; трехмерная теория эмоций* (Вундт); *теория дискретности эмоций*, основные тезисы которой таковы: люди разграничивают эмоции, понимают различия между ними в их переживании и выражении; эмоции образуют основную мотивационную систему человека, взаимодействуют между собой — активизируют, усиливают, ослабляют друг друга и др. Можно добавить к этому перечню *прототипную теорию*, провозглашающую оценку прототипом эмоции: «...мы испытываем какую-либо эмоцию к X, что ассоциируется с положительной, отрицательной или нулевой оценкой» [83: 72], ибо эмоция — это форма оценки субъектом объекта мира.

Многообразие и многочисленность концепций эмоций объясняется их сложностью и многоаспектностью целого ряда наук. Следует отметить, что ни одна из этих теорий и концепций эмоций не является исчерпывающей и универсальной, что вполне естественно в силу различных научных традиций стран, где они зародились, и различий в терминологических системах языков, на которых эти концепции разработаны, а также это объясняется различиями в понимании сути эмоций и объема этого феномена [8].

Приведем пример одной из таких концепций — концепции агрессивного поведения человека. Агрессию необходимо отличать от агрессивности, т. е. совокупности тенденций, проявляющихся в реальном поведении или фантазировании, цель которых заключается в том, чтобы навредить другому человеку, уничтожить, понудить к каким-либо действиям, унижить его и пр. Необходимо отметить, что в английском языке слово *aggressiveness* в настоящее время обозначает скорее «напористость», «настойчивость», чем склонность к агрессивным актам. Существующий термин *aggressivity*, используемый в психологии и клинической практике, сохранил свое исходное значение и более близок по значению к русскому понятию агрессивности, т. е. склонности к наступательно-захватническим, враждебным действиям.

Психологические теории агрессии можно разделить на две большие группы: инстинктивистские и бихевиористские. Вначале психологи своди-

ли объяснение агрессивного поведения к неким инстинктивным силам, действующим по механогидравлической модели: ворота шлюза сдерживают энергию воды, а затем при определенных условиях она прорывается и образует «водопад».

В 1963 г. в Германии была опубликована книга австрийского этолога Конрада Лоренца «Так называемое зло» («Das sogenannte Böse: zur Naturgeschichte der Aggression»), также объясняющая агрессивное поведение посредством инстинктивных сил. Агрессия, по К. Лоренцу, является первичным, направленным на сохранение вида, спонтанным инстинктом. При определенных обстоятельствах соответствующее инстинктивное действие может «прорваться» без какого-либо внешнего стимула. Из этого следует, что человеку не обязательно искать причину своего раздраженного состояния: он вполне может выместить зло на любом подходящем внешнем объекте/субъекте, освободившись, таким образом, от энергетической напряженности. Тем самым К. Лоренц выдвигает модель, схожую с той, что выдвигали до него У. Мак-Дугалл и З. Фрейд, — «гидравлическую» модель (термин Э. Фромма). Специфическая энергия, необходимая для инстинктивных действий, постоянно накапливается в нервных центрах, и, когда накапливается достаточное количество этой энергии, может произойти взрыв, даже при полном отсутствии раздражителя.

В своем исследовании К. Лоренц широко употребляет понятие «переориентация» агрессии (термин Н. Тинбергена), полагая, что смещение, перенаправление агрессии есть гениальнейшее изобретение эволюции. Такие действия, как битьё посуды, размахивание руками, порча мебели, он относит к способам переориентации агрессии, известным и используемым человечеством с древнейших времен.

Вслед за К. Лоренцем И. Эйбл Эйбесфельд также доказывал, что человеческая агрессия — явление мирового масштаба. Естественно, что в проявлениях агрессии существуют значительные культурные различия, но еще не было найдено обществ (социальной группы), где агрессия отсутствовала бы вообще. Представители и примитивных сообществ, и высокоразвитых цивилизаций не имеют фундаментальных различий в «склонности к агрессии», т. е. человеческая агрессия имеет филогенетические корни [77: 79]. Различия заключаются в так называемой ритуализации агрессивных действий, и возможности этой ритуализации огромны. По мнению К. Лоренца и его сторонников, общество, осознавая опасность агрессии, старается направить её в более или менее безопасное русло. Спорт, особенно те его виды, которые связаны с риском: альпинизм, скалолазание, прыжки с парашютом, и т.п. — вероятно, самые распространенные виды сублимации агрессии. К весьма эффективным (и относительно безопасным) способам сублимации агрессии относится и инвектива, представляющая со-

бой более цивилизованный, по сравнению с физической атакой, прием выражения агрессии.

Концепция этологов, как и концепция З. Фрейда, жестко и во многом справедливо критиковалась, однако, по нашему мнению, обе эти позиции отражают общее для западной цивилизации представление об агрессивности как об опасной силе, которая, не будучи воплощенной в действие, может стать ещё опаснее. Человек (и это объединяет взгляды З. Фрейда и К. Лоренца) не может долго держать свою агрессию под контролем.

Анализируя феномен агрессии и его место в эмоциональной жизни человека, нельзя не упомянуть о теории фрустрации Дж. Долларда и Н.Э. Миллера, т. к. это практически единственная общая теория агрессии и насилия. В самом общем виде гипотеза фрустрационной агрессии гласит, что фрустрация всегда влечёт за собой агрессивность, и наоборот — агрессивное поведение всегда вызвано наличием фрустрации. По концепции фрустрационной агрессии имеется огромное количество теоретической литературы, эта концепция упоминается, развивается, дополняется практически во всех публикациях по бихевиоризму (см. [72]) (данный пассаж о концепции агрессии приводится по диссертационному исследованию Я.А. Покровской) [42].

Постоянный рост насилия в мире вызвал создание многочисленных теорий агрессии. Агрессия, являясь сложнейшим психолого-социальным феноменом, стала предметом изучения и теоретического осмысления различных психологических школ (этологической, бихевиористской, психоаналитической). Стала она и предметом изучения лингвистики эмоций (см., напр., [1]).

Мы привели столь подробное описание теории агрессии, чтобы показать, насколько сложно провести аналогичное или хотя бы приближенное к этому исследование всех эмоций человека. А некоторые психологи насчитывают до 5 тыс. эмоций, большинство из которых даже не имеют языковой номинации, а существуют всего лишь на уровне ощущений. Тем более сложно разработать общую теорию человеческих эмоций и лингвистическую теорию в частности. Тем не менее такие попытки имеются [63].

Большое разнообразие концепций и теорий эмоций объясняется и факт отсутствия общепризнанного определения эмоций. Каждая из лингвистических наук, занимающихся эмоциями, дает им свое определение. Так, например, биология определяет эмоции как реакции человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, имеющие ярко выраженную субъективную окраску и охватывающие все виды чувствительности и переживаний. Согласно психологии, эмоции — это непосредственные реакции человека на мир, вызывающие определенные психические состояния. С точки зрения философии эмоции — это форма отражения действительности [69]. Педагогика считает, что эмоциональность как черта

личности — это чувствительность человека к эмоциональным ситуациям, их переживание и экспликация.

Всемирная наука накопила огромный багаж знаний об эмоциях. Некоторые достижения, прежде чем перейти к проблемам лингвистики эмоций (эмотиологии), можно назвать.

В современной эмотиологии уже не вызывает сомнения, что эмоции включены в структуру сознания и мышления, что они сопряжены с когнитивными процессами и с *mental style*. Каждая эмоция имеет свои характерные знаки, каталог которых формирует семиотику эмоций человека. В то же время эта корреляция не является моделью типа *one-emotion—one-style*.

Эмоции тесно связаны со знаниями: меняются знания, мысли, и это влечёт изменение эмоций человека. Изменчивы эмоции и во времени — разному возрасту человека «приписаны» свои эмоции, различным поколениям людей свойственны более или менее различные доминантные эмоции (сравним XVIII в. сентиментальности и сенсуальности с XXI в. — веком прагматизма и жестокости).

Являясь частью естественного развития человеческой расы, базовые эмоции универсальны и узнаваемы во всех этнокультурах, но различаются по своим формам проявления [93]. Выделяются фундаментальные эмоции, количество которых в разных школах различно, так же как и нет однозначного мнения по окончательному каталогу (инвентарю) эмоций человека (называются от 6 до 5000).

Долгое время в психологической науке эмоции и разум языковой личности многими учеными разводились по разным сторонам ее психики. Теперь уже не вызывает сомнения, что психика, сознание, мышление и язык тесно взаимосвязаны и что в любом языке имеются эмотивные знаки, с помощью которых вербализуются, т.е. отражаются и выражаются эмоциональные отношения человека к миру. Отечественные психологи Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев по-разному соотносили эмоцию, интеллект и мышление, но они интуитивно чувствовали их тесную взаимосвязь. Позже было установлено, что они были правы и что эти феномены представляют собой некоторое единство.

Теперь уже никем не оспаривается, что вся человеческая речь пронизана эмоциями. А поскольку язык вплетен во все виды деятельности человека, то эмоции представлены не только в словах, но и в памяти, в звуке, в музыке, в металле, в ткани, в свете, в запахе и других формах, т.к. человек-творец вкладывает в эти формы и воспроизводит в них эмоциональные переживания в процессе своего творчества (скульпторы, музыканты, художники, архитекторы, парфюмеры, дизайнеры).

Идея о признании существования *эмоционального интеллекта*, долгое время витавшая в воздухе, получила, наконец, фиксацию в вербализованной форме благодаря Даниэлю Гоулману.

Понятие, которое давно уже существовало в менталитете ученых-психологов, получило вербальное опредмечивание, и благодаря этому наука приблизилась к ответу на вопрос о том, как же соотносить, соединить эмоциональную жизнь человека с его интеллектом, как привнести интеллект в эмоции. Интересно, что статистика выделяет непонятную тенденцию к меньшему успеху в жизни людей с более высоким IQ, в то время как некоторые люди со средним IQ более приспособляемы к разнообразным жизненным ситуациям и более успешны. Д. Гоулман объясняет этот факт *эмоциональным интеллектом*, специфической способностью человека управлять своими эмоциональными импульсами, считывать с вербалики и невербалики (body language) чужие эмоции и переживания, регулировать более деликатно (smoothly) свои эмоциональные взаимоотношения, способностью мотивировать свои эмоции, сочувствовать, включенно картировать человеческое сердце, сострадать.

Тут к месту можно привести слова Аристотеля о том, что самое редкое качество — это уметь рассердиться на именно того человека, рассердиться до правильной степени и в правильное (right) время, с правильной целью и правильным образом. Другими словами, дело не в самой эмоции, а в ее соответствии конситуации и форме ее канализации, т.к. все эмоции дискурсивны.

Квинтэссенцией интерпретации понятия «эмоциональный интеллект» могут послужить следующие слова Д. Гоулмана: эмоциональный интеллект помещает эмоции в центр адаптивной способности человека к жизни. Эмоциональный интеллект человека — это рационализация эмоций, а значит, сознательное управление ими в любых категориальных эмоциональных ситуациях (КЭС), в т.ч. и в стрессовых.

Таким образом, краткий обзор нелингвистического рассмотрения эмоций выявил чрезвычайную сложность этого феномена, многообразие и многочисленность его проявлений, его исключительную физиологическую и психологическую важность для человека как биологического существа и как представителя человеческого социума. Нелингвистические науки накопили достаточно большой объем знаний об этом разделе человековедения, который поднял вопрос о том, *что* язык человека делает с эмоциями, как они проникают в него и что человек делает с ними.

Поскольку лингвистика — это наука языке, его взаимодействии с обществом и о том, как человек пользуется языком, вопрос о языковых эмоциях/об эмоциональном языке человека уже давно не вызывал никаких сомнений. Языкознание должно было наконец обратить свое внимание на место эмоций в структуре языка и заняться вплотную многочисленными проблемами функционирования эмоций неразрывно с функционированием языка.

Раздел 2. ЛИНГВИСТИКА ЭМОЦИЙ

2.1. Вербалика эмоций

2.1.1. Эмоции как объект лингвистики.

Что такое лингвистика эмоций

Отечественные лингвисты В.А. Мальцев, С.Б. Берлизон, М.Д. Городникова, Э.С. Азнаурова, И.В. Арнольд, Е.М. Галкина-Федорук, Н.М. Павлова, Н.М. Михайловская, автор этих строк и др., опережая западноевропейских и американских лингвистов, стояли у истоков нового — эмотиологического направления в лингвистике ещё в тесных рамках её системно-структурной парадигмы.

Впервые на пленарном заседании XIV Международного конгресса лингвистов в 1987 г. в Берлине прозвучал доклад Ф. Данеша по эмоциональному аспекту языка, в котором открыто и убедительно говорилось о тесной взаимосвязи когниции и эмоции, была показана огромная лингвистическая значимость изучения этой стороны языка. Решением конференции проблема «Язык и эмоции» была названа в числе пяти наиболее приоритетных современных лингвистических исследований. Этот факт побудил многих советских и зарубежных лингвистов перенести проблемы языкового выражения и коммуникации эмоций в центр исследовательской тематики. Защищаются сотни диссертаций на материале различных языков, появляются статьи и монографии, которые позволяют говорить о зарождении и становлении отечественной лингвистики эмоций (эмотиологии).

Именно благодаря текстолингвистике, привлечшей внимание лингвистов к эмоциям в тексте, из 35 докладов, прочитанных в 1991 г. на Anglistentag в Дюссельдорфе (ФРГ), 18 было посвящено языку эмоций, эмоциональному лексикону и синтаксису, пунктуации и метафоре, а также многочисленным проблемам межкультурной специфики вербальной и невербальной манифестации эмоций (Anglistentag).

С начала 80-х гг. в зарубежной лингвистике большое внимание эмоциональному аспекту языка уделяют А. Вежбицкая, В. Волек [92], Дж. Эйтчисон [53] и др. В результате постоянно увеличивающегося интереса учёных различных областей науки к эмоциям, в том числе и в области языкознания, при Гарвардском университете в 1985 г. был создан Международный центр по исследованиям эмоций.

В настоящее время выпущено большое количество специализированных словарей эмоциональной (нецензурной) лексики (Dictionary of Russian...), общие толковые словари свободно включают в себя инвективы, в том числе и предельно нестандартные, а художественная литература,

театр и телевидение сняли все преграды на пути вербальной эмоциональной агрессии и *self expression*.

При анализе лингвистической репрезентации феномена агрессии нельзя не учитывать то, что обыденное сознание связывает понятия агрессии и катарсиса или очистительной разрядки: это отражено в гидравлической модели агрессии З. Фрейда и К. Лоренца (о других моделях агрессии см. выше). Говоря об этических нормах выражения эмоций в различных языковых культурах, Эдмонсон справедливо замечает, что они касаются не столько того, как их выражать, сколько того, в каких условиях это средство разрешено [74: 64]. Таким образом, впервые поднимается проблема дискурсивности эмоций без такого номинирования этого их качества.

Ученые начинают осознавать, что имеются как минимум две семиотические системы эмоций — *body language* и *verbal language*, находящиеся в соотношении, которое науке ещё предстоит более детально изучить и описать. В общих чертах уже установлено, что первичная семиотическая система превосходит вторичную (вербальную) по надёжности, скорости, прямоте, степени искренности и качества (силы) выражения и коммуникации эмоций, а также по адекватности их декодирования получателем.

Многие аспекты человеческой жизнедеятельности просто не передаются словами: язык беднее действительности. Каждый из *homo sapiens* не раз испытывал «муки слова» при выражении и коммуникации своих эмоций: степень аппроксимации языка и сиюминутно переживаемых эмоций далека от желаемого всегда. Эмоции никогда не проявляются в чистом отдифференцированном виде, и потому их вербальная идентификация всегда субъективна (Там же: 26—27). Тем более что одна и та же эмоция выражается разными языковыми личностями по-разному, в зависимости от множества факторов, в том числе и неязыковых, например, от фона общения. По меткому замечанию Хеллера, эмоции всегда когнитивны и ситуативны [79: 182], а следовательно, и выбор языковых средств их выражения тоже ситуативен (т.е. дискурсивен).

Всеми лингвистами отмечается такая семантическая универсалия — в лексиконе эмоций всех языков наблюдается дихотомия по типу оценочного знака. Если же сравнить эмотивную лексику, взяв за критерий тип оценочного знака, то во всех языках чётко вырисовывается такая картина: эмотивов с отрицательной оценочной семантикой в словарях разных языков в количественном отношении больше, чем с положительной, но употребляются они при общении значительно реже, чем последние. Это позволяет сделать вывод о том, что эмоциональные системы разных народов и культур похожи, т.к. негативность, превалирующая в их лексиконе, уступает позитивности в употреблении и синтагматическом комбинировании, что объясняется психологическим стремлением человечества к позитивности. Дру-

гим схожим моментом для различных языковых культур является то, что положительные эмоции выражаются всеми народами более однообразно и диффузно, чем отрицательные, которые всегда конкретны, отчётливы и многообразны [83: 83].

Когнитология как наука о структуре знаний, их формировании, материализации и трансляции тесно связана с эмотиологией — наукой о вербализации, выражении и коммуникации эмоций. Это объясняется тем, что все когнитивные (мыслительные) процессы сопряжены с эмоциями: «... когниция вызывает эмоции, так как она эмотиогенна, а эмоции влияют на когницию, так как они вмещиваются во все уровни когнитивных процессов» (перевод наш. — *B.III.*) [73: 280].

Эмотиология (лингвистика эмоций) использует данные когнитологии об эмоциях и пытается разработать свою — лингвистическую — концепцию эмоций. Ее отсутствие до недавнего времени в номенклатуре теорий и концепций эмоций (см. выше) объясняется просто — лингвистика позже всех осознала, что эмоции являются её предметом (см. недавно опубликованную версию такой теории в [63]). Одними из первых филологов, осознавших важность проблемы эмоций в коммуникации людей, были литературоведы.

Теория эмотивизма резко противопоставляла рациональное и эмоциональное. Абсолютное господство разума над чувством один из представителей этой теории Т. Элиот выразил, например, такими словами: «Поэзии не следует ни выражать эмоций своего творца, ни возбуждать их в слушателе или читателе: ... Поэзия — «это бегство от эмоций, не выражение личности, а бегство от личности». Единственным способом выражения эмоций Т. Элиот считал нахождение для нее объективного коррелята, т.е. набора предметов, ситуаций, цепи событий, которые стали бы формулой именно данной эмоции.

Такое требование эмотивистов нам представляется ошибочным, т.к. один и тот же предмет, одна и та же ситуация, одна и та же цепь событий у одного и того же индивида в разное время могут вызвать различные, даже противоречивые эмоции, не говоря уже о разных индивидах, где это соотношение еще более осложняется и формальная типизация искомым зависимостей почти не просматривается. Установить объективно, какая именно эмоция и какой именно ее оттенок коррелирует с каким предметом в применении ко всем индивидам каждой данной языковой общности, практически невозможно. Эта корреляция преломляется через множество промежуточных между предметом отражения и эмоцией призм: психика конкретного индивида, ее национально-культурная специфика, конкретная ситуация, пропозиция, диспозиция. Это и объясняет различие реакций у

разных индивидов и у одного и того же индивида в различных ситуациях на один и тот же эмоциональный стимул.

Изучение обширного списка литературы по лингвистике эмоций, как отечественной, так и зарубежной, выявило следующий перечень основных проблем, которые находятся в центре современной исследовательской тематики эмотиологов и эмотиологов: типология эмотивных знаков; влияние эмоционального типа *mind style* на формирование языковой картины мира (ЯКМ), понятие эмоциональной ЯКМ; коммуникация эмоций; корреляция лексиконов эмоций различных языков мира; национально-культурная специфика выражения эмоций; критерии эмотивности языка и его знаков; соотношение лингвистики и паралингвистики эмоций как двух семиотических систем; их соматикон; влияние эмансипации эмоций на языковые процессы; эмоциональная/эмотивная окраска/тональность/модальность текста; эмотивное семантическое пространство языка; эмотивное смысловое пространство языковой личности; лексикография эмотивности; прагматика описания и выражения своих и чужих сиюминутных и прошлых/будущих (антиципация) эмоций; сокрытие, имитация, симуляция эмоций в их вербальной, авербальной упаковке и в их семиозисе.

Одной из важных сфер приложения данных, добытых эмотиологией, стала также лингвокультурология, в которой используются положения об универсальности эмоций, их интегральном характере и национально-культурной специфике выражения субъективной сферы *homo sentiens* средствами разных языков.

Естественно, что этот перечень основных направлений и их проблематики далеко не полный: это то, что давно «лежит на поверхности» и настойчиво стучится в двери эмотиологии и когнитологии.

Естественным является то, что исследование эмотивных компонентов единиц языка началось с изучения эмотивной семантики слова. Это связано с тем, что слово — основная и в то же время наиболее семантически подвижная единица, которая в обыденном сознании представляет все поле языка. Основной тезис, имевший место в лингвистике 70—80-х гг. XX в., о том, что имена эмоций не относятся к эмотивным средствам, т. е. у языка якобы нет вторичной знаковой системы, которая бы раскрывала его смыслы, позже рассматривается с иных позиций. Имена эмоций, наряду с лексикой, описывающей и выражающей эмоциональные состояния, составляют систему лексических эмотивных средств, поэтому в понятие эмотивности включается как эмотивная лексика, так и лексика эмоций.

Кроме этого, признается и существование коннотации как вторичной семиотической системы языка. В связи с этим некоторыми лингвистами термины эмоций определяются как коннотативно-/ассоциативно-эмотивные (см. ниже о трех статусах эмотивности семантики языка).

Так, например, в исследовании Н.А. Красавского «Терминологическое и обиходное обозначение эмоций» (1992) были изучены особенности лексики русского и немецкого языков, обозначающей эмоции, выявлены три типа обозначения эмоций (терминологическое, терминологическое-обиходное, обиходное). В работе было показано, что семантика имен эмоций может варьироваться в зависимости от условий их функционирования в текстах разного типа: так, в художественном тексте лексика эмоций приобретает эмоционально-экспрессивную окраску, в отличие от ее использования в научном тексте.

Таким образом, уже в рамках традиционной ономазиологии Н.А. Красавскому удалось установить, что в условиях текста не только эмотивная лексика, но и лексика эмоций приобретает дополнительные, эмотивные микрокомпоненты, благодаря которым могут реализовываться глубинные эмосемы и имя эмоции уже не является эмоционально нейтральным. Этот вывод следует рассматривать в качестве одного из направлений разработки нашего тезиса о существовании у всех слов языка эмотивного потенциала двух типов и рассмотрения имен эмоций как «ключевых» элементов, «опорных точек», связанных с выявлением эмотивного содержания в пространстве высказывания и текста.

Л. Омонди изучает способы наименования эмоций в одном из африканских языков. А. Вежицкая анализирует номинацию гнева, жалости и других эмоций на материале немецкого, русского, польского и английского языков. Б. Крик-Кастовски в оригинальной статье (Surprise, Surprise) использует понятие шкалы иконичности-условности (*iconicity — conventionally scale*) для описания лингвистических способов выражения удивления в английском, немецком и польском языках.

В трактовке понятия эмотивности нет единства. Если большинство зарубежных лингвистов, анализируя репрезентацию эмоций в языке, преимущественное внимание уделяют изучению классов слов или отдельных лексем, называющих эмоции (в терминологии В.И. Шаховского), то отечественные исследователи предпочитают связывать понятие эмотивности с оценочностью и часто ограничивают эмотивную лексику словами, выражающими и описывающими эмоции.

На наш взгляд, эмоциональное состояние и эмоциональное отношение могут быть репрезентированы в языке различными средствами, как прямой номинацией (*fear, love, anger*), так и непосредственным выражением (междометия, инвективная лексика и др.) и описанием (позы, особенности речи и голоса, взгляда, движение и т.п.). Если исходить при определении эмотивности из понятия ситуации, представляющей эмоциональное состояние субъекта, то придется признать, что существуют разнообразные средства репрезентации эмоционального состояния и отношения в

различных условиях общения и в зависимости от намерений говорящего. Тем не менее опора на понятие ситуации позволяет рассматривать в одном ряду такие высказывания, как *He was afraid of the dog / When he saw the dog, he ran away* и т.п.

Таким образом, лексика, обозначающая эмоции, видимо, занимает промежуточное положение между собственно эмотивной лексикой и неэмотивной, поскольку она — потенциально — *скорее эмотивна, чем совершенно нейтральна* [64: 62].

В традиционной лингвистике было принято считать, что эмоциональное и рациональное — явления, противопоставленные в языке, речи, тексте. Язык привязан к мысли, он действует синхронно с ней, а эмоции дают лишь смутные коннотации, факультативные для понимания семантики слова. Однако этот тезис становится несостоятельным, когда мы переходим к рассмотрению языка как важнейшей характеристики человека — языковой личности. При этом эмоции (ядро личности) выступают в качестве мотивационной и когнитивной базы языка [67: 134]. В качестве основной единицы когнитивной сферы человека рассматривается концепт. Рациональное и эмоциональное, оценочное и образное в концепте нераздельны (Ю.С. Степанов): понятия, представления, оценки, переживания, мифологемы и др. составляют единое концептуальное пространство.

С.В. Ионова выявила унифицированные характеристики текстовой эмотивности применительно к текстам разных функциональных стилей. В работе разграничиваются понятия эмоциональности (как качества языковой личности автора текста) и эмотивности текста (как его имманентной характеристики), а также понятия эмотивности текста и эмотивного текста, имеющие количественные и качественные различия. В работе С.В. Ионовой также разведены понятия «эмотивный фон», «эмотивная тональность», «эмотивная окраска». Такой подход являлся актуальным для определения статуса текстовой эмотивности, т. к. в лингвистической литературе эмотивные явления часто описывались при помощи разнородных понятий и метафорических образов (эмоциональной нагрузки, плана, «ореола», «дымки», чувственного фона текстов).

Работа С.В. Ионовой являлась одной из первых посвященных исследованию доминирующих текстовых смыслов, аргументации тезиса об интегральном характере эмотивности, присущей текстам всех функциональных разновидностей, изучению мотивирующей роли эмоций в речевой деятельности и их текстообразующего потенциала при раскрытии содержания и формы универсальных культурных концептов.

Тот же тезис аргументируется и в работе П.С. Волковой. В ней акцентируется внимание на особом аспекте понимания текста: эмотивности как

условия организованности рефлексии, контролирующей поиск и построение новых средств и орудий мыслительной и эмоциональной активности реципиента.

Поскольку тексты предоставляют данные, наиболее близко подходящие к изучению личности, «стоящей за текстом», то логичным представляется переход, характерный для представителей волгоградской школы эмотиологии, от исследования унифицированных, типизированных эмоций и семантического пространства языка к изучению эмоционального смыслового пространства языковой личности.

Проблемы динамики языкового кода, развития и реализации его скрытых возможностей; вопросы эмоциональной специфики речи в разных условиях общения, механизмов распознавания чужих эмоций и управления собственными эмоциями в процессе коммуникации, согласования эмоций разного качества, стимуляции положительных и нейтрализации отрицательных эмоций в актах межличностного, институционального и межкультурного общения привели к постановке проблемы эмоциональной языковой/речевой/коммуникативной личности и ее параметров.

Критерием эмотивной компетенции языковой личности является ее умение порождать (в практике обучающей и естественной коммуникации) эмотивно корректные тексты; критерием ее эмоциональной и гражданской зрелости, очевидно, может служить способность адекватно воспринимать личностные, эмоциональные доминанты чужих текстов как отражение иных концептосфер и других культур.

Итогом работы по выявлению личностных смыслов различных культурных и эмоциональных концептов является обоснование и использование понятия эмоционального дейксиса в качестве объяснительного принципа особенностей вербального поведения коммуникантов. Под эмоциональным дейксисом в работе В.В. Жура понимается исходная эмоциональная позиция субъекта речи, которая образуется в результате взаимодействия следующих параметров: эмотивной интенции, модальности, направленности эмоций, тональности. Комбинирование различных значений параметров эмоционального дейксиса обуславливает существование эмотивных высказываний, специфических для каждой из таких комбинаций, и дает возможность выделения различий речевого поведения языковых личностей.

В монографии «The Language of Emotions» большая группа зарубежных лингвистов в 1997 г. рассматривают следующие проблемы: эмоциональная беседа, использование эмоционального языка в речи, эмоции как причина и причины эмоций, французские междометия, концептуализация аффекта, иконичность эмоций, невербалика эмоций. Кроме этого в данном фундаментальном труде рассматриваются более частные пробле-

мы, как, например, эмоциональность отдельных языков, а также грамматические аспекты эмоциональных высказываний.

Таким образом, большое количество новых знаний, полученных о языке эмоций (эмоциональном языке), является значительным фундаментом для разработки собственно лингвистической теории эмоций, над чем трудился в течение более 30 лет и автор данной книги и которая нашла свое отражение в двух монографиях [60; 63].

Эмоции как объект лингвистики стали предметом многочисленных исследований на материале разных языков, выделены сотни аспектов, подняты десятки проблем, намечены многочисленные перспективы лингвистики эмоций в разных теоретических парадигмах: прагмалингвистики, социолингвистики, текстолингвистики, лингводидактики, лексикографии, лингвокультурологии, коммуникативистики и когнитивной лингвистики (проблемы эмоциональной концептосферы, концептуализации, лексикализации и грамматикализации эмоций).

Эмоции сегодня в моде. Они охватили все коммуникативное пространство *homo loquens*: СМИ, политику, бытовое и художественное общение, в том числе подростковое и молодежное. Эмоции явно стали важнейшими компонентами разума, мышления и языкового сознания современного человека, принадлежащего к любой лингвокультуре.

Это объясняется бурными глобальными событиями в мире, широкими открытыми контактами между народами и все усиливающейся тенденцией к агрессивности в отношениях внутри одной страны и между разными странами (см.: Северный Кавказ, Ирак, Израиль и Ливан, Иран и др.) [1]. Нарастающая агрессивность не может не вербализоваться даже в дипломатическом языке, что ведет к нарушению стилевого канона. Это объясняется также и многочисленными природными, технократическими, социальными и политическими катаклизмами и катастрофами, происходящими в мире, которые не могут не вызывать эмоционального резонирования у населения и у авторов текстов СМИ.

Кроме этого, широкое использование эмоций объясняется и общим, глобальным эмоциональным раскрепощением человека, который перестал бояться открыто проявлять свои эмоции в обществе. Теперь уже является общепризнанным такой вид коммуникации, как эмоциональная коммуникация, и такие речевые акты, как эмотивные [17; 53 и др.].

Остававшееся долгое время авторитетным мнение Э. Сепира о том, что эмоции не представляют никакого интереса для лингвистики (поскольку они не являются составляющими семантики слова и потому не присущи самому слову) и что лингвисты отказываются терпеть эмоции в своих исследованиях [88], сегодня является устаревшим, т. к. не соответствует действительному состоянию науки о языке [36; 53; 78]. Уже не оспаривает-

ся тот факт, что эмоции являются мотивационной основой сознания и языкового поведения. Фактически *homo loquens* является *homo sentience*, т. к. люди в своем общении друг с другом не могут обойтись без эмоций. Коммуникативный успех, счастье, радость возможны только при условии адекватного общения людей друг с другом. Именно этим объясняется тот факт, что в многочисленных научных исследованиях специально или попутно затрагиваются вопросы теории и семиотики эмоций, их концептуализации и вербализации [92].

Ключом к изучению человеческих эмоций является сам язык, который номинирует эмоции, выражает их, описывает, имитирует, симулирует, категоризирует, классифицирует, структурирует, комментирует, изобретает искренние и неискренние средства для их экспликации/импликации, для манифестации и сокрытия, предлагает средства для языкового манипулирования и моделирования соответствующих эмоций. Именно язык формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры.

Естественно, что когниция и эмоция идут рука об руку, рядом друг с другом: эмоция мотивирует когницию, когниция облегчается эмоциями; эмоции не только порождаются особыми ситуациями, но и сами порождают определенные ситуации. Они неотрывны от языка, их можно и нужно изучать с помощью языка, и именно язык является и объектом, и инструментом изучения эмоций.

Сказанное выше является лишь малой толикой современных теоретических и семиотических знаний об эмоциях. Какие же еще знания являются достоянием современной эмотиологии? Уже известно, что коммуникант, обладающий эмоциональной/эмотивной компетенцией, может адекватно распознавать вербалику/авербалику эмоций своего речевого партнера в естественной и художественной коммуникации; может адекватно выражать и описывать свои эмоциональные чувствования; может вербально манипулировать своими и чужими эмоциями. Вот почему важно в современной лингводидактике разработать методику, обучающую управлять своими и чужими вербальными эмоциями. В практических курсах преподавания языковых дисциплин необходимо предусмотреть направления, связанные с обучением парадигмам эмоционального общения, т. е. контекстно закрепленным эмоциональным средствам. Для этого необходимо учить правильным лексическим и грамматическим решениям в ситуациях эмоционального речевого поведения, в процессе семантизации собственных эмоциональных чувствований. Это поможет коммуникантам адекватно резонировать настроения своих речевых партнеров. Лингводидактам должны быть известны базовые (универсальные) эмоции, которые легко обнаруживаются в лексике и семантизируются эмоционально даже вне

контекста, т. к. они эмоциональны уже в словарном состоянии семантики. Их список по кластерному признаку приведен, например, в [68]. Такая лексика уже определена в теории как эмотивная, а в семиотике — как кодированно эмотивная, поэтому в научающей эмоциональной коммуникации можно работать как со словарными, так и с контекстуальными эмотивами. При этом очень привлекательной лингводидактической задачей является составление парадигмы КЭС, характерных для одного коммуникативного социума или для различных контактирующих социумов (универсальных КЭС): см., напр., конфликтные ситуации (различных типов), интимные ситуации, ситуации обмана и другие ситуации в рамках трех основных тем: «жизнь», «любовь», «смерть».

Определенная эмоция всегда вызывается какой-нибудь специфичной и абстрактной ситуацией, которую мы называем типовой ситуацией (категориальной). Например, эмоция страха обусловлена предвосхищением какого-либо зла (часто неопределенного, но часто заведомо известного и ожидаемого), т. к. эта эмоция может причинить горе или разрушение. А КЭС тревоги связана с неопределенным злом и непредвиденными ожиданиями опасности, которые нельзя просчитать. Существует логика отношений между типовой ситуацией и эмоцией, и это соотношение делает такую ситуацию категориальной. Например, несправедливость вызывает гнев, предательство может вызвать ярость и т. д. Каждый это знает и может ожидать вслед за своим поступком соответствующую эмоцию. Все КЭС градуированы, и знание теории эмоций позволяет говорящему манипулировать (моделировать топосы своей вербалики) и снижать или усиливать силу моделированной или вызываемой эмоции, т. к. это знание позволяет говорящему предвидеть эмоциональную реакцию своего партнера.

Лингводидакты также должны знать, что любая речевая интерпретация изначально имеет явный или скрытый эмоциональный заряд, который основан на эмоции интереса (выгодно/невыгодно; удобно/неудобно; нравственно/безнравственно). Эмоции *homo loquens* выполняют функцию катализатора его креативной способности. Эти способности зависят от эмоционального состояния человека, которое обуславливает его эмоциональный резонанс (резонирование) на различные события, происходящие с ним или другими представителями социума, и мотивирует порождение эмотивных знаков для вербализации многочисленных новых контекстуальных понятий: *ампутация совести, лжепатриоты, лицо кавказской национальности, лица в масках, положить лицом на асфальт, говорящие головы, оранжевая революция, розовая революция, печальный груз, ходячие удобрения, СМИсители* и др. Создание таких понятий начинается с восстановления эмоциональных следов памяти языковой личности, связанных с ее предыдущим индивидуальным и/или видовым эмоциональ-

ным опытом. Эти следы восстанавливаются в виде образов, хранящихся в эмоциональной памяти, и открывают новые эмоциональные валентности языковых единиц, согласующиеся с новой эмоциональной ситуацией при перенесении в нее прошлого опыта. При этом автоматический поиск эмоционального резонанса, который отбирает и распределяет в эмоциональной памяти различные образы, не переходит определенных универсальных порогов распознавания, благодаря чему вербализация и понимание эмоционального резонирования адекватны для всех коммуникантов данного языкового сообщества.

Так, восприятие слова «ампутация» основывается на рациональном знании, которое первоначально возникает в сознании человека, но затем (в случае имеющегося личностного опыта) сопровождается эмоциональным знанием/опытом/переживанием. События в Челябинском курсантском училище и их воспроизведение в памяти российских рядовых коммуникантов являются основой для адекватного восприятия ими авторского сочетания «ампутация совести»: при сочетании слова «ампутация» (ног у курсанта Сычева) со словом «совесть» («ампутация совести») возникает новое контекстуальное эмоционально окрашенное понятие российской действительности. Эмоциональный резонанс, вызываемый таким словосочетанием и выраженным в нем понятием, оказывается шокирующим: из двух нейтральных слов, соединенных в один композит, благодаря вскрытым эмоциональным валентностям и особому дискурсу, создано новое эмоциональное понятие и новый эмоциональный образ — эндосепт (о данном термине см. [82]), который еще долго будет выполнять роль эмоционального резонатора в русском коммуникативном пространстве.

Со временем интенсивность эмоционального резонирования может затухать и стираться в памяти *homo sentience*, но время от времени этот эндосепт будет активироваться одновременно с активацией этого концепта. Эндосепт посылает активирующую волну, которая имеет подсознательную природу и не управляется *ratio* человека. Эта активирующая волна может войти в резонанс с эмоционально близкими ему эндосептами: «Курск», «Норд-ост», «дедовщина», «ракета в огороде», «осиротелые родители» и др.

Французский лингвист С. Mouhiroud выдвигает гипотезу о том, что активирующая волна эндосептов распространяется глобально, но по заранее предусмотренным маршрутам ассоциативных и когнитивных сетей, уже имеющимся в опыте человека, а иногда и *apriori* (доопытно) по семантическому типу (Там же). По мнению С. Kerbrat-Orecchioni, место эмоций в лингвистике XX—XXI вв. минимально, т. к. проблема выражения эмоций, по ее мнению, не является основной [81]. Да, этот автор прав, что язык служит прежде всего для передачи актуальной информации, для ра-

циональной обработки полученных знаний и для их межпоколенной трансляции. Но все эти процессы не могут не сопровождаться чувствованиями, переживаниями, желаниями, и потому не могут не учитываться лингвистикой. Вышеприведенный автор, видимо, опирается на давно устаревшее мнение Э. Сепира, который считал язык инстинктивным средством (ср.: [85]). По Э. Сепиру, «образование идеи для языка имеет большее значение, чем проявление воли и эмоции» [88]. Мы не можем согласиться с этим мнением, поскольку в человеке все движимо эмоциями, в том числе его креативное мышление, его аксиологическое поведение, все его вербальные рефлексии, в том числе и эмоциональное. Об этом же писали в свое время и Ш. Балли, и Э. Станкевич, и Д. Гоулман, и Э. Стивенсон, да и сам Э. Сепир фактически признает, что эмоции могут быть выражены языком. С. Kerbrat-Orecchioni признает, что эмоции могут быть выражены и телом, и в этом можно согласиться с автором, как и в том, что эмоции субъективны и «подкрашивают» действительность. Но, по мнению данного исследователя, и эмоции, и язык, и тело являются неизменными формами демонстрации всего лишь инстинктов, присущих животным, поэтому они не могут быть рассмотрены как культурный концепт языка. С этим мнением современная лингвистика, в частности лингвокультурология и психолингвистика, согласиться уже не может. В том, что эмоции являются мотивационной основой сознания, мышления и социального поведения, уже мало кто сомневается. Именно поэтому успешно разрабатываются проблемы эмоциональной концептосферы, культуры, толерантности, эмоционального поведения, эмоциональной/эмотивной лакунарности во внутри- и межкультурной коммуникации.

Признавая, что большинство слов во всех языках имеет эмоциональную составляющую, которая является результатом удовольствия или боли, некоторые французские лингвисты (см. [81]) продолжают, однако, утверждать, что эта составляющая не входит в семантику слова, а представляет собой нарост, ассоциацию, входящую в концептуальное ядро. Это мнение противоречит достижению отечественных психолингвистов, по мнению которых, деление словарного состава языка на эмоциональный и нейтральный неоправдано, поскольку любое слово дискурсивно и может быть эмоционально заряженным [46; 37]. Таким образом, вышеприведенное заявление Э. Сепира о том, что демонстрация эмоций не представляет никакого интереса для лингвистики, все же следует считать устаревшим.

С 80-х гг. прошлого столетия в мировой лингвистике активно развивается эмотиология (лингвистика эмоций): написаны сотни монографий и тысячи диссертаций об эмотивности языка, о роли эмоций в языковом поведении человека, об эмоциональной языковой личности — *homo sentience*, об эмоциональных концептах (см. [27; 6; 61]).

Еще Ш. Балли интересовал вопрос, откуда возникла эмоция. Исходит ли она из слов и оборотов или идет от личности, которая произносит фразы, в самом языке существует эмоция или в сознании говорящего, зависит ли от обстоятельств произнесения речи, от ситуации? По мнению Ш. Балли, эмоциональные компоненты существуют на всех этих уровнях (что подтверждается современной лингвистикой эмоций [78; 61; 53] и др.).

Чрезвычайно интересным для современной лингвистики эмоций является утверждение о том, что чем более эмоционально нагружен знак, тем он менее лингвистичен; чем больше он становится лингвистичным, тем больше эмоциональности он теряет (цит. по [81]). Это мнение Ш. Балли нетрудно опровергнуть с позиции современной коммуникативистики. В эмоциональном типе коммуникации, в эмотивных речевых актах эмоциональные знаки несут (выражают) вершинные смыслы именно потому, что они остаются лингвистическими (см., например, междометия, эмоционально-усилительные наречия, прилагательные, восклицания, инвективы и т.п.). Заявление Ш. Балли о том, что «чем больше знак лингвистичен, тем больше эмоциональности он теряет», требует экспериментальной проверки, поскольку все зависит от дискурса и от эмоционального состояния коммуникантов. Если Ш. Балли имел в виду дискурсивное и индивидуальное употребление лингвистического языкового знака, то можно с ним согласиться. Однако его противопоставление лингвистичности и эмоциональности языковых знаков с позиции современной психолингвистики представляется ошибочным. Повторю: с точки зрения психолингвистики семантика всех слов ингерентно или адгерентно всегда эмоционально нагружена.

Напомню, что аналогичные противопоставления делал и Р. Якобсон, выделяя знаки, выполняющие экспрессивную (междометия) vs репрезентативную функции [75]. Как отдельные функции языка эти две функции действительно имеют место. Но в речевой деятельности, особенно в художественной, репрезентативные знаки могут выполнять экспрессивную функцию, поэтому такое деление с позиции лингвистики эмоций является условным.

Лингвистика эмоций своими корнями восходит к давнему спору большой группы лингвистов (М. Бреаль, К. Бюлер, Джоас, Э. Сепир, ван Гиннекен, Г. Гийом, Ш. Балли и др.) о том, должна ли лингвистика заниматься эмоциональными составляющими. Все ученые разошлись в решении этого вопроса. Часть из них считала, что доминантой в языке является когнитивная функция, и потому они исключали изучение эмоционального компонента из исследований о языке (К. Бюлер, Э. Сепир, Г. Гийом). Другая группа ученых (Ш. Балли, ван Гиннекен, М. Бреаль) выражение эмоций считала центральной функцией языка. Современна звучит мысль М. Бре-

ля о том, что речь была создана не для описания, повествования и непредвзятых рассуждений, а для того, чтобы выражать желание, делать предписания, а все это не может быть произведено без эмоционального сопровождения (ср. с вышеприведенным мнением Р. Якобсона). Сегодня большая часть лингвистов признает наличие в слове эмоционального и рационального компонентов и соглашается с тем, что стилистика речи задается эмоциональным выбором говорящего (ср.: бытовая речь, художественная коммуникация и др.).

Сегодня практически определено содержание термина «коннотация» (В.Н. Телия, 1986), под которой понимаются все дополнительные к значению оценки, и установлено, что эмоциональные коннотации являются частью этих оценок. Стало общепризнанным положение о том, что любое слово может быть нагружено эмоциональными коннотациями, и собственные исследования автора многократно подтверждают этот факт. По мнению С. Kerbrat-Orecchioni, не следует смешивать «коннотацию» и «эмоциональную оценку», по-нашему мнению, эмотивность может быть коннотативной, а под «коннотацией» наряду с поликомпонентностью можно понимать и монокомпонентность, т. е. коннотация и есть только эмотивность. Эмоции представляют собой разновидность человеческих страстей, которые пронизывают все сферы жизни человека и отражаются на всех уровнях его языка, поэтому не только лексика языка, но и фонетика и грамматика также пронизаны эмоциональными обертонами. Так, фонетика эмоций включает эмоциональную интонацию, которая имеет не только коммуникативную, но и эмоциональную функцию. Известно, что интонация культурноносна и эксплицирует образованность и воспитанность говорящих. Она выражает все оттенки настроений и эмоциональных состояний. Интонация является носителем коммуникативных смыслов и средством психологического воздействия на человека. С ее помощью возможно создание образов. Не вызывает никакого сомнения, что идентификация нации происходит через язык и через национальные интонации (ср. интонацию китайской и русской речи, испанскую и грузинскую, украинскую и итальянскую интонации). Аргументом этого тезиса являются и меняющиеся интонации российских телеведущих под влиянием, например, американской речевой нормы (интонационной и произносительной).

В этом же смысле (наряду с лексикой эмоций и эмоциональной интонацией) следует говорить о грамматике эмоций. Под грамматикой эмоций понимается эмоциональный синтаксис и эмоциональная морфология (аффиксация, грамматические формы слов в тексте) [53].

Эмоции пронизывают всю коммуникативную деятельность человека с момента его рождения до ухода из жизни: эмотивность языка охватывает пространство от первого неосознаваемого крика ребенка до разных видов

сознательного использования эмоций в речи взрослого человека, она касается выражения эмоций, их описания и обозначения в языке.

Вся художественная литература является депозитарием эмоций: она описывает эмоциональные категориальные ситуации, вербальное и невербальное эмоциональное поведение человека, способы, средства и пути коммуникации эмоций, в ней запечатлен эмоциональный видовой и индивидуальный опыт человека, способы его эмоционального рефлексирования. В этом плане вся художественная литература является бесценным учебником по воспитанию культуры эмоционального общения *homo sentience*. Результатом такого обучения является совершенствование эмоциональной/эмотивной компетенции, воспитание эмоциональной толерантности в межличностном, групповом и межкультурном общении, а также адекватное следование социализированным ритуалам эмоционального общения. Примером такого ритуала являются, например, формы вежливости в разных национальных культурах (ср.: английскую вежливость (**Sorry! Excuse me!**) с американской облигаторной социальной улыбкой, политкорректностью и с японской улыбкой на похоронах). Проблема вежливости как аспекта эмоционального поведения еще только начинает разрабатываться [30].

В этом смысле проблематичен вопрос, являются ли сконфуженность и стыдливость компонентами вежливости. Есть мнение, что вежливость и эмоциональность — две противоположные категории, что вызывает сомнения и требует специального исследования. Аргументом в пользу последнего является то, что вежливость противоестественна, а эмоция скорее естественна. Мнение о том, что вежливость является социальным ритуалом, не вызывает никакого сомнения. Другое дело — в разных социумах этот ритуал может иметь разную семиотику. Поэтому в современной лингвистике эмоции рассматриваются в аспекте семиотики и коммуникации, т. е. как опыт не отдельно взятого субъекта, а межсубъектный опыт, введенный в процесс коммуникации и маркируемый специальными вербальными /невербальными знаками.

Работы по коммуникативистике сегодня уже не обходятся без обсуждения вопроса о значении эмоций в речи, потому что выражение эмоций означает адаптацию к психологическому образу собеседника и к коммуникативной ситуации вообще [90]. В многочисленных работах А. Вежицкой впервые было проведено изучение и описание разноцветной палитры одних и тех же эмоций в разных национальных культурах, различие которых всегда приводит к значительным помехам в межкультурной коммуникации (как в естественной, так и в художественной, т. е. при чтении оригинальной литературы) [95]. Как пишет С. Kerbrat-Orecchioni, цветное стекло само влияет не только на интерпретации чувств исследователя, но и на их

непосредственное качество. Отсюда возникает чрезвычайно актуальная для коммуникации эмоций проблема изучения и картирования эмотиологии конкретной лингвокультуры. Мы уверены, что это будет одной из проблем футурологической лингвистики. Тенденция в современной коммуникативистике уже подтверждает этот прогноз. Стало известно, во-первых, что различные сообщества пользуются не одним и тем же набором знаков для выражения своих эмоций; во-вторых, что эти знаки маркируют различные «коммуникативные жанры». Нормы эмоциональной экспрессивности варьируются в разных культурах и в зависимости от ситуации (ср.: приватная беседа и публичное выступление).

Все большее количество теоретиков языка, обращаясь к проблемам эмоциональной коммуникации, сходятся в едином мнении о том, что эмоции ставят перед лингвистикой важные проблемы и своим «скольким» характером бросают ей серьезный вызов. Действительно, в сфере этой проблемы много неопределенного: расплывчатые категории, полиморфные понятия и неопределенные маркеры. До сих пор не определено понятие поля аффективности, а следовательно, и понятие аффектива. Отмечается фантастическое разнообразие средств, которыми обладает эмоциональная речь, что позволяет говорить о полистатусном характере категории эмотивности языка. Нет строгого разграничения между *ratio* и *emotio*. В литературе уже отмечалось, что цифры заставляют рассуждать, и они же разбивают сердца. Любое предложение вызывает у нас определенные эмоции, а это значит, что эмоции проникают во все уровни системы языка, однако пока невозможно установить точного соответствия между эмотивными высказываниями и их интерпретациями, дифференцировать эмотивный и эмотивный тексты [23].

Одной из проблем коммуникации эмоций, до сих пор не получавшей должного внимания ни в лингвистике, ни в филологической герменевтике, является проблема эмоционального понимания и понимания эмоционального [65]. До сих пор недостаточно изучено соотношение между когнитивным, психологическим и лингвистическим уровнями эмоциональности говорящего [59]. Известно, что взволнованная речь не обязательно волнует, и наоборот, неземональная речь может сильно волновать слушателя; что выраженные и реально переживаемые эмоции не всегда совпадают. Их асимметрия имеет разные варианты:

- а) эмоцию можно испытывать, но не выражать;
- б) можно выражать эмоцию, не испытывая ее;
- в) можно выражать эмоцию, отличную от той, которую испытывают.

Некоторые способы аргументации также являются знаками выражаемой эмоции, т. е. можно говорить об эмоциональном типе аргументации или об эмоциях как форме/способе аргументации. Это тоже часть лингви-

стики и семиотики эмоций, которая требует самостоятельного исследования на материале разных языков.

И это далеко не все, что еще предстоит исследовать в лингвистике эмоций. Лингвисты давно уже ушли от начала разработки концепции эмоций, но не пришли еще к созданию единой и непротиворечивой теории, хотя для этого отечественными и зарубежными лингвистами делается очень много. Полагаем, что коммуникативная парадигма позволит ускорить разработку такой теории.

Повторим: единство семиотики, теории и этики эмоций (трех систем) и их реализация в конкретной КЭС позволяют всем коммуникантам однозначно интерпретировать переживаемую и выражаемую эмоции. Знание этого единства вооружает речевых партнеров знаниями механизмов порождения/выражения/вызывания эмоций, опознания их соматики. В условиях социума эмоциональные процессы между людьми имеют коммуникативную функцию, они имеют движущее начало: соматическое, ментальное, вербальное, поведенческое. Большую коммуникативную эффективность имеют эмотивные маркеры: междометия, уменьшительно-ласкательные суффиксы и усилительные обороты в речи и в эмоциональном дискурсе, важные для правильного восприятия эмоций в реальной и художественной коммуникации и составляющие основу семиотики эмоций. При этом определяющее значение приобретает умение ориентироваться в КЭС, знание топосов, вызывающих определенные эмоции (такое поведение вызывает такую реакцию, а такое — другую), которое составляет существенную часть теории эмоций. Бывают неожиданные, непредвиденные реакции на определенные ситуации, знание и прогнозирование их тоже входит в теорию эмоций.

Вопросы лингвистики эмоций согласуются с информационной теорией эмоций П.М. Симонова (1970), согласно которой неизвестность, отсутствие соответствующей информации о событии и его последствиях всегда вызывает у человека страх, беспокойство или даже ужас. Получение ожидаемой информации, даже если она отрицательная, снижает интенсивность этих эмоций, что отражается и в вербальном поведении человека, и тогда можно говорить о взаимодействии теории и семиотики эмоций. Именно семиотика кинетических и соматических эмоций позволяет коммуникантам однозначно считывать, например, страх или радость «с лица друг друга» так же, как и однозначно семантизировать вербальные знаки эмоций (аффективы и коннотативы). Каждой эмоции соответствует своя теловая семиотика. Эти симптомы типичны (и потому семиотичны) и одинаково понимаются всеми, даже в случае, когда они индивидуальны. Именно лингвистическое выражение эмоции делает ее эксплицитной, внешне доступной для понимания. Окончательный вывод о выражаемой эмоции можно

сделать только в конкретной ситуации, поэтому можно утверждать, что все эмоции дискурсивны, и с этой точки зрения говорить о дискурсивном эмоциональном мышлении. Вербалика + невербалика + ситуация делают понятной выражаемую эмоцию для наблюдателя и для партнера по коммуникации. Ярким примером справедливости этого утверждения является аффективный опыт читателей, сформированный письмами журналиста М.В. Минкина к Президенту РФ, и эмоциональное резонирование этих писем читателями как проявление этого опыта.

Письма М.В. Минкина фактически содержат каталог политических и социальных событий в России и травмирующие психику их последствия. Письма являются примером массовой эмоциональной коммуникации, возбуждаемой одним человеком — журналистом МК. Они построены по следующей формуле: события + аргументация + экспрессия + эмоция + оценка + индивидуальный ментальный стиль = эмоциональный эффект и обратная эмоциональная связь с автором писем (а не с их персонажами). Автор доступен для обратной связи, а персонаж нет, поэтому все эмоции читателя достаются автору писем, а не тем, о ком он пишет. Этот аспект косвенного отражения социальных и индивидуальных эмоций еще не описан в теории, семиотике и этике эмоций, но он — очевидный пример практической значимости лингвистики эмоций, ее важности для практики коммуникации, как и многих других аспектов, упомянутых в данной статье.

2.1.2. Голос эмоций в культуре народа и в художественной литературе

Когда вы окружены англоговорящим миром, к которому не принадлежите, вам следует быть осторожным в процессе речи; несет ли в себе это выражение какое-либо специфическое значение или оно просто хорошо звучит? Это не просто пение, когда вы открываете рот без обдумывания того, что из него выйдет, особенно в процессе выражения своих эмоций.

Интерес к изучению эмоций стремительно растет в различных сферах науки. Давайте совершим короткое путешествие вокруг проблемы эмоций от психологии к лингвистике через литературу.

Философский подход — эмоция как способ отражения мира — был самым первым из известных подходов (Платон, Аристотель, Декарт, Спиноза, Кант). Другие подходы к изучению эмоций — психологический, этический, эстетический, социологический, физиологический и лингвистический (самый молодой). XX в. — психологический и физиологический (быстро бьющееся сердце — показатель эмоций) интерес к эмоциям. Социальный подход: эмоции как тип поведения — эмоциональное поведение.

ние. Антропологический подход: эмоции — это сфера культурных различий. Вычислительный подход (как добавить эмоции в синтезированную речь): модули, которые предлагают информацию об эмоциональном состоянии говорящего. Пример: ужас — повышенный тон голоса; злость — паузы.

Одна из главных функций литературы — определить, пометить и зафиксировать в художественных текстах эмоции человека как коммуникативную разновидность. Литература — это депозитарий (очаг) и хранилище для обозначения, выражения, описания, имитации, симуляции, эвокации эмоций (Д. Лоуренс ощущал потребность учить нас в своих любовных художественных произведениях чувствовать нежность).

Эмоции в произведениях литературы (вербальные/невербальные) выражаются не прямо, а через эмотивные знаки, которые уже наблюдаются напрямую. Психические (мыслительные) стили — когнитивные и эмоциональные отношения / состояния.

Все может быть выражено в любом языке независимо от количества слов в нем. Так, например, словарный состав английского языка составляет 50000 слов, а современный русский соответственно — 170000 слов. Словарный запас Шекспира составляет 20000 слов, Чосера — 8000 слов, Гомера — 9000 слов, а ирландских крестьян — 2500—3000 слов. Тем не менее свои эмоциональные состояния каждый из вышеназванных людей может выразить вполне адекватно.

Мы не можем сказать больше с помощью более расширенного словарного запаса, но мы можем выразить себя более точным образом благодаря большему количеству слов. Мы приобретаем степень точности (аккуратности) с помощью того или иного количества слов. (Так, например, с помощью около 120 эмоционально-оценочных суффиксов русского языка мы можем выразить более тонкие оттенки своих эмоциональных состояний по сравнению с английскими 13 и немецкими двумя соответствующими суффиксами.)

Называя свои эмоции, мы помогаем и другим людям их определить. Но не всегда нам это удается сделать в данный момент и тем более в прошлом. Не каждая эмоция лексикализуется и концептуализируется. Многие оттенки эмоций не могут быть названы/не имеют названия (улыбка Моны Лизы Леонардо да Винчи).

Язык тела более прямолинеен и точен, чем вербальный язык эмоций. Эмоции в процессе человеческого общения постоянно меняются благодаря изменениям в мыслях и идеях.

В разном возрасте мы испытываем различные эмоции: в 5 месяцев — удивление, сожаление, волнение, страх, расслабление; в 4 года — вина,

конфуз; в 5—6 — превосходство, лицемерие, независимость, уверенность; в 15—16 — депрессия, беспомощность.

Наша аффективная жизнь связана с национальными (этническими) идеями, и поэтому эмоции могут быть ограничены географической местностью, историческим периодом (сентиментальность была популярна в XVIII в.) или этнической культурой.

Фундаментальные эмоции: интерес, радость, замешательство, удивление, горе, злость, отвращение, презрение, страх, конфуз, вина. Универсальные эмоции: любовь, ненависть, злость, страх.

Во многих культурах отрицательные эмоции доминируют (преобладают), т. к. люди стремятся омрачить восприятие мира, у них имеется сильная тенденция частично покрывать и усиливать друг друга.

Пример: если кто-то — кошка, то это точно не собака, а любовь и ненависть идут только рука об руку, но могут быть друг в друге (Hassliebe в Германии).

Но как можно объяснить контраст между амбивалентными эмоциями по отношению к негативности в эмоциональном лексиконе и амбивалентными эмоциями по отношению к позитивности в текстовом / коммуникативном использовании? С того времени, как мы чаще обращаемся к негативным эмоциям, но обладаем меньшим запасом слов для выражения положительных чувств, вывод таков, что лингвистическое выражение эмоциональной негативности должно быть более дифференцированным, чем выражение позитивности.

2.1.3. Эмоции в литературном стиле

После такого галопа через теоретические джунгли прошлых знаний, необходимых для дальнейшего обсуждения проблемы, автор хотел бы снова подчеркнуть различие между реальными эмоциями и теми, которые отражаются в литературе, между нашими собственными эмоциями или обращенными к другим людям после того, как мы испытали их сами.

Реальные эмоции более экспрессивные и живые, потому что эмотивный язык знаков, используемый в речи и литературе, не полностью охватывает все разнообразие и богатство эмоциональной палитры. Некоторые оттенки эмоций не всегда проявляются через вербальный язык, однако могут быть успешно реализованы через язык тела. Их описание в литературе можно сравнить с постсвечением давно умершей звезды, достигающим Земли через миллионы лет после своей смерти.

Но литература всегда существовала для того, чтобы отражать реальную жизнь во всем ее объеме, и особенно отражать ее эмоциональную часть. Все виды литературы: художественная литература, поэзия и драма —

всегда эмотивны, потому что первостепенная функция литературы — это представление эстетико-когнитивной функции, которая эмоционально заряжена.

Как все знают, поэзия имеет дело в большинстве случаев с чувствами и представляет собой чувства, поэтому предполагает высокий эмоциональный уровень повествования, что часто вызывает большое удовольствие.

Можно не соглашаться с мнением о том, что любая интерпретация какого-либо произведения литературы возможна только тогда, когда она сопровождается эмоциональным процессом мышления. Это же относится и к переводу художественной литературы с одного языка на другой: без эмоционального контента художественная литература не существует. И только различие в эмоциональном процессе мышления объясняет наличие огромного количества переводов одного и того же произведения литературы: «Война и мир» Л. Тостого имеет три версии английского перевода, шекспировский «Гамлет» имеет 14 версий русского перевода, «Отелло» — 17 русских версий, чеховская «Дама с собачкой» имеет три версии английского перевода, насколько нам известно.

Основная проблема филологического перевода касается эмотивных потерь, порождающих эстетическое столкновение, и это называется проблемой эмотивных лакун.

Стили литературы отличаются друг от друга особым выбором лексики и синтаксиса. В этой связи Дж. Мари определяет стиль как количество эмоций или мыслей, специфичных для данного автора. Ср.: Шарль Балли, который понимает стилистику как совокупность знаний только об эмоциях в литературе и речи.

Другими словами, когда мы говорим, что литература — это отражение реальной жизни, мы имеем в виду отражение через эмоциональный тренд/индекс/дейксис психологии автора (Солженицын, Хэмингуэй, Э. По). Говоря словами Сомерсета Моэма, «тема, которую выбирает автор, герои, которых он придумывает, и его отношение к ним обусловлено его предубеждениями и пристрастиями. То, что он пишет, является выражением его индивидуальности и показателем его эмоций, чувств и жизненного опыта». Отсюда выбор лексики и синтаксиса для описания вербального языка эмоций и языка тела, что является индикатором индивидуальности автора или говорящего.

Каждый индивидуальный выбор лексикона и синтаксиса различается референтной и эмотивной функциями общения. Референтная функция состоит из коммуникативных фактов или идей (фактическая, когнитивная информация произведений литературы: художественной литературы, поэзии или драмы). Это дает эффект через денотативные (номинативные или логические) значения слов.

Например: *Пожилый человек в очках со стальной оправой и в очень потрёпанной одежде сидел у дороги* (Хэмингуэй).

Эмотивная функция общения через литературу помогает возбуждать чувства (эмоции) и отношения. Важно, что это заполняется эмотивными знаками языка и через стилистические средства. Почему мы читаем произведения литературы? Мы читаем их, чтобы получить удовольствие, пробудить восхищение и потренировать у себя огромное количество эмоций, узнавая что-то новое о них.

Художественная литература всегда человечна и всегда приносит людям радость и делает их лучше в своих мыслях и поступках. Называя писателя студентом жизни, что всегда будет эмоционально, мы словно бы дарим ему самый лживый комплимент. Много писателей, таких как Шекспир, Дж. Лоуренс, Эмили Дикинсон, Вальтер Витман, Чехов, Толстой, Достоевский, Пушкин и др., выдержали проверку временем и до сих пор доставляют эмоциональное и интеллектуальное удовольствие читателям.

Л. Толстой считал, что главная функция любого искусства (а литература — это искусство слов) — это передача эмоций от одного человека к другому. С этой точки зрения литературу можно назвать гомологией (человековедением), потому что она помогает в изучении человеческой природы. Эмоции являются ее центральной частью, ее Эго. Без преувеличения можно сказать, что эмоции управляют миром и произведения художественной литературы — яркое тому доказательство.

К настоящему моменту внимание было сконцентрировано на феномене эмоций, их роли в нашей жизни и месте в литературе. В заключительной части этого подраздела хотелось бы подчеркнуть, что знания человека о своих эмоциях можно почерпнуть из произведений художественной литературы.

Очевидно, что художественная литература — это хранилище слов, обозначающих, выражающих и описывающих человеческие эмоции, набор категориальных эмоциональных ситуаций человеческого общения, способы их презентации, средства вхождения и выхода из эмоционального общения, его тактики и стратегии. А это означает, что в процессе чтения художественной литературы, поэзии или драмы студенты могут узнать, как назвать ту или иную эмоцию, которую мы чувствуем и испытываем. А называя их, студенты учатся определять не только свои эмоции, но также и эмоции своих речевых партнеров, потому что одна из функций литературы как раз и заключается в этом. Они также узнают из художественной литературы, что многие эмоции не могут быть концептуализированы и лексикализированы, особенно их оттенки, которые не имеют специальных слов для называния и могут быть описаны через импликации и ассоциации.

Это означает, что эмоциональная жизнь людей гораздо богаче, чем языковые ресурсы. Другими словами, языковой континуум не полностью покрывает весь эмоциональный континуум человеческой жизни: некоторая его часть находится за пределами языка.

Произведения художественной литературы также показывают читателям то, что эмоции героев, так же как и эмоции рассказчика, эксплицируются не напрямую, а через особые эмотивные знаки, которые уже наблюдаются напрямую. Эти знаки четко категорируются в названия эмоций тех, кто их испытывает, и в знаки, чья функция заключается в том, чтобы описать язык тела эмоций. Это означает, что из произведений художественной литературы читатели учатся различать вербальные и невербальные средства выражения эмоций и языковые знаки для их называния, выражения и описания. Читая произведения художественной литературы, интересно узнать, что язык тела человека более прямолинеен, точен, искренен и его гораздо легче раскодировать, чем вербальный язык эмоций.

Из всего вышесказанного можно предположить, что когда мы обучаем студентов литературе, мы можем, нам следует (каждый выбирает, что ему больше нравится) обратить их внимание на эмоции, показать им, как они описываются и выражаются, научить их определять свои собственные эмоции, пробуждаемые произведениями литературы, и показать им, как выражать и контролировать их через слова и без них.

Эмотивная компетенция языковой личности сделает еще больший вклад в то, как студенты преподносят себя в языке, и повысит культурный уровень их общения.

Авторитеты литературных талантов в публицистике также показывают: эмоции могут вербально скрываться, контролироваться и храниться, но выдаваться языком тела. И все эти симптомы языка тела описаны в произведениях литературы, читатели могут держать их у себя в памяти в виде эмоциональной карты, с помощью которой можно читать скрываемые эмоции своего собеседника (см. [29]).

2.1.4. Концептуализация и лексикализация эмоций

Профессор Оксфордского университета Джин Эйтчисон сетовала на то, что лингвисты боятся эмоций и мало о них пишут. До середины 1970-х гг. проблема языковой концептуализации и вербализации, равно как и категоризации эмоций, действительно, была довольно экзотической и опасной: работы, изредка появлявшиеся в лингвистике на эту тему, чаще вызывали неприятие, чем интерес. Но позже начали зарождаться контуры новой лингвистической парадигмы — гуманистической с пристальным вниманием к создателю, носителю и пользователю языка, к его психологии, лингвисты

уже не могли обойти сферу эмоций как самый человеческий фактор в языке. На смену общеизвестному категоричному звегинцевскому «это не язык» приходит осознание того, что Ш. Балли во многом был прав, провозглашая приоритет аффективного в языке.

Как резюмируется в диссертации Я.А. Покровской, эмоции — универсальная сущность. Они являются одной из главных составляющих невербального аспекта языковой личности. Именно поэтому адекватно выразить эмоцию словами, т.е. через их лексикализацию, невероятно трудно, и вербальное выражение эмоций представляет собой лишь верхушку айсберга.

Природа невербального выражения эмоций интересовала ученых и мыслителей начиная с древнейших времен. Одна из первых развернутых теорий сущности эмоциональных явлений, предложенная Ч. Дарвином, провозглашала наличие связи между анатомо-физиологической организацией живых существ и внешним выражением их эмоциональных проявлений. Современными сторонниками взглядов Ч. Дарвина было показано, что при анализе эмоционально-экспрессивного поведения людей, принадлежащих к никогда не соприкасавшимся ранее культурам, прежде всего бросается в глаза единообразие невербального проявления некоторых из их эмоциональных состояний, таких как гнев, радость, печаль, удивление, страх и некоторые другие, которые тоже концептуализуются, но, не лексикализуясь, выражаются авербально.

Учет данных общей, возрастной, социальной психологии и этнопсихологии важен для различных направлений исследования языка эмоций в лингвистике. К такому выводу с неизбежностью приходишь, знакомясь с трудами талантливого исследователя языка эмоций А. Вежбицкой. А. Вежбицкая внесла большой вклад в толкование эмоциональных концептов, используя понятия семантических примитивов. В течение более 20 лет она создавала «естественный семантический метаязык», который позволил ей построить четкие, непротиворечивые и ясные толкования эмоций. Критикуя используемые ее предшественниками «измерения», или «основные признаки» значения, такие как оценка (evaluation), потенция (potency), деятельность (activity) [87; 84], как сложные и туманные, не имеющие никакого ясного и интуитивно воспринимаемого значения, А. Вежбицкая предлагает определять эмоциональные концепты «с помощью слов, которые были бы интуитивно понятны и не являлись бы сами именами эмоций и эмоциональных состояний».

В одной из своих последних статей А. Вежбицкая [71] убедительно показывает роль языка в номинации и интерпретации эмоций для их адекватного межкультурного восприятия и понимания. Автор доказывает, что язык проникает во внутреннюю структуру названий человеческих эмоций, тем

самым определенно, т. е. концептуализируя и лексикализируя их. Автор утверждает, что существуют универсальные «когнитивные сценарии», позволяющие людям осознавать свои собственные и чужие эмоции — эмоции речевых партнеров. Эти «сценарии» являются гидом, облегчающим межкультурный обмен эмоциями и позволяющим их сравнивать и опознавать в межкультурном общении.

Через анализ, представленный в упоминаемой статье А. Вежбицкой и ее соавтора, она пытается показать, что такое культурно независимое средство описания и толкования доступно в естественном семантическом метаязыке NSM (от английского названия 'Natural Semantic Metalanguage'). Это средство, как показано в статье, многократно протестировано, в том числе и в сфере концептуализации и лексикализации — номинации одних и тех же эмоций в разных лингвокультурах.

Статья детально обсуждает польское название эмоции «*żal*», выкристаллизовывая его два значения, не переводимых дословно на другие языки. Например, в статье показывается несоответствие этого польского слова английским номинациям соответствующих эмоций: *grudge, sadness, sorrow, grief*.

Семантический анализ имен эмоций сопровождается в статье обсуждением той роли, какую могут играть для понимания имен человеческих эмоций личные автобиографические «показания» людей. И прежде всего тех, которые одновременно пользуются двумя языками и культурами, включая и свидетельства билингвокультурных писателей.

Статья подтверждает теоретически результаты собственного практического опыта авторов в кросскультурном общении при описании и назывании анализируемых эмоций в разных языках. Все это делает данную статью А. Вежбицкой оригинальной и открывающей новые перспективы в исследовании концептуализации и лексикализации универсальных человеческих эмоций в национально-этническом аспекте.

Разносторонне изучена система эмотивных знаков и способов «упаковки» концептов с разным эмоциональным наполнением. Важным этапом в достижении новых знаний о концептуализации и вербализации сферы человеческих чувств стало изучение текстообразующего потенциала эмоций, их мотивирующей и реализующей функции.

На современном этапе изучения реализации категории эмотивности в лексике возможно выявление следующих направлений исследований: 1) изучение отдельных эмотивных лексем; 2) изучение лексико-семантических групп эмотивной лексики; 3) изучение синонимических и антонимических отношений эмотивной лексики; 4) изучение семантических/тематических полей, охватывающих эмотивную лексику; 5) изучение роли метафоры в семантическом представлении эмоций.

Моделирование концептов, в частности концептов эмоций, представляет одно из наиболее интересных, перспективных и продуктивных направлений когнитологии — отрасли языкознания, в центре внимания которой находится язык как общий когнитивный механизм, оказывающий влияние на процессы получения, хранения, переработки и трансляции эмоциональной информации.

Монография Б. Волек посвящена сложной и актуальной проблеме эмотивности языка [92]. Вплоть до начала 80-х гг. эмотивность считали «несемантической» сферой языка, относили к маргинальным явлениям, якобы нарушающим систему и грамматические нормы. В лучшем случае эмотивность упоминалась в научной литературе лишь как стилистическая и фоностилистическая черта языка. С начала 80-х гг. стали делаться попытки рассмотреть с позиции семантики, синтактики и прагматики эмотивное поле языка как некую семиотическую по своей функции систему.

Б. Волек сумела вывести давнюю и чрезвычайно перспективную проблему эмотивных знаков языка из узких рамок генеративной лингвистики в области антропологической (роль человеческого фактора в языке), прагматической (взаимоотношение языковых знаков с говорящими-слушающими в конкретных речевых ситуациях), социальной (зависимость средств выражения эмоций от национальной специфики языковых обществ) и когнитивной (эмоции и познание) лингвистик. Решение такой задачи позволило Б. Волек внести определенный вклад в интегральное описание языка и вербального общения.

Прежде всего, Б. Волек пытается разграничить эмотивность и экспрессивность с семиотической точки зрения. Надо сказать, что попытки развести эти две взаимосвязанные категории предпринимаются в лингвистике давно и пока довольно безуспешно, поскольку до сих пор остается невыясненным, что же собой представляет экспрессивность как лингвистический феномен.

По ее мнению, в науке возможно сосуществование двух пониманий экспрессивности: по одному из них экспрессивность — это прямое и намеренное выражение эмоционального опыта человека с помощью специальных семиотических средств языка и символических индексов. По другой концепции экспрессивность — это ненамеренное самовыражение эмоций говорящего с помощью симптоматического использования соответствующих кодированных языковых средств. Свое дальнейшее исследование Б. Волек строит на первой концепции экспрессивности, подчеркивающей тесную взаимосвязь экспрессивности и эмотивности.

Б. Волек предлагает типологию эмотивов, среди которых особое внимание уделяет символическому типу эмотивных знаков. По мнению автора, большинство эмотивных знаков являются символическими индексами,

поскольку они «помимо своего понятийного содержания выражают еще и эмотивность без представления ее в обобщенном концепте» [92: 119]. Символический характер эмотивных знаков Б. Волек объясняет тем, что выражаемая эмоция всегда принадлежит конкретному говорящему, а используемый им для этого эмотивный знак относится к этому говорящему как к носителю данной эмоции. Говорящий при этом выступает вторичным десигнатом такого слова и экзистенциально относится к нему: говорящий и носитель эмоции выступают в этих символах как одно и то же лицо.

Для выработки концепции эмотивных знаков языка Б. Волек в качестве практического материала избрала русские диминутивы, которые наиболее рельефно отражают всю специфику эмотивности как семантической категории языка. Автор признает факт существования языковой категории эмотивности и трактует ее как «определенные психофизические ощущения и отношения говорящего (не обязательно оценочные), которые он испытывает во время говорения и которые он выражает в речи без трансформирования их в понятийные знаки» (Там же: 12). Представляется, однако, что в такой трактовке речь идет не о языковой категории эмотивности, а о психической (психологической) категории эмоциональности, которая, только пройдя языковую «переработку», становится эмотивностью, т.е. языковой категорией.

Ю.А. Сорокин считает, что сочетание «эмоция и когниция» является нонсенсом на том основании, что «коня и трепетную лань вместе запрячь не удавалось еще никому» (подробнее об этом см. подразд. 2.4.3).

2.1.5. Репрезентация эмоций

Особое место в изучении эмотивности принадлежит исследованиям, в которых эмотивность изучается на уровне высказывания. Здесь следует прежде всего назвать исследование Л.А. Пиотровской «Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков)» [39] и работу М.Д. Городниковой «Эмотивные явления в речевой коммуникации» [17].

Из всего множества высказываний, в содержание которых входит выражение эмоционального состояния или отношения субъекта речи к чему-либо, Л.А. Пиотровская исследует те, в которых, согласно Ш. Балли, «выражение чувств преобладает над выражением чисто логической мысли» [3: 298]. Л.А. Пиотровская приходит к выводу о том, что дифференциальным признаком, отличающим эмотивные речевые акты от других классов речевых актов, является прежде всего их иллокутивная цель [39: 31]. В духе времени звучит и ее утверждение о том, что особый интерес представляют психолингвистические исследования, учитывающие типы эмоционально-

го взаимодействия партнеров по акту коммуникации, их социальный статус и особенности межличностных отношений [39: 129].

М.Д. Городникова посвящает свою работу рассмотрению эмотивных единиц немецкого языка в трех ипостасях: в языке, в высказывании и в тексте. Она также касается проблемы речевых актов, типология которых, по ее мнению, несовершенна, но и она специально выделяет эмотивные речевые акты в этой типологии, т.е. вопрос о выделении эмотивных речевых актов М.Д. Городниковой не подвергается сомнению [17].

Монография И.В. Труфановой теоретически и фактуально подтверждает наличие таких речевых актов [51]. Напомним, что ни Дж. Р. Серль, ни Д. Вандервекен, ни Дж. Л. Остин не выделяли такие речевые акты в своих типологиях (Там же: 204—238).

В литературе было принято называть эмотивные речевые акты экспрессивами, с чем И.В. Труфанова не согласна. Она предлагает следующую классификацию эмотивных речевых актов (РА): 1) эмотивы — речевые акты, существенное условие которых — выражение говорящим своих эмоций («Освобождений! Долгожданное освобождение финдиректора от этого бедствия в лице Лиходеева!» (Булгаков М.А. Мастер и Маргарита); 2) эмотивно-оценочные — речевые акты, производимые ради выражения эмотивно-оценочного отношения говорящего («Пять месяцев... И мне хочется твердо и определенно сказать себе, что я очень глупо провел эти пять месяцев» (Бунин И.А. Без роду-племени)); 3) речевые акты эмоционального воздействия на слушающего (Там же: 205).

И.В. Труфанова указывает также на условия успешности эмотивов в человеческом общении [51: 207—208]. Среди них важнейшее условие — когда говорящий не может не выразить эмоцию. В основу типологии *частных* эмотивных речевых актов должно быть положено, по мнению И.В. Труфановой, количество выражаемых ими эмоций: сколько эмоций выражается эмотивами, столько существует частных эмотивных речевых актов.

Приводит И.В. Труфанова и индикаторы речевых актов, например, междометные высказывания, «фигуры» эмотивного синтаксиса, эмоциональные паузы, восклицания и др. [51: 211—239]. Различая прямые, косвенные и эмотивно-оценочные речевые акты, каждый из которых также имеет свои индикаторы, И.В. Труфанова дает подробную классификацию даже самых мелких разновидностей речевых актов, которая трудно воспринимается в целостном виде, настолько она дробная.

Общепризнано, что эмоция является сложным процессом: с одной стороны, она выступает как «конкретная психическая форма существования потребности»; с другой стороны, она механизм оценки ситуации с точки зрения потребностей индивида; с третьей стороны, эмоция — механизм

перенастройки организма, подготовки его к необходимому действию; и, наконец, эмоция — стимул к действию. Этим, а также целеполаганием говорящего и объясняется многообразие типов эмотивных речевых актов.

Интересны результаты, проливающие свет на репрезентацию эмоций в высказываниях, достигнутые некоторыми исследователями, не ставящими перед собой специальных задач изучения эмотивности, а исследующими какие-либо аспекты функционирования высказываний в речи. Существование таких находок естественно, поскольку эмоции пронизывают язык, и, какой бы проблемой ни занимался лингвист, можно с уверенностью сказать, что на каком-то этапе исследования он сталкивается с определенным проявлением в языке эмотивной функции. В современной лингвистике проделана огромная плодотворная работа по изучению стилистики эмоций в трудах И.В. Арнольд, И.Р. Гальперина, Ю.М. Скребнева, В.А. Кухаренко, В.К. Чаковской, В.К. Тарасовой, Т.В. Юдиной, Т.И. Воронцовой, И.А. Щировой и многих других исследователей.

Естественно, что наибольшую репрезентацию эмоции получают в художественной литературе: в эмотивной прозе, поэзии, драматургии, т.е. именно эти тексты представляют собой депозитарий категориальных эмоциональных ситуаций межличностного человеческого общения, имен эмоций, способов и средств их языкового/речевого/текстового выражения и описания, телового эмоционального поведения и его вербализации, различных способов моделирования эмоций и эмоциональных манипуляций.

Как утверждал Л.Н. Толстой, вся художественная литература предназначена для воспитания эмоций человека и, от себя добавим, этики их демонстрации, симуляции, имитации и маскировки. И все эти знания об эмоциях, черпаемые человеком говорящим из художественной литературы и обыденного речевого общения в течение определенного коммуникативного опыта, формируют у него эмотивную/эмоциональную компетенцию как специфическую компоненту коммуникативной компетенции.

Трудность выражения своей мысли на иностранном языке зависит прежде всего от трудности выражения на нем эмоций. Особенно трудно по этой причине свидетельствовать в суде на иностранном языке. Этому надо специально обучать через обучающую коммуникацию на иностранном языке.

Для успешной коммуникации как моно-, би-, так и поликультурные коммуниканты должны обладать адекватной эмоциональной/эмотивной компетенцией, которая помимо вышеперечисленных компонентов включает в себя следующие:

- 1) знание общих лингвокультурных кодов эмоционального общения;
- 2) знание эмоциональных доминант этих кодов в форме эмоциональных концептов;

3) знание правил *code switching* и их корреляцию с общечеловечески-ми/национально-культурными ценностями;

4) знание маркеров эмоционально-этнической идентификации речевых партнеров и правил эмоционального общения с ними;

5) знание и владение средствами номинации, экспрессии и дескрипции своих и чужих эмоций в обоих семиотических лингвокультурных кодах, участвующих в конкретном общении.

При этом признается, что даже внутри одного языка (и одной культуры) общение двух языковых личностей уже является межкультурным, в том числе и за счет различия их эмоциональных дейксисов и эмоционального интеллекта.

Эмоциональная компетенция языковой личности приобретается через жизненный опыт и в реальной коммуникации, а эмотивная компетенция — через научающую и художественную коммуникацию.

Итак, эмоции культурно обусловлены, они навязываются языковому коллективу этноса различными когнитивными сценариями, ассоциирующимися с тем или иным терминопонятием эмоции [5: 118]. Все когнитивные сценарии эмоций сформированы не универсальной человеческой биологией и психологией, а культурой конкретного этноса и его национально обусловленными рефлексам [7].

Все вышеобозначенные моменты влияют на форму и качество презентации/экспликации эмоций в различных типах эмотивных высказываний/речевых актов и на их коммуникативную эффективность.

2.2. Авербалика эмоций. Как «читать» друг друга

Наблюдая за мимикой, жестами и интонацией человека, а также его соматикой (соматиконом: покраснение, побледнение, тремор и т.п.), мы можем определить эмоциональное состояние говорящего и искренность/неискренность его речевого поведения.

Существуют физиологические карты-альбомы для медиков, с помощью которых врач может определить физическое состояние пациента и даже тип его заболевания, т.е. поставить диагноз. Другими словами, еще до разговора с больным по его внешнему виду (соматикону) опытный врач диагностирует болезнь пациента и может сразу приступить к адекватному диалогу с ним.

2.2.1. Семиотика лица

Так, например, по выражению лица: если речевой партнер смотрит вам прямо в глаза и широко улыбается, то больше шансов на то, что он искренен с вами. А если отводит глаза в сторону и не улыбается или улыба-

ется натянуто, что очень заметно, то, скорее всего, он с вами неискренен. А взглядом исподлобья ваш собеседник невольно выдает свое неодобрительное к вам отношение или недоверие или полное неприятие / неприязнь. На нижеприведенном коллаже каждое лицо выражает определенную легко декодируемую эмоцию.

Все многообразие эмоций отражено на лицах людей
(автор коллажа А. Тараканов)

Радостной улыбкой встречает мир ребенок

Отчаяние потери в глазах отца
(Наука и религия. 1987. №6)

Роберт Оппенгеймер. (Известия. №247. 1994. 24 дек. С. 7.)

Текст под фотографией гласит: «Растерянность и боль поселились в глазах Роберта Оппенгеймера, руководителя проекта создания атомной бомбы, когда он осознал всю чудовищность дела, в котором участвовал. Фотокамера выдающегося фотографа Филиппа Хальсмана через несколько лет после прозрения Оппенгеймера уловила затаившееся в глазах великого физика страдание».

2.2.2. Семиотика телодвижений

Отношение к вам собеседника можно определить и по его рукопожатиям: он старается первым протянуть руку широко открытой ладонью, пожимает ее приветливо, ненавязчиво и не пытается сжать до боли, демонстрируя свою силу или превосходство. Он как бы отвечает на степень силы вашего ответного рукопожатия.

Свою открытость и доверительность собеседники демонстрируют не только с помощью протянутых друг другу обеих ладоней или проявлением желания обнять друг друга, но и свободой костюмов: расстегнутые пиджаки, ослабленные галстуки. Дружеское расположение также демонстрируется нескрещиванием рук и ног и легким наклоном друг к другу во время разговора.

А если собеседники скрестили свои руки и ноги, и тем более если один из них или оба сжали кулаки, то это сигнализирует о напряженности в беседе или о разворачивании конфликта.

Эмоциональная информация о человеке может передаваться и его телодвижениями: шаркающие, тяжелые шаги, вялость, согбенная, ссутуленная фигура, потухший взгляд, безжизненное лицо, тусклый голос, общая заторможенность — все это свидетельство физической болезни либо большой неприятности и серьезных переживаний. Сюда же можно добавить и слезы — медленные или бурные.

Всем известна задумчивая поза мыслителя Диогена — кулак, подпирающий подбородок, и согбенная спина. В русском языке существует фразеологизм «почесать репу» — в случае раздумья, нерешительности и неопределенности своей вербальной реакции человек может почесывать затылок или голову, что является одним из стереотипов поведения русского этноса. Такое же эмоциональное состояние говорящего репрезентируется почесыванием глаза и кончика носа, а также прикасанием к мочке уха.

О беспокойстве и нервозности свидетельствуют покашливание, прочищение горла, прикрывание рукой рта. Типичный жест, выражающий неуверенность, — переплетенные пальцы рук, при этом большие пальцы нервно двигаются или пощипывают ладони. Другой жест — когда грызут или сосут конец авторучки или ногтя.

Как отмечают психологи, человек, говорящий доверительно, скорее всего, не делает жестов типа прикрывания рта, почесывания носа или головы и т.п., держится прямо.

Если руки соединены за спиной, подбородок поднят вверх — да это же хорошо знакомая авторитарная поза, поза абсолютного превосходства (подробнее об эмоциональном языке тела см. [29]).

2.3. Современный уровень знаний о лингвистике эмоций

Анализ довольно многочисленных единиц с эмотивной семантикой и их функционирования в художественном и естественном речевом обществе выявил три семантических статуса эмотивности: 1) статус обязательной (денотативной) эмотивности; это собственно и есть эмотивное значение слова, оно — единственный компонент его лексического значения; 2) статус факультативной, по отношению к логико-предметному компоненту значения слова, эмотивности; это и составляет собственно коннотацию слова; 3) статус потенциальной эмотивности, она составляет эмотивный потенциал слова.

Как видно из этой категоризации эмоций, в первом случае, т. е. когда эмотивность является эмотивным наименованием определенного объекта мира, она представлена в слове эмотивным значением. Это значение для таких единиц обязательно, т. к. их единственной семиологической функцией

ей является выражение сильных эмоций говорящего. Эта категория эмотивности может быть проиллюстрирована междометиями, бранными словами, вульгаризмами, эмоционально-оценочными наречиями и прилагательными, адресативами, т. е. лексикой, тип которой мы определяем термином «аффективы»: *матушка, батюшка, ласточка, касатик, золотце, голубушка, головопяп, кабацкий, дерьмо, тьфу* и др. Англ. примеры: *sugarpie, chicken, sweetheart, honey, terrific, bloody, stinking, smashing, horrid, awful, old girl/boy, confounded, blast, Oh!* Например: And then she said «*Oh!*» in that choked kind of way. And when a woman says «*Oh!*» like that, it means all the bad words she'd love to say if she only knew them (Wodehouse. *My Man Jeeves*).

Эмотивное значение в аффективах является основным, обязательным значением слова и может быть приравнено к денотативному. В связи с этим при категоризации компонентного состава денотативного макрокомпонента лексического значения слова, традиционно выделяемого всеми исследователями семантики, по-видимому, необходимо различать логико-предметный и эмотивный компоненты. Таким образом, представляется возможным говорить о двух типах денотации: логико-предметной и эмотивной, которые в «чистом» виде реализуются в семантике слова порознь.

В случаях же, когда эмотивность в значении слова является не единственным семантическим компонентом, а соозначает совместно с логико-предметным, она имеет коннотативный характер, т. е. реализуется в статусе коннотации. Слова с эмотивной коннотацией, которые мы определяем термином «коннотативы», служат для выражения эмоционального отношения говорящего к называемому в логико-предметном компоненте значения объекту отражения или через его наименование к другому объекту отражения, обладающему сходными объективными или приписываемыми эмоциональным говорящим признаками (перенос, смещение денотата или отрыв от своего денотата): «лик» — «Не сходит улыбка с милого лица ее, и прелестен цветок у богини» (Ефремов И. Таис Афинская); «актрисенка» (Шоу И. Вечер в Византии); «берлога» (о своей квартире); «пресмыкаться»; «околачиваться» (о чел.); все зооморфизмы в применении к человеку: «Отжившие свой век динозавры, вялые и бессильные, в спортивных рубашках, они сидели друг против друга» (Шоу И. Вечер в Византии) (о пожилых бизнесменах-кинодельцах); *bejewelled, bemedalled, womanish, infernal* («extremely unpleasant», daddy, laddie).

Коннотативные слова, т. е. коннотативы, в отличие от аффективов имеют двухсоставную структуру лексического значения: название объекта отражения через логико-предметный семантический компонент денотации + эмоциональное отношение к нему через коннотативный (эмотивный) семантический компонент. Такие слова в основном всегда имеют

нейтральный коррелят: *lousy—bad; individual—man; pot—head*, «вздыхатель» — «ухажер»; «кипятиться» — «сердиться».

В статусе коннотации эмотивность сопровождает логико-предметный компонент семантики слова и является по отношению к нему факультативной. Эмотивный компонент в таких случаях участвует в означивании совместно с логико-предметным, т. е. он соозначает в отличие от его денотативного статуса, где эмотивный компонент является единственным означиванием, и потому он там облигаторен и является значением.

Речевые контексты художественных произведений показывают, что в определенных ситуациях практически любое слово может приобрести эмотивную коннотацию или *за счет актуализации* скрытых, вероятностных сем эмотивности, их семантических признаков или семных конкретизаторов, потенциально закодированных и свернутых в семантике слова, или *за счет наведения сем* эмотивности из консоциации на семантику нейтрального слова. Поэтому мы соответственно выделяем еще один статус эмотивности — эмотивный потенциал слова или текста.

Текст может наводить эмотивные семы на совершенно нейтральные слова. Например, на слово *son*: «*Oh! my son — my son!*» Mrs. Morel sang softly, and each time the coffin swung to the unequal climbing of the men. «*Oh? my son — my son — my son — my son!*» (Lawrence. *All my Son's Lovers*). Сюда же относятся текстовые словосочетания типа «дорогой, многоуважаемый шкаф» Гаева (Чехов), «ласковая, любимая» или «злая стена» Ромео (Шекспир).

Эмотивный потенциал семантики слова объясняется тем, что если объект вызывает у говорящего и отражающего субъекта определенный интерес, то несущественные признаки содержания понятия об этом объекте могут становиться существенными и получать эмоциональное осмысление. Соответственно потенциальные и вероятностные семы из периферии соотносительных с этим понятием лексических значений могут становиться вершинными и менять свой статус, а именно из нейтральных становиться эмотивно коннотатирующими: *woman, mother, death, home* (He would make everything up to him. He would never let him suffer again. *He would be mother and father for him.* — O'Connor F. *Short Stories*). Сюда же относятся и названия эмоций — *love, hatred, joy, fear, sadness, anger, rage, etc.*, которые в определенных консоциациях также могут стать эмотивно коннотатирующими.

Семантическая категоризация эмоций в лексической системе языка, таким образом, представлена эмотивностью в трех статусах: значением, коннотацией и потенциалом, а также в двух типах языковых эмотивов — аффективах и коннотативах, и в одном типе речевых эмотивов — потен-

циальных эмотивных лексемах. С этой точки зрения вся лексика в языке может быть эмотивной — актуально или виртуально [66].

Лингвистикой установлен полистатусный характер эмотивных единиц языка, доказано существование эмотивной валентности единиц разных уровней языка и речи. Выделены и определены эмотивный тип текста, его параметры и закономерности, его функции. Установлено, что любой текст может быть эмоциогенным. Эмотивный текст всегда эмоциогенен, т. к. вызывает эмоции у читающего/слушающего. Лингвистика эмоций установила различие между эмоциональностью и эмотивностью высказывания: оно эмоционально, если произвольно и служит средством выражения эмоции говорящего без цели воздействия на адресата. В том же случае, когда высказывание преднамеренно, осознанно и имеет интенцию воздействовать на адресата, а значит, осуществляется с помощью отобранных говорящим из арсенала эмотивных средств специальной лексики, синтаксиса и интонации, оно является эмотивным.

В современный уровень знаний, добытых лингвистикой эмоций, включаются и знания об эмоциональном и эмотивном языке тела. Установлено, что теловый язык более непосредствен, искренен и точен в эмоциональной коммуникации.

Среди разных типов картин мира (реальный мир — его концептуальная картина, языковая (лексическая, фразеологическая, грамматическая), семантическая и др.) лингвисты-эмотиологи выделяют эмоциональную картину мира, в которую включают как сами человеческие эмоции, так и эмоционально-оценочную номинацию фрагментов реального мира. Именно лингвистика эмоций подправила тезис философов, утверждавших, что эмоции являются формой отражения действительности [69]. На самом деле эмоции отражают не саму действительность, а эмоционально-оценочное отношение *homo sentiens* к ней.

Именно лингвистика эмоций внесла коррективы и в методику преподавания иностранных языков. Долгое время методисты считали, что преподавать иностранный язык надо, вначале научая студентов нейтральной лексике, а уж потом через художественную литературу они самостоятельно могут овладеть стилистически маркированными эмотивностью лексемами, фразеологизмами и синтаксическими структурами, а также словообразовательными эмотивными моделями неродного языка.

В межкультурном аспекте лингвистика эмоций доказала необходимость овладения эмотивным кодом иностранного языка в целях адекватной межкультурной эмоциональной коммуникации. Это лингвистика убедительно доказала, что в коммуникативную компетенцию языковой личности, пользующейся как родным, так и иностранным языком, должна быть обязательно включена эмоциональная и эмотивная компетенция.

Лингвистикой эмоций установлено, что эмотивный потенциал языка коммуникативно значим в межъязыковом общении: в процессе перевода с одного языка на другой особенно актуальными становятся знания о национально-культурной специфике картины мира, в том числе и ее эмоциональных фрагментов, проявляющейся в коде используемых языков. Эмоции — общечеловеческая универсалия, но их отражение в языке национально специфично, поэтому эмотивный компонент семантики языка естественно, согласно мнению эмотиологов, рассматривать в составе его культуроведческого аспекта.

Способы названия и выражения эмоций в разных языках имеют, помимо различий, базовые характеристики, обусловленные общими лингвистическими и психолингвистическими закономерностями самой языковой способности носителей языка.

Лингвистика эмоций подошла вплотную к необходимости создания словарей нового типа — словарей эмотивного лексико-фразеологического фонда языка и словарей полевого типа, например словарь лексико-семантического поля эмотивности конкретного языка, а также переводных словарей. Последний тип особенно необходим для межкультурной художественной коммуникации, поскольку трансляция эмотивных смыслов с одного языка на другой представляется серьезной помехой для адекватности и эквивалентности текста-оригинала и текста-перевода.

Благодаря лингвистике эмоций современные лексикографы осознали необходимость разработки словаря эмотивных лакун. Напомним, что двуязычные словари являются необходимым инструментарием для профессионала-переводчика, а также для научающей коммуникации. И, следовательно, они должны обязательно включать в себя все типы эмотивной лексики и семантики, в том числе и коннотативной. Составление такого словаря требует особой лексикографической методологии, поскольку даже прямые двуязычные соответствия нейтральной лексики чаще всего невозможны (ср. слова «друг» и «friend», проанализированные А. Вежицкой) [6].

Спектакль человеческих эмоций, в котором ежедневно участвуют все говорящие, требует владения как теорией, так и семиотикой эмоций. В большинстве случаев людей интересует не сама фактуальная информация, а эмоциональные ощущения, связанные с ней, провоцирующие выброс адреналина и меняющие химический состав крови. Представляется возможным говорить не только о неутомимой жажде экспрессии, но и о жажде эмоций, к которым стремится человек в своей коммуникативной деятельности.

Именно поэтому вызов, брошенный эмоциями лингвистике, был принят ею в конце прошлого века и получил успешную наработку в виде громадной суммы знаний о лингвистике эмоций. Объективная и представи-

тельная картина репрезентации эмоций в языке, учитывающая взаимодействие разнородных эмотивных элементов и отражающая специфику их использования в различных условиях общения, может быть получена при интеграции разноуровневых подходов к изучению языка эмоций в рамках единой концепции или теории.

2.4. Базовые положения лингвистической теории эмоций

2.4.1. Категориальная эмоциональная ситуация в свете теории и семиотики эмоций

Коммуникативная парадигма современной психолингвистики интенсифицировала изучение эмоций как базисного человеческого фактора в языке. Это объясняется тем, что любая интеракция человека изначально заряжена эмоциональностью, даже если она явно не выражена или выражена косвенно.

Любая интеракция представляет собой эмоциональную адаптацию к своему речевому партнеру и к данной коммуникативной ситуации. Конкретная эмоция всегда вызывается специфичной коммуникативной ситуацией, которую можно назвать типовой или категориальной.

Каждая КЭС в реальной коммуникации имеет свой эмоциональный профиль, который подвергается стилизации и типизации в художественной коммуникации, сохраняя в ней узнаваемость и адекватность реальной. В целях адекватного эмоционального резонанса в КЭС сохраняются, благодаря специфическим языковым знакам (эмотивным), и вызываются в памяти художественных коммуникантов и коммуникантов-читателей определенные эмоциональные следы, которые связаны с концептами или образами, приобретенными эмоциональным опытом коммуникантов данной КЭС.

Исследователи Argenti, Averill, Nunley назвали эти образы эндосептами. Благодаря их адекватной активизации в сознании и эмоциональной памяти коммуникантов осуществляется эмоциональное резонирование с конкретной КЭС, с ее (а)вербальной семиотикой и с эмоциональным профилем коммуникантов в данной КЭС. В каждой КЭС имеются объективные лингвистические знаки, которые оповещают о типе манифестируемых в ней эмоций (или их кластере). Согласно Кристофу Бюргелю, адекватное опознание выражаемых (или описываемых) в конкретной КЭС знаков происходит одновременно по двум каналам сознания/мышления (дедуктивному и абдуктивному).

Для этого коммуниканты должны в своей эмоциональной/эмотивной компетенции иметь структурированные знания о теории эмоций и о семи-

отике эмоций. Эти две системы знаний являются взаимодополняющими в опознании/осознании (понимании) испытываемой, транслируемой, вызываемой эмоции. Уже одной из них, как правило, достаточно — теории или семиотики эмоций, — чтобы опознать актуальную в данной КЭС эмоцию. Но, чтобы определить более/менее конкретную температуру этой эмоции (градацию и интенсивность), необходима синхронная работа обеих систем знания у всех участников данной КЭС: активных художественных партнеров, художественного наблюдателя и реального (читателя).

Поскольку эмоции явно доминируют в сегодняшнем мире СМИ, политиков, молодежи и др. и превратились в важнейший элемент адаптации человека к все увеличивающейся опасности его бытия, позволим себе не согласиться с Э. Сепиром, который утверждал в своем классическом труде «Язык», что эмоциональная составляющая не присуща самому слову и что демонстрация эмоций не представляет никакого интереса для лингвистики. Великие лингвисты тоже заблуждаются: вся наука субъективна.

Когнитивным ключом к изучению человеческих эмоций, как теперь точно известно, является именно язык, который вербализует, категоризирует их и все знания о них. Художественная литература является депозитарием человеческих эмоций и через КЭС моделирует эмоциональный опыт индивида, социума, этноса, народа, что влияет на формирование их эмоциональной картины мира. Отсюда активность и теоретическая значимость лингвистических штудий проблемы КЭС.

Примеры КЭС:

— *ваучеризация* — через короткое время эта КЭС сменила свой аксиологический знак *плюс* на *минус* и свою базовую эмоцию *радость* на *гнев*;

— *монетизация* — эта КЭС получила сразу амбивалентный аксиологический знак: для Правительства РФ — *хорошо*, для пенсионеров — *плохо* и полярную эмоциональную доминанту: для Правительства РФ — *ожидание благодарности*, для пенсионеров — *негодование, возмущение*.

2.4.2. Эмоции — мотивационная основа человеческого сознания

Проблема сознания в отечественной лингвистике уже второй век исследуется в основном на методологической базе деятельностного подхода, предложенного Н.А. Леонтьевым. Судя по необозримому количеству работ психолингвистов, они зациклились на тезисе о единстве языка и сознания, на интерпретации сознания только с помощью языка, который через свои инструменты, в частности через слово, опосредует сознание. Уже аксиоматичен вывод о том, что якобы единственным плодотворным путем изучения сознания является раскрытие структуры значений и смыс-

лов, поскольку детерминантами сознания являются семиотические конструкции (знак, значение) (см. об этом [52]).

К настоящему времени получено много знаний о единстве речи и мышления, языка и сознания. В свете современной когнитивной парадигмы адекватным представлением о языковом сознании человека является его единство не только с языком и деятельностью, но и с образом мира, картиной мира, менталитетом, культурой, языковой/речевой личностью [18].

Фактически в большинстве последних по времени работ о сознании до сих пор речь идет о языковом сознании, и даже понятия «образ мира» и «картина мира» основаны на *вербалистском толковании сознания*.

Однако всем психолингвистам известно, что «мысль изреченная есть ложь», поскольку мысль динамична и мегафонична, и, будучи трансформирована в семиотический знак, останавливается, огрубляется, омертвляется, сужается и т. д., т. е. искажается.

Слово действительно может считаться инструментом сознания, но оно вряд ли ему изоморфно (как и язык). Д.С. Деннет упоминает в своем труде психолога Франка Кейла и его коллег из Корнелла, которые «нашли подтверждение тому, что определенные концепты высокого уровня абстракции — такие, например, как “жить”, “обладать” — *генетически заложены в инструментарий мозга маленького ребенка* (выделено нами. — *В.Ш.*); когда в мозг ребенка входит специальное слово для обозначения действий “брать”, “давать”, “иметь”, “хранить”, “прятать” и др. из этой же категории, оно находит там уже отчасти созданную для него нишу» [19: 195]. Разве этот факт можно объяснить вербальностью мышления и единством языка и сознания? Кто же в инструментарии мозга создал эти (и им подобные) ниши, как, например, в случае человеческих представлений о конструктах месторасположения объектов: «на», «рядом», «позади» и др., которыми человек оперирует инстинктивно?

Для ответа на эти вопросы у человека «должна существовать генетическая предрасположенность для усвоения ... преднамеренной позиции в отношении чего-то» (Там же). Теория Н. Хомского о глубинных врожденных структурах, теория мыслительного модуля А. Лесли, изыскания Ф. Кейла и др. о генетически заложенных в мозг человека определенных концептах говорят о том, что питаются «исключительно мыслью о включенности языка в процесс мышления» (Там же: 196) больше нежелательно, т.к. это уже больше не способствует продвижению вперед в изучении сознания. Пора перейти «к рассмотрению деталей взаимодействия <...> *довербальных информационных структур* (выделено нами. — *В.Ш.*) и языка» (Там же: 195).

Данный призыв считаем и давно своевременным, и плодотворным, т. к. отечественные работы последних десяти лет по исследованию созна-

ния в основном методологически повторяют друг друга и великих ранних отечественных психологов, вплоть до их сакрализации, что довольно опасно, об этом предупреждает и Р.М. Фрумкина (см. [54]). Более или менее интересными разве что являются новые данные о различиях в ядрах языкового сознания разных национальных культур. С другой стороны, «любой достаточно большой список слов-стимулов «приводит» к одному и тому же для данной культуры ядру языкового сознания, *т.е. в их системности* (выделено нами. — *В.Ш.*)» [52: 218—220].

Одними из довербальных информационных структур сознания неоспоримо, на наш взгляд, являются эмоции человека. Какие аргументы можно извлечь в пользу этого тезиса из современных знаний об эмоциях как психологическом и физиологическом кодах?

Формирование сознания, по А.Н. Леонтьеву, происходит в процессе деятельности. Эта деятельность, будучи активной и производительной, не может быть беспристрастной. Мотив такой деятельности всегда эмоциональный — стремление к успеху. Хотя некоторыми учеными и подвергается сомнению предположение теории эволюции о том, что «в природе личности изначально заложено стремление к соперничеству, а не к совместной деятельности» [19: 194], жизненная практика убедительно показывает, что такой эмоциональный тренд и человеку, и социуму, увы, присущ. И это — не рациональная, а *эмоциональная доминанта сознания*.

Психологи и физиологи приводят бесспорные доказательства того, что эмоции являются частью интеллекта человека. Когнитивная теория эмоций рассматривает их как функцию разума [22]. Сегодня уже можно взять слово «сопровождает» в кавычки, т.к., по сведениям ряда источников, *эмоции являются довербальным компонентом когниции* и одной из подсистем сознания.

Такая внешняя экспликация внутренних психологических и физиологических процессов более симптоматична. Имеются и многие другие симптомы: эмоционально окрашенная информация запоминается быстрее и прочнее по сравнению с безразличной информацией, доказано существование эмоциональной памяти у человека и эмоциональной антиципации. В. Пенфильд и Л. Робертс различают три типа памяти и на первое место ставят память переживаний, т.е. эмоциональную память. При этом они поясняют, что эмоциональная память — это оживление эмоциональных следов ранее пережитого человеком, т.е. перенос его эмоционального опыта из одной ситуации в другую. Понятно, что речь идет о множественности такого переноса в течение всей жизни человека.

Отечественные психологи — крупнейшие авторитеты Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев по-разному соотносили эмоцию, интеллект и мышление. Они, видимо, интуитивно осознавали, что эти феномены

представляют собой определенное единство. Мысль о том, что решением этой проблемы может быть признание существования *эмоционального интеллекта*, долгое время витавшая в воздухе, получила, наконец, фиксацию в вербализованной форме благодаря Даниэлю Гоулману [78].

Концепт, который давно уже существовал в менталитете ученых-психологов, получил вербальное опредмечивание, и благодаря этому наука приблизилась к ответу на вопрос о том, как соотносить, соединить эмоциональную жизнь человека с его интеллектом, как привнести интеллект в эмоции.

Мы уже приводили слова Аристотеля о том, что самое редкое качество — уметь рассердиться на именно того человека, рассердиться до правильной степени и в правильное (*right*) время, с правильной целью и правильным образом. Следовательно, дело в соответствии эмоции конситуации (эмотивно-когнитивному дискурсу) и форме ее канализации.

Квинтэссенцией интерпретации концепта «эмоциональный интеллект» служат следующие слова Д. Гоулмана: «This expanded model of what it means to be "intelligent" (см. предыдущий абзац. — *В.Ш.*) puts emotions at the center of aptitudes for living» (Там же).

Эмоции наблюдаются и непосредственно через язык тела и опосредованно — через язык слов. Оба эти канала эксплицируют и эмоциональный ментальный стиль человека и его эмоциональный дейксис [62]. На роль того и другого в эмоциональном общении указывает фактор «эмоциональная проблема речевого партнера», ибо от нее зависят значения воспринимаемых и используемых слов, а следовательно, и взаимопонимание. Если у собеседников отсутствует общий центр эмоциональной координации общения, то наблюдаются эмоциональный диссонанс и неуспех в общении на контекстуальном лоне эмоций. Наше мышление базируется не столько на языке, сколько на субъективных, в т. ч. и эмоциональных, понятиях, которые задаются эмоциональным дейксисом говорящего и его эмоциональным ментальным стилем, входящими в его эмоциональный интеллект.

Роль вербального и авербального эмоционального кодов двоякая: эксплимирование в разной степени аппроксимаций внутренних переживаний говорящего и, синхронно, направление понимания реципиента в определенное эмоционально-интеллектуальное русло. Это особенно ярко проявляется в художественном типе общения (см. [40]).

Главное, что характеризует эмотивную вербалику, это аппроксимативность фиксации «эмоциональных состояний речевых партнеров, ибо «языковое одеяло» никогда не может покрыть все «эмоциональное тело» человека: оно уже с дырками (лакунами), беднее, примитивнее. В то время

как в эмоциональном сознании эта бедность отсутствует и на авербальном уровне эмоциональное общение людей тоже совершенно и адекватно и по форме, и по содержанию, эмоции транслируются не только через слово, но и через память, металл, звуки, свет, ткань и другие формы.

Все это говорит о том, что эмоции — неотъемлемый образующий компонент сознания, что они континуальны, не дискретны, а зонны [9: 5—12], как и все сознание, и в переживании, и в канализации. Другими словами, эмоциональное сознание является способом деятельности индивидуума и социума. Отсюда понятие «эмоциональная константа лингвокультурного сообщества» и признание национально (не) труднопроницаемости эмоционального сознания в межкультурном общении. Сознание равно пониманию, различие в эмоциональных константах разрушает это равенство: эмоциональное понимание и понимание эмоционального при этом затруднено, если не невозможно.

Биологическая природа сознания проявляется в его адаптирующей функции «там, где прекращают действовать врожденные законы поведения, вступает в силу врожденная способность приспосабливаться к условиям окружающей среды» (цит. по [19: 191]). А это приспособление всегда сопряжено с переживаниями, т. е. эмоциями, всегда «вначале была эмоция, она первопричина, мотив всей деятельности человека, всех его потребностей».

Современная психосемантика рассматривает эмоции как операторы категоризации объектов, операторы размерности семантического пространства [55: 14]: Эмоции входят в устойчивые структуры бытия человека. Известны случаи, когда краткое известие, «порой выраженное одним словом, вызывало смерть человека» [24: 189] за счет внезапного взлета аффективно-чувственной температуры реципиента.

Противопоставление аффективно-чувственных комплексов как открытых классов состояний (внешних) и эмоций как скрытого класса состояний, неопределенного, расплывчатого, только подтверждает тезис об эмоциях как мотивационной природе сознания.

В заключение приведем известное мнение Л.С. Выготского, предупреждающего исследователей сознания (мышления) от неизбежных ошибок. «Кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления, потому что детерминистский анализ мышления предполагает вскрытие *движущих мотивов мысли, потребностей и интересов, побуждений и тенденций* (выделено нами. — *В.Ш.*), которые направляют движение мысли в ту или иную сторону» [11: 14]. Мысль, верная для начала XX в., остается актуальной и для начала XXI в.: этими движущими мотивами сознания, несомненно, являются эмоции.

2.4.3. Эмоции и когнития: концептуализация и лексикализация эмоций (вопросы теории эмоциональных концептов)

Ю.А. Сорокин считает, что сочетание «эмоция и когнития» является нонсенсом на том основании, что «коня и трепетную лань вместе запрячь не удавалось еще никому. Тем более, что лань — когнития — испещрена неразборчивыми пятнышками сверху донизу. И неизвестно никому, в какой вольер научного зоопарка ее следует поместить» (Из дискуссионной переписки Сорокина Ю.А. с автором: письмо от 8 декабря 2002 г.).

Такая эмоционально-образная рефлексия известного филолога, переводоведа и писателя на проблему соотношения эмоций и когнитии является мнением, мотивированным его личностным опытом и его эмоциональным дейксисом [62]. Практика же теоретических штудий указывает на прямо противоположное. Лингвистический мейнстрим — когнитивные аспекты эмоций, их концептуализация и оязыковление, т.е. лексикализация, проявляется в большом количестве публикаций. Достаточно взглянуть, например, на библиографию в докторских диссертациях Е.Ю. Мягковой (по психолингвистике) и О.Е. Филимоновой (по теории языка). В США выпускается специальный журнал «Cognition and Emotion», проводятся конференции (см., напр., Language of Emotions), создан научный центр по изучению этой проблемы.

Лингвистам-когнитологам уже давно известна роль слова в ментальных процессах концептуализации знания, в том числе и об эмоциональном мире (космосе) человека, включая и его эмоциональный интеллект [78]. Именно слово указывает на смысловое содержание концепта и является его материальным знаком — символом, который замещает абстракцию, изреченную с помощью этого слова. Изречение концептуального знания о той или иной эмоции как об эмоциональном концепте осуществляется с помощью процесса лексикализации. Е.В. Лукашевич под этим процессом понимает «приобретение словом специфических формальных и/или семантических признаков, не выводимых из внутренней формы слова или его словообразовательной структуры» [35: 87].

Форма слова, в семантике и словарной прагматике которого содержатся знания обо всех его психологических, культурных, ситуативных, сигнификативных и других экстралингвистических референциях, а также знания о коммуникативных языковых (сочетаемых и др.) референциях, становится статическим графическим фиксатором, опредмечивающим конгруэнтный эмоциональный концепт и позволяющим всем членам данной языковой общности дифференцировать один эмоциональный концепт от других.

Прагматика значения у такого языкового знака не всегда будет совпадать с его прагматикой у пользователей языка — у отправителя и у получателя. Однако такое варьирование прагматики формального знака лекси-

кализованной эмоции в конкретных эмоциональных коммуникативных ситуациях не препятствует опознанию эксплицируемого знака (зоны) кластерных эмоций или даже и конкретной эмоции. Это опознание проводится за счет домысливания получателем, при наличии соответствующих знаний в его эмоциональной компетенции.

Знания об эмоциях формируются линейно, постепенно на основе личностного, видового (социального) опыта и биологической памяти. Они включают в свою концептуальную структуру знания-рецепторы (базовые, одинаковые, для семантической памяти всех коммуникантов) и знания-ретуши, различные для разных коммуникантов. И те, и другие формируют концептуальное значение лексикализованной (ословленной и означенной) эмоции в форме ментального конструкта.

Поэтому слово, называющее или выражающее ту или иную концептуализованную и лексикализованную эмоцию, является кодированным хранителем всех лингвистических и экстралингвистических знаний *Homo sentiens* о ней, входящих в его эмотивную/эмоциональную компетенцию. В случае определенных лакун в этой компетенции можно говорить об эмоциональной проблеме конкретного речевого партнера, т.к. от этой лакуны зависит значение его прагматики, которая может расходиться со значением прагматики одного и того же эмотива у другого партнера (тем более если он из другой лингвокультуры).

На авербальном уровне тоже можно говорить о концептуализации и семантизации эмоций, но не о ее лексикализации. В известной степени можно говорить об их концептуальной визуализации (в проксемике, жестах, позах, мимике и пантомиме) и концептуальной аудизации (просодии и фонации), т.к. способы и средства авербальной экспрессии эмоций кодированно семантически не в меньшей, если не в большей степени по сравнению с лексикализованными формами эмоций.

Получается, что концептуализация эмоций осуществляется и на языковом и на параязыковом уровнях. И там, и там они отражаются, конструируются и выражаются (эксплицируются) в соответствующих формах — лексикализованных или супraseгментных (экстралингвистических, но обязательно семантизированных и потому коммуникативно релевантных). В любом случае эмоции человека всегда в процессах общения являются смыслоносущими факторами. По А. Вежбицкой «Emotions are a semantic domain» [94: 235], это подтверждается многочисленными исследованиями эмоциологов, эмотиологов и концептологов [91].

В роли концептуализатора знаний об эмоциях выступает человеческое сознание/мышление, которое накапливает, обобщает и конструирует (реконструирует) знание о них, т.е. концептуализирует их и присваивает им лексикализованную или паралингвистическую символику (соматикон).

Homo sentiens регулярно вступает в различные отношения с другими людьми и объектами мира в многообразных коммуникативных ситуациях.

При этом почти всегда он испытывает к ним сиюминутные или устойчивые эмоции (психологи насчитывают их более 5000). Социальная и биологическая эмоция — неперменная величина мышления. Практика показывает, что эмоции и мысли могут воспроизводиться в сознании одновременно: эмоциональная память, как и эмоции, является одной из подсистем сознания.

Исследования показывают, что эмоциональная активация является необходимым условием продуктивной интеллектуальной деятельности. Признавая большую роль эмоций в мыслительной деятельности, некоторые научные направления выделяют эмоциональное мышление в качестве самостоятельного типа, что представляется убедительным, т.к. коммуникативная деятельность личности, ее сознание, мышление, эмоции (как часть ее психики) и язык социально и неразрывно взаимосвязаны. Поэтому истинность человеческого мышления проявляется в его речевых поступках, в том числе в *эмоциональных*.

Языковое выражение и ощущение эмоций невозможно без работы сознания. Коммуникативная эмоциональность, в отличие от некоммуникативной, носит осмысленный характер. Способность человека как языковой личности управлять вербальным выражением эмоций и пропускать их через ситуативные, социальные и прочие фильтры в процессе общения и, в зависимости от них, «упаковывать» одни и те же эмоции в различные языковые формы или вообще не «пропускать» их в язык указывает на интеллектуальность коммуникативной эмоциональности.

Работы по функциональному базису речи подтверждают, что при считывании «сенсорного кода» сознания перерабатывается вся поступающая в мозг через органы чувств информация и продуцируются образные представления на основе эмоциональных процессов, связанных переживаниями или внутренней интерпретацией «сенсорной картины» [2].

Когнитивное исследование категоризации эмоций на основе знаний о них и на основе сходства эмоций [86: 27—46] показало, что их категоризация на основе знаний о них более плодотворна, поскольку принцип «схожести/несхожести эмоций» размыт и многие эмоции в определенных коммуникативных ситуациях легко переходят друг в друга, даже в противоположные. Их ассоциации по сходству легко превращаются в диссоциации, что, естественно, препятствует их четкой категоризации. Кроме этого эмоции могут быть категоризованы на основе их лексических решений по трем измерениям: ценность, активность и потенциальность [96: 409—424].

Особый интерес в рамках когнитивной и лингвокультурологической парадигм представляет проблема культурной перспективы в лингвистической презентации эмоций и эмоциональных событий (причин этих или иных эмоций у языковых личностей). Установлено, что существует определенная культурная регуляция вербальных взаимоотношений между эмо-

циональными языковыми личностями в различных этносах. Культурные перспективы языковых личностей варьируют вербалику их эмоционального поведения следующим образом: в тех культурах, в которых ценятся взаимоотношения и взаимозависимости языковых личностей в качестве языковых маркеров эмоций и эмоциональных ситуаций, их провоцирующих, используются конкретные термины. В тех же культурах, в которых акцентируется индивидуальность языковых личностей, преобладают абстрактные номинации эмоций (например, через прилагательные) [89: 11—28].

Итак, эмоции культурно обусловлены, они навязываются языковому коллективу этноса различными когнитивными сценариями, ассоциирующимися с тем или иным терминопонятием эмоции. Все когнитивные сценарии эмоций сформированы не универсальной человеческой биологией и психологией, а культурой конкретного этноса и его национально обусловленными рефлексам (см. о рефлексам: [7]). Мнение интересное, но небесспорное, поскольку, с другой стороны, переживаемая эмоция и ее вербальный конгруэнтный коррелят, номинирующий и выражающий ее, не обходятся и без биологической рефлексии. Таким образом, эмоция — это комплексно обусловленная референция к обобщенному конструкту — определенной эмоциональной ситуации, безотносительно конкретной языковой личности. Эта референция регулируется знанием-рецептом, т.е. видовым когнитивным опытом конкретного этноса, и варьируется индивидуально-личностным когнитивным опытом (знанием-ретушью), который, в свою очередь, участвует в формировании эмоционального дейксиса языковой личности.

Известно, что все языковые личности различаются по своему эмоциональному опыту в том плане, что одни из них четко различают разнообразные положительные и отрицательные эмоции (внутри каждой из этих зон), другие языковые личности переживают эмоции в относительно нечеткой дифференциации, воспринимая их и лексикализуя как взаимно заменяемые.

Установлено, что первый тип языковых личностей более внятно способен регулировать свои и чужие эмоции по сравнению со вторым типом, который слабо разграничивает испытываемые эмоции внутри каждой из их оценочных зон. Эти два типа языковых личностей различаются степенью эмоционального интеллекта. Особенно это заметно на примере интенсивных отрицательных эмоций: *ярость, бешенство, буйство* и т.п., где давление языка на эмоциональное регулирование коммуникантов наиболее явно.

Видовой и индивидуальный когнитивный опыт языковой личности в сочетании с эмоциональным дейксисом и определяют содержание куль-

турного референта той или иной социальной эмоции, концептуализованной и лексикализованной в данном этносе, в отличие от его содержания в других этносах.

2.5. Лингвистическая теория эмоций как проект

Многообразие и многочисленность концепций эмоций объясняется сложностью и многоаспектностью данного предмета целого ряда наук. Примерами таких концепций являются философская, биологическая, когнитивная, психологическая, социальная, физиолого-активационная, мотивационная, неврологическая, информационная, познавательная, функциональная, энергетическая, экзистенциальная, трехфакторная и др.

Можно добавить к этому перечню прототипную концепцию, провозглашающую оценку прототипом эмоции: «мы испытываем какую-либо эмоцию к X, что ассоциируется с положительной, отрицательной или нулевой оценкой», ибо эмоция — это форма оценки субъектом объекта мира.

В связи с обилием концепций напрашивается вывод о том, что ни одна из них не является исчерпывающей: все вышеперечисленные концепции не объединены методологией, едиными фактами, единой терминологией и единой теорией. Различия этих концепций, по мнению В.К.Вилюнаса, обусловлены различиями в научных традициях стран — родины концепций, в терминологических системах различных языков, на которых эти концепции разработаны, а также различиями в понимании сути эмоций, класса и объема этого объекта [8]. Их различие объясняется и отсутствием преемственности между различными концепциями. И все же, как замечает В.К. Вилюнас, «формулируемые в них положения при всей внешней несхожести иногда оказываются больше взаимодополняющими, чем противоречащими». При всех их различиях эти концепции объединяет единый объект — эмоции как явление действительности. Другое дело, что различные концепции (теории) эмоций представляют собой различные этапы их исследования, абсолютизирующие для себя всего лишь одну из подструктур эмоций.

То, что в номенклатуре концепций отсутствует лингвистическая, объясняется просто — лингвистика позже всех осознала, что эмоции являются ее предметом, и еще не сформулировала свою концепцию до конца из-за отсутствия должного объема знаний о нем. Такой пробной концепцией послужила предложенная нами в 1987 г. лингвистическая концепция эмоций, к настоящему времени сложившаяся в теорию эмоций.

Познание является высшей формой отражения объективной действительности. Отечественная философия исходит из познания единства отражения, предметно-практической деятельности и коммуникации. Под от-

ражением понимается воспроизведение в сознании и самосознании человека признаков, свойств и отношений отражаемого объекта мира. Это воспроизведение может протекать в форме непосредственного пристрастного переживания, обусловленного отношением объективных свойств мира, ситуаций и явлений к потребностям субъекта, т. е. значимостью для него.

Эта значимость — опытная: определенные объекты, явления и ситуации, предшествующие непосредственному возникновению соответствующих эмоций в прошлом, приобретают способность вызывать их в последующей жизни конкретного человека и всего социума. Посредством эмоций человек, таким образом, получает специфический видовой опыт. Этот опыт закрепляется в сознании, мышлении и в языке, вербально обозначающем объекты мира, явления, ситуации и их эмоциональные оценки человеком. Слова становятся их заместителями в сознании человека, и, согласно учению И.П. Павлова о взаимодействии первой и второй сигнальных систем, они так же способны эмоционально переживаться человеком, они так же значимы для него и могут быть носителями этих переживаний и их выразителями, как и те объекты, ситуации, явления, которые словами замещаются.

Мысли и чувства в модели взаимодействия нашего сознания с миром являются двумя способами его восприятия. Отражение имеет две сферы — интеллектуальную и аффективную. Взаимодействие этих способов и сфер, взаимодействие рационального и эмоционального в сознании и мышлении проявляется в том, что человек может эмоционально переживать то, что отражает. Это переживание проявляется в эмоциональном отношении языковой личности к предмету речи. Эмоциональное отношение/состояние может само стать предметом отражения в языке и, следовательно, быть осознаваемым членами языкового коллектива. Поэтому эмоции могут быть более или менее адекватно выражены языком и тем самым включены в коммуникацию — общение языковых личностей друг с другом.

Процесс эмоционального отражения действительности в языке происходит через эмоциональный вид познания, при котором субъект отражает мир и его предметы в форме эмоциональных образов. Последние в отличие от рациональных представлений и понятий о действительности, отражающих объективное значение предметов и их независимых от субъекта связей и взаимоотношений, отражают действительность в ее отношении к потребностям и интересам субъекта. Это отражение всегда пристрастное, т. к. оно осуществляется с помощью заинтересованной в нем языковой личности. Возникающая в ее сознании внешняя картина мира в проблемной ситуации как бы совмещается с интроспективной картиной тех эмоциональных переживаний, которые вызывает данная ситуация. В результате создается эмоционально окрашенное и обладающее побудительной силой поле отражения воспринимаемой действительности.

Таким образом, эмоции, познание и отражение взаимодействуют друг с другом следующим образом: эмоции участвуют в познании. Они сопровождают и окрашивают познание, и поэтому познание представляется в таком виде: знание + отношение к его содержанию. Это отношение эмоции выражают в виде субъективной значимости содержания знания для языковой личности (*homo sentiens*).

Отражение в таком случае выступает как воспроизведение в слове эмоционального оценивания объекта мира, явления, свойства, ситуации и как условие для возникновения эмоции (т. е. субъективной значимости объекта эмоционального наименования для языковой личности). В этом заключается качественная специфика эмоциональной формы отражения действительности в отличие от ее познавательного отражения: эмоции отражают не сами объективные предметы и явления реального мира, а субъективные отношения, в которых предметы мира находятся к потребностям, целям и мотивам речевой деятельности человека говорящего.

В общем виде суть лингвистической концепции эмоций выглядит так: есть мир (объект), есть человек (субъект), способный отражать этот мир. Отражает человек как языковая личность не механически все подряд, а пристрасно — только то, что необходимо в данный момент или по каким-либо причинам представляется ценным. Эмоции этот процесс отражения регулируют, выступая в роли посредника между миром и его отражением в языке человека. Они выражают значение объектов мира для говорящего и слушающего. Эмоции как психическое явление отражают (т. е. воспроизводят) в сознании человека его эмоциональное отношение к действительности. Это эмоциональное отношение является хотя и субъективным, но социально осознанным, и потому более-менее типизированным и кодированным.

Фиксирование отражения эмоциональных оценок действительности говорящими субъектами проходит через психический механизм их отражения в семантике слов, словосочетаний и языковых структур, используемых для их вербализации. Отражение видового опыта эмоционального состояния говорящего локализуется в смысловой структуре соответствующих слов — как образов тех объектов, с которыми они соотносятся. Это отображение кодируется специфическими семантическими компонентами, которые формируют эмотивность слова, т. е. его семантическую способность репродуцировать в соответствующих типизированных условиях видовой опыт вербального выражения определенных эмоциональных отношений субъектов к тому, что несет данное слово — образ. Эмоция «хранится» в слове в виде идеи о ней, эта идея может «оживать» и «разворачиваться» до соответствующей данному моменту переживаемой человеком эмоции.

Раздел 3. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ ЭМОЦИЙ

3.1. Культура эмоционального общения (сценарии разных культур)

Разные этносы в своем эмоциональном общении руководствуются национально-специфичными стереотипами вербального, авербального и паралингвистического поведения. Об этом много и неоднократно писала А. Вежицкая. Так, в своей монографии «Язык. Культура. Познание» (1996) она приводит несколько сценариев эмоционального поведения представителей разных этносов. Ниже иллюстрируется один из таких сценариев на примере китайской сдержанности.

«Жил давным-давно один почтенный старик, который разводил прекрасных лошадей. Как-то раз у него бесследно исчез призовой жеребец. Когда об этом узнали в округе, многие из его друзей пришли к нему выразить по-соседски свое сочувствие. К великому их изумлению, старика пропажа, по всей видимости, никак не беспокоила. Когда же его спросили о причине такого безразличия, он многозначительно сказал: “Пропажа моего жеребца еще не означает, что потом не последует какого-либо возмещения”. Удивительно, но несколько месяцев спустя жеребец вдруг появился снова, а вместе с ним и красавица кобыла — ценное пополнение для прекрасной конюшни. Теперь друзья пришли уже поздравить старика с удачей. И снова они нашли, что он взволнован меньше, чем можно было бы ожидать. “Это еще не значит, что следом не произойдет какой-нибудь беды” — были его слова. А тем временем красавица кобыла стала любимой верховой лошастью его единственного сына. Однажды, когда тот ехал на ней верхом, его выбросило из седла, и он сломал себе ногу. Ходить нормально он уже больше не мог. Старик отнесся к этому вполне оптимистически. “Хоть это и был несчастный случай, но все же и не смертельный. Может быть, он приведет в конце концов к чему-то хорошему” — таковы были его слова на этот раз. Прошел еще год, и на их страну напало соседнее государство. Была объявлена война. От общего призыва в армию сына старика освободили из-за его хромоты. На той войне убили многих» [б: 394—395].

Можно прокомментировать так эту историю: рассказ учит отрешенности от превратностей жизни и тому, насколько важна широкая временная перспектива в оценке того или иного события. Это классический пример китайского кредо — умеренности (следования средним путем) в применении к своей личной и общественной жизни.

Как пишет А. Вежицкая, такими словами, как «отрешенность» и «умеренность», отдать должное китайским нормам не удастся. Это — «западные слова», они не передают точку зрения китайца с точностью. К приме-

ру, слово «отрешенность» тесно связано с христианской традицией, укоренившейся в классических западных словах, как это имеет место в «Подражании Христу» Св. Фомы Кемпийского. Само собой разумеется, что эта традиция весьма отлична по содержанию и духу от китайского «среднего пути». Чтобы обрисовать обсуждаемые китайские нормы более точно, я могу предложить следующие культурно обусловленные сценарии (составленные из лексических универсалий).

Китайский сценарий: когда что-то плохое случается со мной, хорошо думать что-то вроде: «что-то хорошее может случиться со мной из-за этого (после этого)», если я буду думать что-то вроде этого, я не буду чувствовать что-то очень плохое — это хорошо, когда что-то хорошее случается со мной, хорошо думать что-то вроде: «что-то плохое может случиться со мной благодаря этому (после этого случая)», если я буду думать что-то вроде этого, я не буду чувствовать что-то очень хорошее — это хорошо.

Представление о том, что не следует позволять себе чувствовать 'что-то очень плохое' или же 'что-то очень хорошее', подтверждается и другими данными, например, следующим фрагментом из «Классического труда по внутренним болезням Желтого императора»: чувства радости и гнева губительны для духа; холод и жара губительны для тела, при несдержанности в радости и гневе холод и жара превосходят всякую меру, и жизнь перестает быть безопасной. Уделять внимание Ин и Янь следует в равной степени.

Это можно записать в форме следующего сценария: если кто-то часто чувствует что-то очень плохое, это плохо для данного лица; если кто-то часто чувствует что-то очень хорошее, это плохо для данного лица. Сценарии подобного рода совпадают с имеющимися данными о том, что «в действительности китайцы говорят о переживаемых ими эмоциях с меньшим пылом и короче, чем представители многих других культурных групп».

Хорошим примером англо-американского «сценария чувств» может послужить сценарий «чувствовать что-то хорошее»: хорошо чувствовать что-то хорошее все время. Сценарий подобного рода чужд культуре японцев, где ожидается, что человеку часто приходится «чувствовать что-то плохое» и что следует «высказать это ради социальной гармонии и хороших социальных отношений».

Таким образом, сопоставляя различные сценарии эмоционального речевого поведения разных этносов, мы познаем их специфику и разнообразие, знание о которых должно входить в эмотивную/эмоциональную коммуникативную компетенцию. Эту компетенцию необходимо затренировать в научающей коммуникации и реализовывать в естественной коммуникации, чтобы избегать культурных и эмоциональных помех и провалов.

Одним из самых характерных англо-американских «правил мышления», о котором много говорят, является постулат «позитивного мышления». Это правило можно сформулировать следующим образом:

*хорошо часто думать что-то вроде:
я могу сделать что-то (очень) хорошее.*

Еще одно англо-американское правило, которое приведем здесь, можно назвать правилом «уверенности в себе»:

*плохо часто думать что-то вроде:
кто-то другой сделает для меня хорошее, мне не надо ничего делать;
хорошо часто думать что-то вроде: если я хочу, чтобы со мной случилось что-то хорошее, мне надо что-то для этого делать, мне надо дать что-то для этого я могу это делать.*

Англо-американская культура поощряет своих носителей говорить о том, чего ты хочешь сам, и давать другим людям право выбора. Это может быть представлено следующим образом:

*каждый может говорить другим людям что-то вроде:
я хочу этого, я не хочу этого, так говорить хорошо; хорошо говорить другим людям что-то вроде:
я хочу знать, что ты хочешь.*

Японская культура, наоборот, настаивает на почти диаметрально противоположных сценариях:

я не могу говорить другим людям что-то вроде: я хочу этого, я не хочу этого.

Не поощряются в японской культуре и вопросы к другим людям о том, чего они хотят. Вам скорее приходится угадывать потребности других и стараться удовлетворять их, не заставляя других людей говорить что бы то ни было:

*я не могу сказать другим людям что-то вроде:
я хочу знать, что ты хочешь хорошо знать, что другие люди хотят (и думают, и чувствуют),
когда они ничего не говорят.*

Англо-американская культура поощряет носителей отзываться с похвалой о других людях, чтобы получать от них положительную ответную реакцию и поднимать их в собственных глазах.

Это можно представить следующим образом:

хорошо часто говорить другим людям что-то вроде: ты сделал (делаешь) что-то (очень) хорошее.

В японской культуре, наоборот, похвала в лицо не поощряется:

нехорошо говорить другим людям что-то вроде: ты сделал что-то хорошее.

С другой стороны, в японской культуре вполне поощряется говорить о себе «плохие вещи» по такому принципу:

хорошо часто говорить другим людям что-то вроде:

я сделал что-то плохое,

я чувствую что-то плохое благодаря этому.

3.2. Основные аспекты лингвокультурологии эмоций

3.2.1. Культурные референты языковых знаков как дискурсивное оружие

Лингвокультурологическая парадигма уточнила понятие «содержание слова» тем, что внесла в него семантический компонент «культурное содержание» и экстралингвистический компонент «культурный референт».

Поскольку все свои знания *homo loquens* получает через язык, становится очевидным, что и его культурная компетенция формируется синхронно с языковой/коммуникативной компетенцией, важнейшим компонентом которой является эмоциональная компетенция. Вот почему Гумбольдт был совершенно прав, утверждая, что нельзя изучать язык без человека и изучать человека без языка, с одной стороны, а с другой стороны, язык как дух народа так тесно переплетается с особенностями времени и говорящего на нем народа, что поневоле и естественно сохраняет и осуществляет межпоколенную трансляцию национально-специфичных культурных таксонов.

Именно этим объясняется тот факт, что семантическое содержание высказываний как языковых образований может быть равно себе или быть меньше/больше, в зависимости от коммуникативной компетенции культурной языковой личности. Для интерлингвистики в связи с этим представляется чрезвычайно актуальной проблема лексикографического маркирования культурного компонента значения слова как формального коррелята культурного референта.

Для изучающих английский язык в этом плане является совершенно бесценным словарь «Longman Dictionary of English Language and Culture», с помощью которого действительно можно проникнуть в сердце этого глобального языка. В нем содержится 1500 культурных референтов у 40000 слов, т.е. почти каждое третье слово сопровождается культурной маркировкой.

Этот словарь играет важную роль в формировании межкультурной компетенции языковой личности, т.к. выполняет, в отличие от всех словарей, не только регистрирующую функцию, но и предписывающую, по-

скольку указывает на особенности употребления словарной единицы в связи с ее культурной референцией.

Longman Dictionary является словарем нового лингвокультурологического типа. Маркерами культурного компонента значения слов в нем выступают: 1) специальные пометы, через которые подается информация о культурно-профессиональной сфере их функционирования; 2) остенсивность (графическое, фотографическое изображение культуры: axe, hatchet, tomahawk); 3) дескрипция культуры (turkey); 4) культурная справка, с помощью которой словарь сообщает о национальных ассоциациях и стереотипах, инкорпорированных в значение слова (civil servant); 5) указание на культурный (региональный) вариант (BE, AE, etc): cornershop.

Естественно, что незнание культурных референций приводит к нарушению адекватности в прагматике межкультурного общения, а значит, и к коммуникативным неудачам и провалам в толерантности общения. Нарушение культурных референций приводит к межкультурному языковому террору, поскольку речевые партнеры из разных лингвокультур не могут в ситуации такого нарушения включить друг друга в свой дискурс «в качестве простого объекта, чтобы тем вернее исключить его из сообщества говорящих на сильном языке» (Барт).

Без знания культурных референций говорящий на чужом языке никогда не почувствует себя хозяином этого языка, причастным к нему, и будет постоянно попадать в его культурные ловушки — причину войны языков.

3.2.2. Эмоции в национальном характере и стереотипах как лингвокультурологическая и лингводидактическая проблема

Проблема «Культура и личность» в антропологической парадигме «Национальный характер» (30–50-е гг. XX в.) породила кросскультурное направление в ряде наук: сравнительной психологии, лингвистике, лингводидактике, а в последнее десятилетие и в лингвокультурологии, особенно в отечественной (Красных, Крейдлин, Леонтович, Ларина, Hoffstede и др.). Долгое время, однако, в науке превалировало мнение, что концепт «национальный характер» достаточно полно объясняется всего лишь историческими причинами. При этом игнорировалась роль научения в вербальном поведении как внутри своего родного здания культуры, так и за его пределами. Ну и уж совсем не учитывался эмоциональный компонент межкультурного общения, который всегда выступает в качестве специфического доминантного тренда в национальном характере и в национальных стереотипах любой культуры.

Только недавно лингвисты стали выделять эмоциональную/эмотивную субкомпетенцию как константную составляющую коммуникативной

компетенции. А признание того, что эмоции являются мотивационной системой человеческого сознания и всего вербального и невербального общения *homo sapiens*, привело лингводидактов к разработке аффективной методологии в интенсивном обучении неродному языку [59].

Национальные стереотипы: «We Dutch are honest», «Русские долго запрягают, но быстро едут», «Умом Россию не понять» и т.п. эмоционально-оценочно маркированы и все указывают на неоспоримый факт о психологических различиях национальных культур.

Сопоставительные исследования культуры эмоций англоговорящей и русскоговорящей языковых личностей, зафиксированные в их национальном характере и в их национальных (а)вербальных стереотипах, позволяют создать словарь нового типа — словарь различий в эмоциональном поведении этих языковых/ коммуникативных личностей. Использование такого словаря в общеобразовательных учреждениях (школах и вузах) внесло бы существенный вклад в совершенствование, в том числе и в интенсификацию, научающей коммуникации. Тем более, в таких словарях доминировала бы предписывающая функция — как понимать ксенофонного коммуниканта. Именно через национальный характер и национальные стереотипы (гетеро- и ауто-) осуществляются экспликация национально-специфических ценностей и способы, средства описания, классификации, наблюдения, понимания и предчувствования своей реальности и своих мифов внутри неё.

Сложность изучения этнических ценностей, в том числе и эмоциональных, заключается в том, что *homo sapiens*, с одной стороны, является источником этих ценностей, а с другой — их инструментом (и актером-имитатором).

Уже точно известно в лингвокультурологии и во внешней коммуникативистике, что нельзя нормы своих ценностей применять к иным национальным характерам/культурам без ущерба для успешной межкультурной коммуникации. Суждениям и действиям в «чужом» стане должна предшествовать информация (знания) о культурных правилах этого стана, их корнях, иных культурных отличиях и последствиях их игнорирования. Но вначале надо эти различия знать.

Поскольку любое общение разных культур сопровождается всегда эмоциональными модальностями, знание/незнание культурно-вариативных правил этих модальностей речевыми партнерами не может не влиять на эффективность их общения. В эти правила входят такие базовые знания, как знания об индивидуальном эмоциональном дейксисе и национально-этническом тренде речевого партнера [62]. Так, например, у всех американцев доминируют патриотизм, гордость за свою страну, чувство превосходства над другими народами, которые не всем нравятся, но которые не-

обходимо учитывать в общении во избежание «эмоционального удара» по ним или от них.

Знание межкультурных правил эмоционального общения — это проблема сознательного формирования эмотивной компетенции через научающую коммуникацию, которая должна предшествовать реальной. Среди факторов успешного общения в последней особую роль выполняет такой эмоциональный фактор, как глорификация, заключающаяся в повышении самооценки речевых партнеров в результате их общения друг с другом. Это возможно только при условии соблюдения всех правил, максим, принципов общения Грайса, Лича и др. на межкультурном уровне.

Однако практика общения людей и его стилизованная репрезентация в художественной литературе показывают, что соблюдение всех этих правил невозможно по множеству причин, главной из которых является слабая управляемость эмоциями у речевых партнеров и отсутствие соответствующих знаний о чужой культуре эмоций. Тем более сложна задача целенаправленного моделирования необходимых эмоций у инокультурного речевого партнера в конкретной категориальной ситуации. Эта коммуникативная задача осложняется ещё и тем, что эмоции не только зарождаются и реализуются в эмоциональных ситуациях, но и сами создают такие ситуации (особенно конфликтные). Эмоции речевых партнеров и эмоциональные ситуации находятся в параллельных или пересекающихся транзакциях, которые являются единицами любого общения. Эмоция в межкультурной коммуникации (МКК) часто выступает в функции психологической разрядки одного из речевых партнеров и в функции коммуникативного стимула для другого, и наоборот. Ими обоими создается эмоциональная ситуация, которая и управляет их (а)вербаликой и сменой их стимулов. Этот момент представляет одну из существенных проблем в МКК. Эмоции её могут облегчать или затруднять в зависимости от уровня их эмоциональной /эмотивной компетенции.

Речевые партнеры должны знать эмоциональный потенциал используемого ими чужого языкового кода и иметь одинаковое представление об основных эмотивных доминантах в коммуникативном поведении, к примеру, англичан в сопоставлении с русской лингвокультурой [48; 30].

Национально-этнические правила экспрессии конкретных эмоций, естественно, различаются и у индивидуумов, и у социальных групп. У американцев, например, степень внешней выраженности таких эгоцентрических эмоций, как страх и гнев, гораздо выше, чем у представителей других культур. Разумеется, перечень таких правил в каждой культуре существует, но не описан, не протранслирован на другие культуры и лингводидактикой не включен в научающую ин(а)культурацию и еще не стал предметом изучения в экологической лингвистике (эколингвистике).

Поэтому эмоциональные проблемы в реальной МКК неизбежны. Выражаются они, в лучшем случае, в лакунарности «эмоционального поглаживания» и в индивидуальной толерантности речевых партнеров при непонимании тех или иных эмоциональных проявлений друг друга. В худшем случае наблюдается полное непонимание друг друга, за которым могут следовать обиды и вербальные дуэли в виде «эмоциональных ударов» или провалов в общении и в его прерывании.

Общеизвестны следующие примеры:

1. Американцы, как правило, очень приветливы с иностранцами при первой встрече, но в дальнейшем общаются с ними уже без прежних эмоций, которых ожидают от них инокультурные партнеры. Это обескураживает последних и приводит к их дискурсивному замешательству, неловкости.

2. В отличие от русской речевой культуры американцы, согласно национальным правилам, всегда должны быть оптимистичны, радостны, они не должны жаловаться. В правилах их эмоциональной (а)вербалики постоянная демонстрация оптимизма, успешности, энтузиазма, патриотизма, здоровья. У русскоязычных партнеров это правило создает определенные коммуникативные проблемы в общении с американцами.

3. В американской традиции — открытость и эмоциональная поведенческая интерактивность. Сами они эти национальные правила объясняют многочисленными стрессовыми ситуациями в их мегаполисной жизни. Через (а)вербальную шумность, эмоциональность они снимают эту стрессовость, и такая внутрикультурная норма их общения друг с другом переносится и на инокультурных партнеров.

4. К эмоциональным проблемам МКК относится и проблема интерференции прагматики разноязычных отправителя и получателя, которые, как правило, могут не совпадать из-за того, что значения слов находятся не в языке, а в головах коммуникантов, на которые влияют их сердца (т.е. их эмоции): поэтому при общей упаковке одни и те же соотносительные слова у межкультурных коммуникантов часто означают не одно и то же, особенно в области эмотивных коннотаций, передаваемых и воспринимаемых слов и ФЕ (friend и друг, страх и Angst, When pigs fly, Когда рак на горе свистнет).

5. Национальное варьирование эмоции как базовой межкультурной ценности по шкале «контролируемость (скрытость) — неконтролируемость (открытость)» тоже не может не оказывать воздействия на успешность межкультурного общения. Потому в целях ин(а)культурации все правила, регулирующие эмоциональное речевое поведение в различных культурах, должны быть изучены и описаны не только в целях лингвокультурологии, но и в лингводидактических целях.

Т.В. Ларина в качестве примера — аргумента этой эмоциональной проблемы приводит разное использование принципа вежливости разноязычными речевыми партнерами. Это — серьезная проблема эмоциональной ин(а)культурации русских и англичан [30].

Поскольку в процессе межкультурного общения коммуниканты используют не только язык слов, но и язык тела, т.е. невербалику, то ее культурные различия тоже создают специфические эмоциональные проблемные зоны: мимические, фонационно-просодические и жестовые. При отсутствии соответствующей авербальной компетенции в этой сфере у межкультурных партнеров возникают неадекватные эмоциональные речевые реакции, снижающие эффективность (прагматику) их общения. Прежде всего, назову социальную улыбку англичан и американцев. С точки зрения автора, представителя русской культуры, они слишком много улыбаются. Семантика улыбок у русских и американцев различна: у русских — это искренняя радость, симпатия, добродушие, а у американцев — демонстративная вежливость к речевому партнеру и самопрезентация.

Особое внимание в последнее десятилетие в рамках гендерной лингвистики уделяется разнополюм коммуникантам. Установлено, что гендерный фактор всегда препятствует однозначному взаимопониманию вообще, а в их эмоциональном общении в частности, и особенно в МК общении. Например, во франкокультурных правилах языка тела мужчины используют эмоциональную мимику чаще, чем женщины. Так установлено, что мужская улыбка там чаще сигнализирует об эмоции радости, а у француженок помимо этой эмоции, еще и о грусти или гневе. Улыбка под прессом гнева и печали у француженок выполняет функцию защитной реакции, смягчающей нервно-психическое состояние речевого партнера и помогающей «спрятать» истинную эмоцию. Зато глазами француженки способны выразить всю гамму человеческих эмоций, что их мужчинам не подвластно. (Вспомним для сравнения 80 семантик улыбки Анны Карениной, описанных Л.Н. Толстым.)

И последнее: общее содержание сообщения достигается, как известно, совокупностью лингвистических и паралингвистических, в том числе и невербальных средств. Поэтому в научающей ин(а)культурации наступила пора при обучении иностранному языку научать всем субкомпетенциям: лингвистической, страноведческой, культурологической, эмотивной/эмоциональной и авербальной (паралингвистической). Только на их совокупной базе возможно формирование истинно коммуникативной компетенции, позволяющей ускорить ин(а)культурацию и инсоциализацию обучаемого.

Решение этой методологической задачи требует разработки новых учебно-методических проектов и новых лингвокультурологических справочников предписывающего типа.

3.2.3. Эмоциональная/эмотивная компетенция межкультурных коммуникантов

Как писал Н. Рерих, «вспомнив о значении творчества, человечество должно вспомнить и о языке сердца. ... есть предел слов, но нет границы чувств и вместимости сердца» [43].

Культура — это всеобъемлющее и всеобъединяющее понятие и действенная сила, на основе которой все виды творческого проявления человека как мыслящего существа смогут слиться в новом качестве и позволят человеку выйти на новый виток эволюционной спирали. По мнению Н.К. Рериха, культура представляет собой синтез искусства, науки и религии (Там же: 5).

Лингвистика как часть общей науки вносит свой посильный вклад в изучение Культуры, ибо это — наука о языке, который, с одной стороны, сам является таксоном культуры, а с другой — формализует знания о ней, транслирует их от поколения к поколению и актуализирует. Обращение лингвистики к культурным ценностям, доминантам, концептам как к культурам, в понимании В.Г. Гака, позволило наиболее полно осознать, что язык является формой самовыражения народа и что эта форма — национально специфична и асимметрична [13: 139—145], и поэтому при межкультурном общении существуют коммуникативные сбои.

Наибольшую трудность в таком общении представляют различия в эмоциональных формах самовыражения межкультурных партнеров.

Если принять мнение о том, что концепт, в отличие от понятия, облигаторно имеет эмоциональную окрашенность, то получается, что все концепты эмоциональны, как универсальные, так и этнические. Известно, что эмоции накладывают свой неизгладимый отпечаток на все результаты человеческой деятельности. А поскольку язык эти результаты упаковывает в свои формы, то он упаковывает в них и этот эмоциональный отпечаток, который также национально специфичен, оригинален, т. е. неповторим.

Психолингвисты, в том числе и отечественные (Клименко, Залевская, Гридин, Мягкова, Фрумкина и др.), уже давно выдвинули альтернативную традиционной в лексикологии и стилистике точку зрения об оппозиции между эмоциональной и нейтрально окрашенной лексикой. С их точки зрения, вся лексика языка эмоционально окрашена. Понимание концепта как имеющего облигаторную эмоциональную составляющую в своем смысловом содержании является существенным аргументом в пользу справедливости мнения психолингвистов. Вербализация концептов рефлектирует их эмоциональные составляющие и фиксирует их в семантике языковых знаков, репрезентантов концептов.

Исследование П.С. Волковой показало, что во внутреннюю форму языка/слова входят эмоции [10: 6]. Уточнение понятия «внутренняя форма языка» как экстралингвистического феномена позволило ей рассматривать эмотивность в качестве ядра диалектического взаимодействия внутренней и внешней форм языка и провести обоснование эмотивности условием организованности рефлексии, контролирующей поиск построения новых средств и орудий мыследействования *homo loquens/sentiens*.

В этой связи отметим актуальный и перспективный в современной когнитологии достаточно точно представленный А.В.Кравченко биологический взгляд на язык и на теорию познания, согласно которому основной функцией языка является не коммуникативная, а репрезентативная и адаптивная. По А.В. Кравченко, языковая презентация структур знания в виде концептуализации и категоризации является функцией биологической системы, служащей адаптации организма к окружающей среде (т. е. формированию более релевантного типа поведения) [26: 157—194; 55].

Среди множества функций у эмоций также отмечается регулятивная и адаптивная. Все это позволяет предположить, что эмоциональная составляющая латентно присутствует во всех языковых знаках, во всех продуктах когнитивной деятельности, т. е. и в когниции, и в ментальных, и в речевых репрезентациях.

Язык как трансмутатор тончайших биологических энергий не может не огрублять эмоции человека в процессе их упаковки в свои формы. Эмоция — недискретная сущность, а языковой эмотив дискретен. Но эмотив — это всегда метонимия реконструируемой эмоции. Эмотив как языковой знак — это весьма условный и очень приблизительный репрезентант эмоции потому, что его культурным референтом в различных коммуникативных ситуациях может быть целый комплекс переживаний (рефлексий). Эмоции имеют изменчивую непрерывно-зонную структуру, их практически невозможно разграничить в самом акте переживания, и поэтому Е.Н. Винарская, со ссылкой на Дж. Уильяма, считает, что их вообще нельзя исчислить [9: 9—12].

Мнение интересное, но не новое: до сих пор в биологии и психологии отсутствует глобальная библиотека эмоций (их инвентарий), и ученые все еще не единодушны в своих классификациях эмоций по признаку положительности и отрицательности (типа любовь — это хорошо, а ненависть — плохо). Линейная градуальная бивекторная шкала эмоций не выстраивается потому, что эмоции-оппозиты (любовь и ненависть) в смысловом содержании смыкаются друг с другом (ср. современный хит «Я люблю и ненавижу тебя» и немецкое имя эмоции Hassliebe). Скорее всего, теоретики-эмоциологи должны попытаться построить круговую шкалу эмоций, а теоретики-эмотиологи — круговую шкалу их номов.

Поскольку каждый народ, в соответствии со своим духом (по Вейсгерберу и Гумбольдту), на один и тот же реальный мир набрасывает свою собственную сетку эмоциональных координат (индексов, трендов, дейксисов), то в результате создается впечатление о Вавилонской башне эмоционально-языковых различий, препятствующих межкультурной эмоциональной коммуникации. Эта проблема помимо чисто культурных различий осложняется еще и тем, что никакое общение без эмоций практически невозможно. В межкультурном общении эмоции как культурные референты в силу этнических особенностей их смысловых языковых форм действительно представляют серьезное препятствие для коммуникативного успеха. При этом необходимо различать две сложности, которые могут накладываться друг на друга: понимание эмоционального инокультурного высказывания и его эмоциональное понимание (ср. *shut up, will you* и *shut up, won't you*).

Как отмечает А. Вежбицкая, только носители языка знают разницу между этими двумя «тэгами» (*tag*): с *won't you shut up* звучит саркастично, но смягченно за счет столкновения грубой семантики *shut up* с вежливой семантикой *won't you*. *Will you* в аналогичных ситуациях и дистрибуциях сравнимо с употреблением бранной лексики и эксплетивов. Ср.: *So just move out, will you?* (жена, выбрасывая своего мужа из их дома). Иноязычный реципиент в своей эмотивной компетенции таких тонкостей может не иметь, и тогда его понимание этих фраз не будет эмоциональным, и в общении возникнет лакунарность.

Для преодоления этого препятствия межкультурные партнеры — билингвальные языковые личности — должны обладать адекватной эмоциональной эмотивной компетенцией. Она включает знание общих лингвокультурных кодов эмоционального общения; знание эмоциональных доминант этих кодов в форме эмоциональных концептов; знание правил *code switching* и их корреляцию с общечеловеческими/национально-культурными ценностями; знание маркеров эмоционально-этнической идентификации речевых партнеров и правил эмоционального общения с ними; знание и владение средствами номинации, экспрессии и дескрипции своих и чужих эмоций в обоих лингвокультурных кодах.

Эмоциональная компетенция языковой личности приобретается через жизненный опыт и в реальной коммуникации, а эмотивная компетенция — через научающую и художественную коммуникацию.

Поскольку эмоции оценочны, то все концепты содержат в себе и оценочную составляющую, которая отражает ценностность эмоционально рефлексированной культуры для данной языковой общности. С этой точки зрения концепт является камерой хранения эмоциональной памяти народа о ценности культуры, из которой все последующие поколения из-

влекают, как из энциклопедии, необходимую для эмоционального общения информацию, даже при наличии динамики содержания концептов в плане диахронии, которая неизбежна во времени.

Асимметрия смыслового содержания в национально-культурных вариантах одного и того же эмоционального концепта является значительно меньшим коммуникативным препятствием по сравнению с эмоционально-культурной лакунарностью. В кинофильме «Сибирский цирюльник» американка, прибывшая в Россию к своему дядюшке-изобретателю и все время сталкивающаяся с культурным шоком, просит генерала — директора юнкерского училища раскрыть содержание русского слова «запой». Генерал, схватившись за голову обеими руками, отвечает ей экспрессивным междометием: «Это— о-оо-о-о!» (по образцу речевых моделей Элочки-людоедки). Объяснение этого слова требует пространного культурного комментария через подробную дескрипцию соответствующего эмотивного дискурса. И, только войдя с помощью провокации этой американки в реальный вербальный и поведенческий акт запоя, генерал сумел продемонстрировать базовые признаки, идентифицирующие этот русский концепт.

Е.В. Димитрова на примере другого типично русского концепта «тоска» убедительно доказала, что он не имеет абсолютных эквивалентов во французской лингвокультуре. Его эмотивные смыслы транслируются туда посредством частичных мозаичных эквивалентов, только в своей сверхсуммативности способных к репрезентации смыслового потенциала эмоционального концепта «тоска» и его эмоциональной составляющей [20: 4].

При этом процесс трансляции смыслов на ксенокультуру осложняется тем, что в различных эмотивных дискурсах актуализируется каждый раз всего лишь одна эмоционально-смысловая компонента с параллельной активизацией в сознании русской языковой личности в качестве эмотивного фонда всех остальных смыслов. Эти последние в полном наборе на французскую ксенокультуру никогда не транслируются: туда передается либо один доминирующий смысл, либо группа смыслов, которую, как справедливо и обоснованно отмечает Е.В. Димитрова, «нельзя охарактеризовать как отражающую весь спектр смыслов (в том числе и эмоциональных. — В.Ш.) русского концепта «тоска» [20: 4].

При межкультурном общении эмотивные потери вообще неизбежны еще и потому, что иноговорящий реципиент при восприятии транслированных из русской лингвокультуры смыслов оперирует, т.е. переводит их с помощью *code switching* на свой культурный код, исключительно своими культурными коннотациями. А усугубляется эмотивная девиация смысла сообщения между языком-отправителем и языком-рецептором еще и тем, что системное значение слова в сознании обоих партнеров — носителей

этих языков — представлено их личностными смыслами, основанием для которых являются индивидуальные знания партнеров о семантических признаках эмоционально-культурной составляющей того или иного слово-концепта.

Вл. Набоков пишет: «...на русском языке при помощи одного беспощадного слова можно выразить суть широко распространенного порока, для которого три других знакомых мне европейских языка не имеют специального обозначения» [38: 290]. Вл. Набоков совершенно прав, что отсутствие того или иного слова в словаре не всегда означает отсутствие соответствующего понятия (как и в вышеприведенном примере со словом «тоска»). Однако это всегда мешает полноте и точности его понимания иноязычным партнером (это доказано экспериментально в: [12: 8]). Как и в случае со слово-концептом «тоска», русское слово-концепт «пошлость» имеет множество смысловых оттенков, которые «рассыпаны в ряде английских слов и не составляют определенного (адекватного русскому набору смыслов. — В.Ш.) целого» [38: 291].

Проанализируем семантические идентификаторы этого слово-концепта в данном эссе Набокова, в словарных дефинициях и в переводных словарях:

а) через малый синтаксис (*пошлости мир, круг, струя, липкость, дух, демон; пошлость научная, общественная, легендарная, всемирная, вакуума*), через словообразовательное поле (*пошляк, пошлячка, пошлый, пошлятина, пошло*);

б) через толкование слова *пошлость* = то, что является пошлым (человек, общество, среда, анекдот, тон, усмешка и т.д.):

1. Низкий, ничтожный в духовном, нравственном отношении.

2. неприличный, непристойный.

3. Неоригинальный, банальный, избитый.

4. Безвкусы, вульгарный, грубый (БТС 1998: 950).

5. Пошлый = низкий в нравственном отношении, безвкусно-грубый (Ожегов 1972: 528);

в) через его перевод на английский язык:

пошлый = *commonplaceness, banality, triteness*;

какая пошлость = *how petty*;

пошляк = *vulgar person* (РАС 1962: 581);

г) через перевод на немецкий язык:

пошлость = *Plattheit; Abgeschmacktheit*;

пошлый = *platt, flach, abgeschmackt*;

пошляк = *fader Kerl, Sie benehmen sich unanstaendig!* (РНС 1977: 460).

Уже только этих дефиниций достаточно, чтобы носитель русской лингвокультуры убедился в том, что «все врут словари» (как и календари): в

индивидуальном сознании гораздо больше эмоциональных смысловых оттенков слово-концепта, чем зафиксировано в словарях для воспроизведения и активации в процессах общения. Кстати, с другой стороны, уже только из словарных дефиниций и малого синтаксиса воспроизведений и активаций этого слово-концепта видна обширная сфера широко распространенного человеческого порока. Это подтверждает и художественная литература, и отечественная реклама в СМИ, и многочисленные ТВ-программы (например, «Большая стирка» с ведущим А. Малаховым, и все PR-трюки — как питомник отечественной политпошлости и антипод политкорректности).

Анализ вышеперечисленных источников позволил составить семантический портрет слово-концепта «пошлость». Его эмоционально-составляющие индикаторы таковы: банальность, бездуховность, фальшивость, манипулятивность, хитрость, липкость, безнравственность, грубость, безвкусы, неприличность, вульгарность, внешняя картинность. Сферой реализации всех этих индикаторов в различных сочетаниях является неискренний эмотивный дискурс (например, рассмотренное Вл. Набоковым поведение П.И. Чичикова в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя).

Пошлость всегда предусматривает игру на чувствах ее реципиентов, игру на внешних эффектах, скрытость, таинственность мотивов даже через внешнее самоуничижение и привлечение на помощь прописных истин, ложных предпосылок и лести. Короче говоря, как считает Вл. Набоков, в пошлости заключена дьявольщина. И далее он заключает: «С той поры, когда Россия начала думать, все образованные, чуткие и свободомыслящие русские остро ощущают вороватое, липкое прикосновение пошлости» [38: 29].

В английском языке отсутствует соответствующий языковой эмотив как специальное обозначение пошлости в русском смысле.

На этом примере достаточно убедительно показано, что сложнейшей проблемой интерлингвистики являются проблема интерференции эмоциональных картин мира в головах межкультурных коммуникантов под влиянием различий в их эмоциональном интеллекте и эмотивная межъязыковая лакуарность.

Таким образом, суммируя вышесказанное, отметим, что эмоции — это межкультурный референт, репрезентация и адаптация которого варьируются в разных лингвокультурах и потому заслуживают изучения и осмысления через последовательное распремечивание всех эмоциональных концептов. Все культурные концепты эмоциональны (как национальные, так и общечеловеческие). Для успешной межкультурной коммуникации необходимы эмоциональная и эмотивная компетенции речевых партнеров.

Оба вида этой компетенции — часть интеллекта/менталитета речевых партнеров. Они распространяются только на воспитанников своей культуры, за пределами которой, внутри зданий других культур, этим знаниям языковых личностей надо обучать специально как внешним знаниям. Кто это будет делать? Мы, лингвисты.

3.2.4. Национально-культурные особенности коннотативного компонента значения

Согласно традиционной точке зрения, информативна только денотативная функция языка / речи. Наблюдения над семантикой языковых единиц и их функционированием показывают, однако, что эмотивная и экспрессивная функции языка тоже информативны, т.е. коммуникативно релевантны, т.к. эмотивные и экспрессивные единицы языка семантически значимы. Мнение некоторых лингвистов и переводоведов о том, что эмотивные и экспрессивные компоненты семантики языковых единиц имеют лишь стилистическую природу и поэтому являются объектом стилистики, а не семасиологии, вызывает сомнение: положение об их смысловой окрашенности позволяет отнести коннотативные семы к смысловой стороне лингвистической проблемы. Тезис о коммуникативной релевантности экспрессивно-эмотивно-оценочных: фонологических, морфологических, лексических, фразеологических, структурных средств языка, а также и паралингвистических средств находит убедительное подкрепление при контрастивном изучении переводов с родного языка на иностранный и наоборот.

Оппозиция дружеская—недружеская межкультурная коммуникация предполагает синхронное знание ее правил в двух кодах, раздельно в каждом коде и в их межкодовой корреляции. Это знание возможно приобрести только при длительном естественном погружении в здания данных культур или через специальную обучающую коммуникацию в процессе переключения эмоциональных кодов и научения коммуникантов культурно-варьируемым правилам выражения эмоций в условиях эмоционального комфорта/дискомфорта как вербальных очагов напряженности.

Наиболее сложной частью языковых знаний, лежащих в основе межкультурных компетенций, является знание специфики коннотативных значений лексики изучаемого языка. Рассмотрим данную проблему на материале зоолексик — разряда слов, где национальная коннотативно-семантическая специфика проявляется наиболее рельефно и разнообразно.

Наряду с одинаковыми или очень близкими коннотациями, положенными в основу метафорических употреблений зоолексик в разных языках (ср.: *живуч, как кошка = have as many lives as a cat; хитер как лиса = sly*

as a fox; глуп, как осел = stupid as an ass; смелый, как лев = brave as a lion и пр.), мы наблюдаем и большие идеоэтнические расхождения в сопутствующих тому или иному зоониму эмотивных коннотациях. Так, в русском языке для семантики слова *кошка* характерны коннотации живучести и блудливости, но не характерна коннотация, которая есть у этого слова в английском языке: *melancholy as a cat*. Слово *cat* в английском языке имеет коннотацию «злости» и «сварливости», что позволяет употреблять его в переносном значении «а spiteful woman»: *...then he said: Mrs. MacAnder is a cat* (J. Galsworthy) — *Миссис Мак-Эндер — злобная дрянь!* В русском языке коннотация «злобности», как и коннотация «меланхоличности», в значении этого слова отсутствует.

Как правило, в разных языках наименования животных, широко используемые в предикатной (т.е. характерологической) функции, имеют различные коннотации. Ср.: *to stare at smth like a pig* = смотреть, пялиться на что-то как *баран* на новые ворота; *to buy a pig in a poke* = покупать *кота* в мешке. Морально-эстетическая направленность коннотации у одного и того же зоонима может быть полярной, например: *коза, козочка* и *Ziege*. В русском языке переносное значение зоонима *козочка* основано на коннотации одобрения, а именно — восхищения милотой, резвыми движениями (*козочка — девочка*). В немецком языке зооним *Ziege* имеет неодобрительную коннотацию (глупости, разборчивости, привередливости): *dumme Ziege (alte, mager, wahlerisoh)*. Сходную коннотацию имеет эмотивное употребление зоонима *коза* в русской культуре.

Таким образом, различные эмоциональные отношения, т.е. реакции на один и тот же стимул (на зоонимы *коза, козочка*) в русском и немецком языках, объясняются различными, в данном случае противоположными эмотивными оценками, сопутствующими зоониму в этих языках. Аналогичный пример: в русском языке зооним *слон* имеет неодобрительную коннотацию: «излишне крупный и полный человек, неуклюжий», а у народов Индии — прямо противоположную, т.е. одобрительную коннотацию «грация, изящество движений». Зооним *верблюд* в арабских языках имеет одобрительную коннотацию «красоты» (арабы сравнивают красивую женщину с верблюдницей), а в русском и французском языках значение этого зоонима сопровождается коннотациями «упрямство» и «злобность».

Кроме того, внутри коннотации одной и той же направленности значение зоонима может быть основано на различных признаках. Например, значение зоонима *черепаха* в русском языке имеет коннотацию «медлительности», а в китайском — «неверности» (черепахой китайцы называют неверную жену). Зооним *крыса*, имея общую родовую коннотацию неодобрения, различается видами коннотации: в русском языке употребление

зоонима основано на коннотативном признаке «жадность», во французском языке — «мерзость», в английском — «нечестность».

Третий тип соотношения коннотации в разных языках заключается в том, что у одного и того же зоонима в одном языке имеется эмотивная коннотация, а в другом она отсутствует (нулевая коннотация). Таким примером может служить зооним *лиса*. В русском и английском языках этот зооним имеет адекватную коннотацию неодобрения «хитрость»: *sly as a fox*. В немецком языке метафорическое употребление этого зоонима в значении «рыжая бабочка», «рыжая лошадь», «рыжий человек» (человек с рыжими волосами) основано не на коннотациях значения слова *Fuchs*, а на ассоциациях с красновато-коричневым цветом меха этого зверя.

Зоолексика — лишь частный случай идеоэтнических (т.е. национально-специфических) расхождений в коннотациях, основанных на различных ассоциациях и представлениях разных народов о том или ином животном. Межъязыковые словесные коннотации можно наблюдать в других лексико-семантических группах.

1. **Совпадение коннотации.** Примером могли бы послужить английское слово *monster* и его заимствованный русский вариант *монстр*. На основе денотативного семантического компонента *abnormally huge size* и потенциальной семы *unpleasantness*, сопровождающей его, в обоих языках сохраняется адекватная эмотивно-оценочная коннотация с отрицательным знаком (*monster building/lorry/plane* = здание-монстр, грузовик-монстр, самолет-монстр; *He is a monster* = он монстр (т.е. неприятный человек = *abnormally cruel or wicked person*).

II. Несовпадение коннотации:

а) у английского слова имеется коннотация, у русского такого соответствия нет. Например: прилагательное *continental*, кроме понятийно-четкого — *относящийся / расположенный на материке* (в отл. от островного, находящегося за морями, — в географии и топологии): 1. *of, relating to, or characteristic of a continent*; 2. *(often) continental of or relating to the mainland of Europe; European*, получило негативно-презрительную коннотацию при сочетании с лексемой *breakfast* (о еде, о завтраке — хуже, чем дома): *...ни тебе овсяной каши, ни яичницы с беконом, ни кофе с булочкой* (В. Овчинников) (ср. с русским соответствием: *континентальный = материковый (климат)*).

Рассмотрим другой пример: *foreign* = *иностранный* (*и потому плохой*) — *...he threw up his chances... going off... for six months... and all for what? — to study foreign architecture — foreign! What could he expect!* (J. Galsworthy) — *...он отбросил все возможности... уехал... на шесть месяцев... и все ради чего? — чтобы изучить иностранную архитектуру — иностранную! Что он мог ожидать!* (перевод наш. — В.Ш.).

Аналогичная отрицательная эмотивно-оценочная коннотация сопровождается и производные от этого слова: *foreigner* (чужеземец, иностранец), *foreign-looking* (похожий на иностранца, чужеземца). Она базируется на социально закреплённом резко отрицательном, высокомерном отношении англичан ко всему неанглийскому. Ср. с русским нейтральным (с нулевой коннотацией) соответствием: *иностранный* = *заграничный, зарубежный, чужестранный*;

б) и то и другое слово, являясь общенациональными, различаются в разных языках по признаку наличие/отсутствие коннотации. Например, у эскимосов слово *белый* (о человеке) является презрительным прозвищем бродяг и бездельников, а в русском или английском корневом слове этой коннотации нет. Отрицательная эмотивно-оценочная коннотация иного, чем у эскимосов, семантического содержания появилась в 1960-х гг. в США у производного слова *whitey = a white man* (*U.S. slang; used as a common / proper noun*) — для презрительного обозначения белых неграми:

Some negroes, she says, feel as Billy does: that Durward has «sold out to white» by marrying a white girl (S. Barnhart) — *«Некоторые негры, — говорит она, — чувствуют так же себя, как и Билли, ведь этот Дурвард продался белым, женившись на их женщине».*

В британском варианте английского языка у слова *white* нет такой коннотации, как и в русском. Этот факт говорит о том, что и для внутриязыкового перевода (с американского английского на британский английский) коннотации коммуникативно значимы;

в) русское слово может быть коннотативным, а его английское соответствие — нет. Так, слово *карьера* = *путь, ход, поприще жизни, службы, успехов* (Даль 1984); *путь к успехам, видному положению в обществе, на служебном поприще... продвижение по службе в личных интересах, стремление к личному благополучию*, что имеет отрицательную эмотивную коннотацию, помеченную *неодобр.* Его английское соответствие: *career = course and progress of a person's life* (*карьера, успех*) никакой коннотации не фиксирует, т.к. ее просто нет у значения английского слова. Русское слово *карьера* отличается от своих синонимов (например, «трудовая деятельность») тем, что имеет в своем содержании сему «динамики», «пути, хода наверх» (и это само по себе хорошо), но «не гнушаясь при этом никакими средствами» (это плохо). В былые времена таких людей обзывали карьеристами. Слово «карьера» от когда-то делового, бесстрастного звучания дошло до *неодобр.*: *Есть у людей желание работать лучше, есть какое-то здоровое честолюбие, а есть совсем другое качество — карьеризм, стремление любым путем и обманом показать себя в выгодном свете* (Р. Киреев. Волгоградская правда. 1982. 14 марта).

Из примера видно, что *карьеризм* — семантически достаточное слово с отрицательной оценкой, в то время как *честолюбие* требует определения, обнаруживающего оценочный знак его коннотации: здоровое честолюбие (и это хорошо), нездоровое честолюбие (и это плохо). В последнем случае *честолюбив* на коннотативном уровне является синонимом *карьеризму* при их денотативном различии. Справедливости ради следует отметить, что степень негативности коннотативного компонента значения лексемы *карьеризм* в русской лингвокультуре постепенно снижается;

г) русскому нейтральному слову соответствует несколько слов с разной коннотативной семантикой: *слава* = *reputation* (нулевая коннотация); *fame* (положительная коннотация); *notoriety* (отрицательная коннотация). Это коннотативное несоответствие можно определить как случай коннотативной недифференцированности в русском языке и коннотативной дифференцированности — в английском. В иных языках наблюдается и обратное явление (как более частотное за счет аффиксальной системы коннотации в русском языке): *брат* — *братик* — *братец* — *братушка* — *братушечка* — *братушечка* — *братан* — *братуха* = *brother, dear/old little brother*;

д) коннотации в различных языках у слов-соответствий противоположны. Ср.: русское слово *красный* употребляется в речи и в поэзии для обозначения чего-нибудь хорошего, яркого, светлого, ценного, а в английском оно несет эмотивную коннотацию неодобрительного отношения: *Red* = *Russian (русский), Soviet (советский), communist (коммунист); person favouring or supporting communism or the Soviet system (человек, выступающий за коммунизм или за Советскую власть)*.

Примерами противоположных эмотивно-оценочных коннотаций в русском и английском языках являются многочисленные слова так называемого идеологического лексико-семантического поля: *Nazis (нацист), socialist (социалист), commie (derog. communist) (комму, през. коммунист), proletariat (derog.: lowest class of community) (пролетариат) (презрительное отношение к обществу), depression (депрессия), crisis (кризис)*.

Известно, по каким мотивам американская пропаганда называет национально-освободительное движение терроризмом: это слово несет неодобрительные эмотивно-оценочные коннотации. Данные и им подобные слова являются «крючками», на которые навешиваются идеологические оценки, после чего они становятся сигналами, вызывающими определенные эмоции: отсюда ясно, насколько важно учитывать идеологические коннотации;

е) у английского или русского слова нет коннотативного соответствия, т. к. они обозначают национально-специфические реалии: *Big Ben* (колокол часов-курантов на здании парламента в Лондоне), *Punch and Judy* (тра-

диционное уличное кукольное представление с героем типа русского *Петрушки*; его главные действующие лица: горбун Панч с крючковатым носом — воплощение оптимизма — и Джуди, его жена, неряшливая и нескладная), *Mrs. Mop*, шутил. миссис Моп, прозвище домашней работницы (букв. миссис Швабра), с одной стороны, и *Кремль, спутник* (космический), *Иван* — с другой.

Как отмечает В.Г. Гак, в переводных словарях часто нет коннотативных слов, без которых «перевод превращается в бесплотный скелет и не становится литературным произведением» [13: 101]. Таким образом, слова различных языков, означающие один и тот же денотат, могут совпадать по денотативному компоненту и не совпадать по коннотативному. Здесь, видимо, работает одна из семантических универсалий, т. к. и психолингвистические исследования русско-французских, англо-немецких и русско-английских билингвов обнаруживают общую картину: слова-соответствия в разных языках при лингвистическом интервьюировании билингвы соотносили с разными степенями интенсивности и разными направленностями коннотативных окрасок при денотативной общности их значений.

3.2.5. Словная идиоматика как межкультурный феномен

Во многих современных работах все четче просматривается разграничение между традиционной лингвистикой и лингвистикой активной (по Р. Барту — «активная филология») [4: 75]. Под активной филологией Р. Барт понимал филологию языковых сил, т. е. конкретные житейские ситуации речи и вербальное поведение языковой личности, его экспрессию и прагматику, т. е. языковые эффекты.

Особо активной лингвистикой в этом плане является лингвистика эмоций (эмотиология). Это объясняется тем, что она изучает аффективную культуру языкового общества, эмоциональную/эмотивную компетенцию *homo sentiens*, эмоциональные коммуникативные лакуны, игру эмоциональных смыслов лексических и фразеологических эмотивных средств языка как во внутрикультурном, так и в межкультурном общении. Этим перечнем проблематика лингвистики эмоций не исчерпывается. Новейший аспект лингвистики эмоций, который разрабатывается последние два-три года, — это семантико-когнитивный аспект эмотивности [16].

Такой интерес лингвистов к взаимодействию эмоций и когниции обусловлен спецификой деятельности континуальной системы носителя языка, образование которой фактически и логически предшествует усвоению вербальной символики, в том числе и эмотивной лексики и фразеологии. Поскольку чувственный этап процесса когниции мира человеком и себя в нём соотносится с деятельностью его эмоционального мышления, понят-

но, что языковая система (рациональное мышление) выполняет по отношению к непрерывно конструируемому целому функцию кодирования внеязыковых концептов (в т.ч. и эмоциональных переживаний) и функцию манипулирования ими через манипулирование вербальными смыслами. Это обеспечивает целостность концептуальной системы эмоциональной языковой личности, оперирующей в своих речевых актах эмоциональными концептами (социальными и индивидуальными).

Являясь ценностным континуумом языка, категория эмотивности пронизывает все сферы жизнедеятельности как человеческого бытия и, в частности, оказывается в центре проблемы понимания языковой личности. Любая человеческая деятельность обязательно имеет в своей основе эмоциональные переживания, которые привносят в лексику и фразеологию языка едва уловимую химическую субстанцию [4: 181], варьирующую эмоциональные смыслы языковых знаков в различных коммуникативных ситуациях и их интерпретацию речевыми партнерами.

Объективация эмоционально-непосредственных смыслов может происходить в самом необычном материале — слове, камне, железе, холсте, красках, звуках [10]. Эта мысль позволяет предположить, что категория эмотивности является общеметодологической для изучения различных контекстов культуры, поскольку базовые эмоции универсальны, общечеловечны. Существование типовых эмоционально значимых ситуаций человеческого общения как внутрикультурного, так и межкультурного обуславливает возможность выявления общих эмоциональных тем общения: смерть, опасность, власть, любовь, секс и пр. (см., напр., о любовном дискурсе: [4]).

Общее эмоциональное пространство человечества предполагает существование инвариантного эмоционально-смыслового поля, которое кодируется и воспринимается в лексических и фразеологических знаках языков. Эти эмотивные знаки обеспечивают как внутри, так и межкультурное общение *Homo loquens* на эмоциональном уровне.

Как уже отмечалось выше, эффективность эмоциональной коммуникации полностью зависит от эмоциональной и эмотивной компетенции речевых партнёров, которая включает обширные знания об эмоциях, их функциях, знание эмотивного фонда своего (и чужого) языка, знание средств номинации, выражения и описания своих/чужих эмоциональных переживаний в контекстах конкретной культуры.

Уже общеизвестно, что эмоции являются таксоном культуры и что их вербализация в различных языковых культурах не всегда совпадает по форме, объёму и качеству эмотивных смыслов. Всё множество эмотивной лексики и фразеологии конкретного языка передает национальную картину чувств, а определённая группировка эмотивных знаков по исходным

эмотивным смыслам отражает глобальную эмоциональную картину этих чувств (см.: [37]). Эти знания коммуникантов об эмоциях существенно влияют на их речевое поведение в обоих типах общения: внутри- и межкультурном.

Тема «Межкультурная коммуникация» привлекает сегодня внимание многих исследователей из разных отраслей знания, и как предмет исследования она демонстрирует яркую противоречивость и вызывает оживлённую дискуссию в научной литературе [32; 56] и др. Сегодня предпринимаются многочисленные попытки установить границы исследования межкультурной коммуникации. Так, указывается, что межкультурная коммуникация имеет место, если отправитель сообщения является носителем (членом) одной культуры, а получатель его — носителем (членом) другой культуры. Но для определения межкультурной коммуникации этого будет недостаточно, необходимы еще и объективные критерии — дефиниции для таких понятий, как «культура», «культурная принадлежность» (см. об этом: [56: II гл.]). Многочисленные исследования позволяют сделать вывод о том, что межкультурная коммуникация — это фактически межличностная коммуникация в контексте культур, т.е. в такой ситуации, когда один партнёр естественно обнаруживает культурное отличие от другого. И тогда получается, что лингвистика прошлого века ошибочно ограничивала рамки межкультурной коммуникации только общением людей из разных стран или на разных языках. Фактически же межкультурное общение — это и общение людей внутри одной и той же страны, на одном и том же языке, это общение людей, отличающихся по возрасту, месту жительства, полу, профессии и т. д., т. е. по языковому паспорту говорящего. С такой точки зрения все участвующие даже в бытовой коммуникации будут межкультурными коммуникантами, ибо все они и всегда обладают разной культурной и человеческой компетенцией. Отсюда перед активной (по Барту) лингвистикой XXI в. стоит проблема эффективности межкультурной коммуникации как внутри одного языкового сообщества, так и в разных языковых сообществах, в том числе и в эмоциональных коммуникативных ситуациях.

Эмоциональное сознание говорящего субъекта требует эмоциональной рефлексии и её вербализации в лексических и фразеологических средствах языка. И те и другие могут быть идиоматическими, если они не семантизируются вообще или семантизируются не полностью коммуникативным партнёром из другой культуры.

Компаративная методика изучения фразеологических коррелятов русского, английского и немецкого языков как языковых средств межкультурного эмоционального общения (а их введение в коммуникативный процесс уже свидетельствует об эмоциональной коммуникативной ситуации

и о включении механизмов языковой игры) показывает, что лакунарными могут быть все семантические компоненты фразеологических единиц-коррелятов в разных языках. Приведем несколько примеров:

cheap as dirt (очень дешевый) ≈ дешевле пареной репы;

get smth. out of one's blood (≈ отрешиться от чего-либо) ≈ выбросить из головы;

be in (find oneself in, get into) the wrong box (≈ быть (оказаться) в неловком положении) ≈ быть не в своей тарелке;

keep (wrap) smb in cotton wool (≈ чрезмерно оберегать кого-то) ≈ держать кого-либо под стеклянным колпаком;

when pigs fly (≈ никогда) ≈ когда рак на горе свистнет.

Во всех этих и им подобных примерах расхождение в образах как внутренней форме ФЕ приводит к смысловым различиям в их эмотивной семантике, которые варьируют их денотативную семантику и вызывают у межъязыковых коммуникантов различные эмоциональные ассоциации, но в пределах общего понимания денотативного смысла (ср. с мнением: [50: III гл.]).

Аналогичные процессы наблюдаются и при сопоставлении русского, английского и немецкого фразеондов. Например:

выпить ≈ *заложить за воротник* ≈ *to crack the bottle* ≈ *eins zu legen*;

заячься ≈ *задрать нос* ≈ *to grow too big for one's boots* ≈ *die Nase angespannt*;

очень дорого заплатить за что-либо ≈ *расплачиваться своей шкурой* ≈ *to pay through the nose* ≈ *Haut zu Markte tragen*.

В этих межкультурных фразеологических параллелях при универсальности их денотативного значения различны образные внутренние формы, которые вызывают в эмоциональном сознании говорящих на разных языках различные эмотивные смыслы как основу их различных эстетических, экспрессивно-оценочных переживаний.

Надо отметить, что сфера эмотивной фразеологии в межкультурной коммуникации — это в принципе сфера лингвокультурных лакун за счёт эмотивных спецификаций национально-культурных образов. Этот тезис, как показывают исследования, справедлив и для многих словных эмотивов.

Анализ проблемы трансляции эмотивных смыслов на иностранный язык, а также анализ смыслов эмоциональных концептов А. Вежбицкой позволяет утверждать, что к эмотивной фразеологии может быть причислена и эмотивная лексика, семантически непереводаемая, т.е. идиоматическая для иной культуры. Примером такой фразеологической лексики для европейской культуры может быть номинат русского эмоционального концепта «тоска», передаваемый во французском языке группой транслем, каждая из которых никак не соответствует смысловому содержанию

русского слова «тоска» и его синонимам: *кручина*, *кручинушка*, *печаль*, *грусть*, *скука*, *томление*, *беспокойство* и др. Его словарный перевод *agnoisse* ближе к европейскому культурно-философскому понятию, которое в немецком языке обозначается словом *Angst*.

Специальное исследование показывает, что во французском языке нет нужного словного или сочетательного эквивалента и для трансляции его эмотивных смыслов на французскую лингвокультуру используются разные слова [20]. Так, например, в переводе произведения Н. Бердяева «Самопознание», в котором имеется параграф под названием «Тоска», на французский язык в каждом абзаце слово *тоска* транслируется по-разному. Это можно объяснить только тем, что эмотивное содержание русского слова прагматично для французов, и его отдельные конститутивные смыслы опредмечиваются в разных французских словах, даже совокупность которых методом сложения этих смыслов вряд ли воссоздаёт эмоционально-смысловое поле этого русского слова, опредмечивающее концепт «тоска».

С этих позиций почти каждое слово, обозначающее не артефакты, а например, универсальные или национально-культурные ценности, не может иметь полный и адекватный набор эмотивных смыслов во всех языках одинаково. А. Вежбицкая наглядно это показала через различные коллокации английского слова *friendship* и русского слова *дружба*. Эти различные коллокации как раз и вскрывают то, что практически все переводные словари являются в той или иной степени ложными друзьями студентов и переводчиков, т. к. не дают национально-культурные (и эмоциональные) смысловые различия. Это неизбежно приводит к коммуникативным неудачам (помехам и провалам) на уровне межкультурного общения, устного или письменного, реального или художественного. Именно этим фактом и объясняются многочисленные переводы одного и того же художественного произведения на один и тот же иностранный язык как повторные попытки более точно протранслировать эстетическую информацию, формирующуюся идиоматическими эмотивными смыслами оригинала (например, шагреневая кожа — кожа печали у Бальзака как конституент семантики слова *тоска*).

Резюмируя вышеприведенные рассуждения, повторим, что эмотивность как семантическая категория языка является межъязыковым смыслообразующим феноменом. Этот феномен опредмечен в лингвокультурных разновидностях эмотивных знаков, которые в большинстве своём идиоматичны и эмоциогенны (маркированы эмоциогенным характером знаний, опредмеченных в них), должны входить в эмоциональную компетенцию межкультурных коммуникантов как эмоциональных языковых личностей.

Всё вышеупомянутое о категории эмотивности позволяет по-новому подойти к решению проблемы внутренней формы языка как экстралингвистического феномена (эмоциональная мотивация всех номинаций), а это позволяет рассматривать эмотивность в качестве основы диалектики внутренней и внешней форм языка.

Полагаем, что когда В.Н. Телия пишет о едином методологическом основании анализа взаимодействия «языка» культуры с естественным языком в современной лингвокультурологии, то семиотический подход к рассмотрению феномена культуры может и должен иметь в виду и эмотивную семиотику.

3.3. Проблема эмоциональной толерантности/нетолерантности в межкультурном/межперсональном речевом общении

В связи с социальными переменами в России и вызванной ими практической необходимостью улучшения качества различных видов человеческого общения, т.е. повышения его эффективности, конец прошлого и начало нового тысячелетия охарактеризовались интенсивными штудиями в рамках коммуникативистики и эколингвистики как новых парадигм отечественного языкознания.

Многие давние проблемы стилистики, лингвистики и психолингвистики стали переосмысляться с когнитивных и коммуникативных позиций [41]. Наряду с человековедением интенсивно развивается речеведение, базисными становятся терминопонятия «коммуникативное (речевое/языковое) поведение (сознание/мышление)», «коммуникативное пространство», «коммуникативная ситуация», «дискурсивное мышление», «дискурс», «речевое воздействие» и «коммуникативные партнеры».

Проблемы эмотивности языка также приобретают коммуникативную направленность. Поскольку роль эмоций в языке уже более не оспаривается, то их коммуникативная и семантическая функции также становятся предметом коммуникативистики.

Если в реальной коммуникации постоянно возникают эмоциональные ситуации, в которых речевые партнеры вынуждены реализовывать эмотивный потенциал всех единиц языка, в том числе и супraseгментных, то в художественной коммуникации, которая является моделью реальной, вся эта реализация воспроизводится одновременно с воспроизведением типичных эмоциональных ситуаций общения, которые в лингвистике эмоций получили терминологическое наименование «категориальная эмоциональная ситуация». Под КЭС понимаются типичные жизненные (реальные или в ху-

дожественном изображении) ситуации, в которых задействованы эмоции коммуникантов: речевых партнеров, наблюдателя или читателя. Все они время от времени попадают в единое эмоциональное поле (пространство, время). Их эмоции реализуются в рамках координат: «Я (здесь, сейчас) — Ты», или «Я (здесь, сейчас) — Ты — Он (наблюдатель, читатель)». Перед коммуникативистикой и лингвистикой эмоций (эмотиологией) стоит актуальная задача изучения эмотивных речевых актов, эмотивных высказываний и их типологизации в свете теории и семиотики эмоций.

В данном разделе рассматривается только первая система координат, когда «Он» не участвует в эмоциональной коммуникации типа (категории) диссонанса, нарушения равновесия, дисконтакта, дисгармонии и т.п.

Такие отрицательные КЭС экспрессивны и прагматичны в современных условиях существования мирового сообщества (природные катаклизмы, техногенные катастрофы, теракты, деформация нравственных и моральных ценностей и др.). Эти и им подобные социальные условия рождают агрессию у людей. Источников агрессии много. Помимо вышеназванных, это и жесткая конкуренция, и глобализация, и неприятие ксенокультурных коммуникативных норм (сценариев), и мн. др.

«Агрессор — не только тот, у кого в руках дубинка или стингер. Агрессия пронизывает и мирную жизнь, проявляя себя в скрытых и открытых нарушениях правил человеческого общежития...» [57: 5—6].

Поскольку агрессия многолика, мы ограничимся рассмотрением, во-первых, только ее речевых форм, представленных в художественных произведениях как депозитариях человеческих эмоций, а во-вторых, в более мягких ее видах: неприязнь, раздражение, возмущение (и другие эмоции группы гнева).

В исследовании КЭС возможны различные методики. Так, например, интерес представляет анализ всех КЭС внутри какого-либо одного художественного произведения с выявлением динамики кластерности реализуемых в них эмоций и их смысловой доминанты, или рассмотрение КЭС внутри ряда (или всех) произведений одного и того же автора, или — сопоставление КЭС ряда авторов одной эпохи — разных эпох, одной культуры — разных культур и т.д.

Такие исследования могут дать интересные факты о художественных КЭС как модели реальных КЭС, о языковой их упаковке, о варьировании их кластерного наполнения, о доминирующих эмоциях и их коммуникативных смыслах в каждой конкретной КЭС. И, самое главное, — об их типичности, повторяемости, моделируемости и инвентаризуемости, что приведёт к созданию единой библиотеки КЭС. Общеизвестно, что базовые эмоции универсальны для всех лингвокультур, но различаются они языковым/речевым и культурным проявлением.

Рассмотрение 16 новелл Эдгара По (американского прародителя детективных ужасов) с точки зрения сюжетных КЭС позволило выделить шесть коммуникативных ситуаций с доминантой эмоцией «страх» в дискурсах убийства, безумия, беспробудного пьянства, фантастических сил, наигранного веселья в ожидании смерти, неутешного раскаяния за совершенное злодеяние. Каждая из них — КЭС отдельной новеллы. Эти КЭС находятся в тесной логической и эмоциональной взаимосвязи как монокластеры суперкластера полиструктурной КЭС, эксплицирующей «страх/ужас», объединяющей все 16 новелл этого автора и формирующей личностную эмоциональную картину мира Э. По. Внутри каждого из этих монокластеров установлены разные наборы эмоций семантики страха/ужаса.

Так, доминанту «ужас» в его новелле «The Cask of Amontillado» КЭС формирует такой кластер эмоций: безмерное удивление, беспокойство, мстительность, ярость, ужас. В КЭС этой новеллы сгруппированы такие эмоции: антипатия, смущение, безразличие, раздражение, отвращение, ненависть, бешенство, ярость, ужас, страх, раскаяние (см. подробнее о КЭС в других его новеллах).

Исследование КЭС в новеллах Э. По показало, что одни и те же ситуации повторяются как минимум в двух и как максимум в шести новеллах, что, несомненно, указывает на стабильно мрачные эмоциональные предпочтения Э. По. Другими словами, доминантная КЭС «ужас»/«страх» является для новелл Э. По интертекстуальной.

Другой тип ситуаций — поэтапно-сюжетная КЭС внутри отдельного художественного произведения. Например, в рассказе Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» через череду типичных ситуаций показан мучительный процесс самоосознания вербальной рефлексии Иваном Ильичом собственного ухода в небытие. От одной ситуации к другой происходят усиление и вербализация всех эмоций самого Ивана Ильича и его домашних. Вербалика и авербалика его осознания неотвратимо надвигающейся смерти от имплицитных форм трансформируются в эксплицитные формы, вовлекая и наблюдателя (читателя) в эмоциональное пространство Ивана Ильича. Эмоциональная толерантность всех соучастников этой КЭС таит на глазах — персонажи повести обмениваются (а) вербальными эмоциональными ударами, а читатель эмпатирует Ивану Ильичу, понимая, что такое может случиться и с ним.

Итак, внутри одного художественного произведения череда КЭС составляет определённую для него парадигму переживаний, изображаемую автором с помощью обширного эмотивного фонда языка и стиля.

Все произведения одного автора образуют другой тип парадигм их КЭС.

Все художественные произведения всех авторов нашей планеты, от древних до современных, составляют мегапарадигму КЭС, и она может быть

сведена к трём реальным коммуникативным ситуациям — «Жизнь», «Любовь» и «Смерть». Эти три глобальные мега-КЭС объединяют всю гамму (библиотеку) эмоций, переживаемых человеком в реальной жизни через конкретные КЭС. Фактически любой речевой акт есть эмоциональная адаптация коммуникантов друг к другу. А если эта адаптация по разным причинам отсутствует, то происходит вербальная дуэль, сопровождающаяся эмоциональными струками (ударами). Эти последние суть свидетельство конфликта и отсутствия эмоциональной толерантности одного или обоих коммуникативных партнеров.

Это особенно заметно, когда коммуниканты гендерно противоположны. Установлено, что на всех этапах коммуникативного процесса гендерные различия усугубляют эмоциональный фактор дуэльности (нетолерантности) общения (см. подр. об этом: [14]). Так, например, установлено, что женские партнёры по общению на многие вербалии и авербалии реагируют обидой, более склонны к фатическому (чисто эмоциональному) общению, к разговорам «по душам», эмоционально реагируют на прерывание их звукового потока. Их коммуникативная активность осуществляется, в основном, за счёт эмоциональной составляющей.

Коммуникативная эмоциональность характерна и для мужчин, но у них порог самоконтроля (эмоциональной сдержанности) значительно выше. Это положительно влияет на степень взаимной толерантности во время вербальных дуэлей, т.к. является антистимулирующим фактором для продолжения конфликта, но не всегда и не во всех КЭС.

Поскольку, как установлено гендерной лингвистикой, процесс коммуникации у женщин, в отличие от мужчин, всегда и сам по себе является выражением их эмоций, у них очень высокий уровень вербализации эмоций при более низком (в сравнении с мужчинами) уровне эмоционального самоконтроля. Отсюда такое бурное эмоциональное реагирование: злость, ненависть, ярость, мстительность (см., напр., объективацию этого тезиса в рассказе Барстоу «Ярость» («The Fury»)). Замечено, что женщины чаще испытывают физическую потребность в эмоциональном споре, скандале, крике, они склонны использовать в нём свои эмоции как аргументы или контраргументы. Всё это говорит об их потенциальной нетолерантности в эмоциональной коммуникации. Даже если женщина прекратила спор первой, она нередко остается не согласной, злопамятной. Отсюда и мстительность как сильная женская эмоциональная черта.

Гиперболизация как положительных, так и отрицательных эмоций у женских коммуникантов (как вербальных, так и просодических) также препятствует толерантности обеих конфликтующих сторон в эмоциональной коммуникации. К таким факторам относится и всегда развернутый монолог как озвучивание собственных эмоций женщины, который трудно прерывать [14: 18—24].

Такая яркая гендерная идентификация эмоциональной вербалики женщин позволяет говорить об эмоциональном гендеролекте, отличном от эмоционального гендеролекта мужчин, более толерантном в целом, но колеблющемся от одной к другой КЭС, что подтверждается как реальной, так и художественной коммуникацией.

Амплитуда таких различий у обоих гендеролектов зависит не только от внутрикультурных, но и от межкультурных КЭС. А. Вежбицкая достаточно глубоко вскрыла различия в эмоциональной семантике англосаксов, русских, поляков, китайцев, американцев и немцев и показала, как взаимный детерминизм языка и культуры отражается в культурных нормах эмоционального коммуникативного поведения языковой/речевой личности и как это поведение связано со стереотипами мышления/сознания личности. Данные гендерной лингвистики позволяют это суждение А. Вежбицкой экстраполировать и на эмоциональные гендеролекты в межкультурной коммуникации.

Перенос проблемы эмоциональной толерантности на арену межкультурной коммуникации усложняет её изучение, т.к. чисто эмоциональные (психологические) гендерные различия умножаются на языковые, культурные и стереотипные, ассоциативные различия. А это представляет интерес для отдельного исследования. Недовольство как эмоциональный эффект на какое-либо действие, в т.ч. и вербальное, редуцированное до рационального: *We are not amused* (в устах королевы Виктории), является лучшим примером эмоциональной толерантности.

Вежливость (как позитивная, так и негативная), во всех её стилистических проявлениях (мейозис, митигация, эвфемизм, политкорректность, пренебрежение и т.п.), является толерантно формирующим фактором всех типов человеческого общения: межперсонального, группового (малые группы), группового (большие группы), массового, межкультурного, этнического и др.

Полностью холодному рассудку подчинить страсти, кипящие в эмоциональной коммуникации, удается только очень расчетливым, коварным и лживым личностям (см., напр.: «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, все драмы В. Шекспира, в которых изображены такие коммуникативные ситуации).

Эмоциональные рефлексии на нетолерантность в общении изучены давно и общеизвестны.

1. Лесть всегда приятна и принимается даже в случаях типа «облить грязью похвал». Критика всегда неприятна и обидна. С ней не согласны вербально-бурно или по умолчанию (со страстями внутри).

2. Находясь в одинаковых условиях, люди имеют разные личностные картины одного и того же мира, т.е. фактически живут в своих разных ми-

рах. Даже называя одни и те же объекты единого мира, они выражают разное к нему эмоциональное и рациональное отношение — вплоть до противоположного. Один только этот факт уже нарушает баланс эмоциональной толерантности в общении людей друг с другом, т.к. только по этой причине они уже недопонимают друг друга.

3. Различный эмоциональный дейксис у разных языковых личностей тоже препятствует их эмоциональной толерантности друг к другу (см.: [62]).

4. Человек не может выйти из своего языкового круга, формирующего мир общения, как из своей шкуры [33: 267]. Поэтому ему трудно терпеть других, легче быть нетолерантным. Тем более что шкалы ценностей у разных людей не совпадают: проблема «Я» vs «Другой» — это проблема «Свое» vs «Чужое» («хороший» vs «плохой»). У англичан это закреплено, например, в семантике слова *foreign* и словосочетания *continental breakfast* (плохой, т.к. не английский). Такая семантика изначально нетолерантна.

5. Никто из людей не знает себя достаточно хорошо. Как утверждает К. Хорни, самый странный для человека незнакомец — это он сам. Отсюда и порой неожиданные для самого человека его эмоциональные вербалии.

6. Человека не учат овладевать стрессовыми ситуациями и рационализировать свои эмоциональные впечатления в речах и делах (ибо слово — тоже дело).

7. Как отмечал Шопенгауэр, у всех людей есть прирожденный талант — надевать на своё лицо мимическую маску в обманных целях (теперь об этой способности говорят «мимикрирует»). Речь идёт не только о *body language* (языке тела), но и о *verbal language* (языке слов). Симулирование и имитация эмоций в целях их сокрытия может для адресата раздражающей его информации служить толерантным средством (сделать вид, что не заметил неискренности, лжи, вранья). А может и вызвать ещё большую его эмоциональную нетолерантность. Всё зависит опять-таки от конкретной КЭС.

8. Человеческие взаимоотношения проявляются через речевое поведение коммуникантов. Согласно этике общения, в результате любого речевого контакта у всех коммуникантов должно произойти повышение (улучшение) самооценки. Но в жизни так почти не бывает — «градусы» эмоциональной толерантности у всех разные. Оба речевых партнёра всегда должны эти градусы адаптировать друг к другу (принцип кооперативности Грайса).

Помощь в этом процессе может оказать знание техники амортизации (по М.Е. Литваку) — соглашаться с оскорблениями и при этом не высказывать ответных, как бы «дуэлянт» и не заслуживал их. В отношениях с любимыми людьми надо закрепить в своём эмоциональном дейксисе позицию «недостатки любимого считаю слабостями», т.е. перевести их в другой психологический разряд, смягчить и не замечать.

Все эти и многие другие правила общения направлены на смягчение/ избегание самоаффектирования в конфликтном диалоге.

1. К. Юнг справедливо заметил, что «так же, как тяжесть собственного тела мы носим, не чувствуя его, и ощущаем вес постороннего невесомого тела, — так мы не замечаем собственных ошибок и пороков, а видим чужие... У каждого человека есть “тень”, которую он не видит и отбрасывает на другого. Общаясь с последним, он фактически общается с самим собой» (цит. по: [33: 305]). Мы назвали бы этот процесс эмоциональной проекцией в общении. Из этого тонкого наблюдения, которое должно быть введено в эмоциональную коммуникативную компетенцию (см.: [67]) толерантного общения, следует, что мы изначально всегда несправедливы в своих эмоциональных суждениях о других. Отсюда и библейское «Не судите, да не судимы будете», «Не лжесвидетельствуй», «Не возжелай...» (т.е. не завидуй). Получается, что уже в Нагорной проповеди Иисуса Христа изложены основные принципы толерантного общения людей друг с другом. Да и вся христианская религия призывает терпеть и прощать — как образец эмоциональной толерантности.

2. Злоба и зависть — главные источники вербальной эмоциональной нетолерантности людей. Светская мораль их не осуждает, а религиозная мораль призывает изгонять их из своей души и, следовательно, из речи своей.

Сложность заключается в том, что стрелки этих эмоций трудно перевести на вежливость, которую Шопенгауэр считал молчаливым соглашением игнорирования и неподчеркивания друг в друге моральной и духовной нищеты. Тем более что правила вежливости в КЭС злобы и зависти нарушает другое правило Грайса «будь искренен». А неискренняя вежливость, комплимент, лесть всё равно нарушают равновесие эмоциональной толерантности речевых партнёров. Это — временная, сиюминутная толерантность по обоюдному умолчанию. В то же время неискренняя вежливость может поработать и на принцип амортизации конфликта, а может и обострить его. Всё зависит от конкретной КЭС. Как же коммуникативистике в курсе практической вежливости обучать людей общению в КЭС?

Думаю, что в лабораторных условиях все типы КЭС предусмотреть невозможно: реальное эмоциональное общение людей намного разнообразнее типичных ситуаций, особенно в сфере конфликтного общения, в котором как раз и требуется эмоциональная толерантность. Но основные принципы толерантного балансирования все же необходимо закрепить в коммуникативной (эмоциональной) компетенции обучаемых.

В любом случае обучаемые должны знать, что «побороть свой аффект — значит в большинстве случаев воспрепятствовать его (временному? —

В.Ш.) излианию и образовать затор, стало быть, сделать его неопасным» (Шопенгауэр. Цит. по: [33: 337]).

Выхода, кажется, нет: и так плохо, и так. Но в любом случае техника амортизации как отказ от ответной вербальной агрессии будет проявлением эмоциональной толерантности коммуникантов.

Считаем эту технику главной речевой стратегией в условиях КЭС.

Обучение тактикам и стратегиям речевого общения в условиях КЭС, и в частности принципам эмоциональной толерантности (терпимости) как техническому рациональному приему амортизации, считаем ядром коммуникативной компетенции как монолингвов, так и искусственных билингвов. Обучение такой компетенции в общеобразовательной и высшей школе актуально и значимо, т. к. она представляет собой единственный психологический механизм снятия или осознанного сокрытия раздражения (всего кластера эмоций группы гнева) и коммуникативный механизм смягчения речевой агрессии.

Другими словами, одной из лингводидактических проблем современной коммуникативистики является разработка методики рационализации эмоций в условиях КЭС общения. И. А. Стернин прав, когда пишет, что «Обучение толерантному коммуникативному поведению — вполне реальная задача, связанная с формированием вежливости навыков речевого этикета и культуры общения» [49].

Коммуникативные аспекты толерантности, к сожалению, ни в одном из госстандартов высшего образования не предусмотрены. А лингвисты уже давно и настойчиво предлагают свои разработки по этой проблеме и привлекают к ним внимание авторов национальной программы по образованию ([7; 57] и др.).

Воспитанию толерантности при обучении родному и иностранному языку в школе и вузе, коммуникативным качествам речи в аспекте толерантности, категориальным ситуациям эмоционального (вызывающего, манипулятивного и т.п.) диалога, принципам толерантности в конфронтационном дискурсе, способам создания семантики сотрудничества в детских и взрослых коллективах, тактикам и стратегиям толерантности в научной коммуникации, т.е. всему, в чем коммуниканты находятся в одной из КЭС, необходимо уделять специальное внимание в курсах коммуникативистики.

Считаем необходимым предложить включение в программы средних и высших учебных заведений курсов по обучению правилам речевой вежливости через митигацию (различные формы смягчения типа эвфемизации и мейозиса) как способ эмоционально-речевого сдерживания и гармонизации общения.

Нетерпимость к «не Я», «другому», «чужому», а следовательно, якобы к худшему создаёт много причин и ряд аспектов, которые необходимо

учитывать при обучении толерантному языковому общению специалистов всех отраслей трудовой деятельности: им придется работать, общаться с людьми, а это — всегда самое трудное.

Следовательно, все вышеизложенное убеждает в том, что необходимо введение в коммуникативную компетенцию специалистов всех профессий знаний, умений и навыков в применении толерантно формирующих факторов межличностного/межкультурного общения.

Толерантность в действительности многопланова, и всем её коммуникативным механизмам обучить невозможно. Но какой-то минимум её постулатов для категориальных КЭС должен быть введён в содержание коммуникативной компетенции языковой личности. Решению проблем коммуникативной толерантности могли бы послужить специальные практические пособия по речевому преодолению эмоциональной нетерпимости к «другому» и повышению эмоционального интеллекта коммуникантов [78].

В социальных условиях, активно способствующих развитию и распространению агрессивного речевого взаимодействия, проблема эмоциональной толерантности в разнообразных эмотивных речевых актах представляется актуальной для современной коммуникативной парадигмы языкознания [51].

3.4. Межкультурные эмоциональные параллели и контрасты

3.4.1. Американские и русские лингвокультурные стереотипы в межкультурной коммуникации

В данном разделе на материале человеческих эмоций, доминирующих на национальном и личностном языковом уровне, оспаривается тезис А. Вежицкой о духовном единстве человечества. Объектом сопоставления являются некоторые культурные концепты США и России, упакованные в соответствующие языковые формы и используемые речевыми партнерами двух стран.

А. Вежицкая в ряде своих работ выдвигает и обосновывает гипотезу о существовании универсальных культурных концептов человечества, которые она определяет как алфавит ментальных атомов (семантических примитивов). Благодаря этому специфическому алфавиту обеспечивается межъязыковая коммуникация в различных формах. С этим утверждением спорить нельзя. Что же касается ее мнения о тождественности способов мышления и восприятия у разных этносов, равно как и о духовном единстве человечества, то с этим трудно согласиться.

Если осмыслить особенности эмоционального восприятия мира представителями разных национальных культур (его фактов и событий), можно заметить не только параллели, но и довольно резкие контрасты, не позволяющие признать тезис о духовном единстве ни всего человечества, ни отдельно взятой страны. Сегодняшние межкультурные конфликты и непонимание лишней раз подтверждают это: например, непонимание друг друга некоторыми бывшими национальными республиками СССР, Палестиной и Израилем, в Афганистане, Ираке, Турции и др.

Говорить о духовном единстве человечества, как мы считаем, неправомерно и потому, что культурные концепты разных этносов вербализуются не только и не столько в языковых кодах, сколько в ассоциативной памяти об исторической протяженности их существования. А эта память фундаментально различна у разных языковых обществ. Об этом неоднократно писал М.Бахтин, который считал, что только в терминах хронотопов (пространственное и временное окружение фактов, событий, речений и т.п.) можно понять любые высказывания. А хронотопы, как общеизвестно, национально специфичны, поэтому, как справедливо подчеркивает Ю.М. Лотман, если у коммуникантов будет общим только языковой код (искусственная структура, созданная договоренностью), но не будет общей памяти и ассоциаций, то их общение может быть адекватным, но ценность информации будет минимальной, а сама информация — ограниченной, т.к. коммуникантам не о чем будет говорить [34: 14]. Идеальным примером такой коммуникативной ситуации является передача команд.

Еще одним доказательством ошибочности мнения А. Вежицкой о тождественности способов мышления и восприятия мира может служить и такой факт, замеченный еще Ю.М.Лотманом, как «смысловое пространство» культуры и любого языка — «глыба, границы которой образуются из множества индивидуальных употреблений» (Там же: 35). Выходит, что языковые личности, естественно, не могут в различных этносах, с помощью различных языковых кодов, замешанных на различных «памятях» об исторической протяженности этих этносов, одинаково отражать, картировать и интерпретировать мир, который, вопреки бытующему в науке мнению, у разных этносов, увы, не один и тот же. Соответственно и система понятий (культурных концептов) просто не может быть только национальной и тождественной. У каждого этноса существует огромное количество контекстных понятий, т. к. рождение бесконечных новых смыслов связано с индивидуальным сознанием языковых личностей. По Ю.М.Лотману, смысловое пересечение есть взрыв, рождающий новые смыслы и новые понятия, которые довольно часто невозможно выразить в системе других языковых кодов. Поэтому каждая языковая личность многократно индивидуальна в своих культурных концептах (языковой код, история, бытовое и научное

сознание, ассоциации, импликации, гештальты, фреймы, мифы, символы и др.). Все это должно множиться на фактор динамичности языкового пространства и фактор чрезвычайной сложности пространства многочисленных взаимосоотнесенных (и не соотнесенных) «Я» языковых личностей. Нельзя исключать и фактор динамичности человеческого интеллекта. Даже в пределах короткого временного отрезка, когда мы слушаем одну и ту же запись или читаем один и тот же текст несколько раз, «меняется не то, что передается, а тот, кто принимает. Структура человеческого интеллекта исключительно динамична» [34: 241].

Особенно это касается бурного словотворчества в сфере эмотивной номинации, которая уникальна не только по семантической упаковке, но и по креативной непредсказуемости обозначаемого, контекстного культурного концепта. Например, *sexual harassment* (США), *красноперые* (о российских коммунистах-демонстрантах в посткоммунистическое время), *Japanese stop* (Англия), *особо одаренные неуспевающие, способные умственно неполноценные* (Канада) и мн.др.

Стоит также упомянуть о серьезных различиях в структуре культурных концептов разных этносов, обусловленных таким компонентом культуры, как религиозные конфессии («нации не являются едиными по конфессиональному признаку»). Этот признак тоже влияет на менталитет нации и стилистику вербального и невербального эмоционального поведения ее представителей (ср. всепрощение русских христиан и газават (джихад) у мусульман, поскольку он входит в общественное сознание народа, в его менталитет). Замечено, что специфика азиатской лингвокультуры совершенно не улавливается категориальным аппаратом современной прагмалингвистики. Конечно, имеются и «бесчисленные проявления межкультурной общности языков мира как основа взаимопонимания их носителей». Тем не менее этих проявлений недостаточно для признания духовной общности человечества.

Вряд ли об общей духовности человечества говорят сегодняшние события в бывших национальных и автономных республиках СССР (Кавказ, Украина, Прибалтика) и отношения бывших союзников России по соцлагерю.

Против тезиса А.Вежбицкой свидетельствует и этническая функция языка, обособляющая в известных пределах одну нацию от другой. Например, лексический фон разных лингвокультур, как известно, никогда не совпадает. Не совпадают во многих случаях и их стилистические (регистрационные, ситуативные) фоны [47].

Многие зарубежные психологи долгое время предполагали, что человеческая природа одинакова везде на земном шаре. Но, как свидетельствуют факты, реально существуют глубочайшие психологические различия

между культурами. Концентрирование внимания ученых на общем в человеческой природе привело к игнорированию довольно серьезных различий, прежде всего, в сфере человеческой психологии, и особенно между Западом и Востоком.

Именно этими различиями объясняется генезис некоторых специфических эмоциональных проблем, существующих в одной части света и отсутствующих или ослабленных в другой. Например, *agoraphobia* (боязнь покинуть свое жилище) или *anorexia* (навязчивая идея похудения) как эмоциональные тренды национального уровня, типичные для Запада. Практика «*Koro*» наблюдается только у жителей (и мужчин, и женщин) Восточной Азии. Например, в 1995 г. всплеск этого национального феномена наблюдался в юго-восточной части Китая. И даже депрессия и шизофрения, которые распространены во всех культурах, имеют в разных культурах разные симптомы.

Следует признать правоту А. Вежбицкой, когда она провозглашает единство человеческого духа, но только относительно западной культуры, к которой она сама принадлежит. Западная и восточная (например, азиатская) культуры сильно различаются в воспитании эмоций. Традиционные культурные концепты воспитания детей здесь прямо противоположны. Ср.: *Individual self* в Америке (т.е. эмоциональная отрешенность) или *Family self*, *Spiritual self* (отстраненность) американских детей от родителей и неразделенность их эмоций против эмоциональной привязанности детей Востока к родителям (унифицированной и прозрачной, представленной как невербальной, так и вербальной). Поэтому общеизвестно, что межличностные эмоциональные взаимоотношения (в том числе и речевые) в азиатских странах более тонкие и более сложные, чем на Западе. Языковые личности азиатских стран ожидают друг от друга большей степени сенсуальности, проявляющейся в том, что каждый чувствует, что происходит в душе речевого партнера и без его вербальной экспликации своих эмоций (в отличие, скажем, от русской традиции вербально описывать, смакуя, свои переживания по какому-либо поводу, заводя себя и разжигая свою сенсуальность).

Существует даже такое понятие, как «культурный шок», известное, например, многим русским, впервые попавшим в Америку в период «железного занавеса», «холодной войны» и изоляции СССР от Запада, основанием для которого было непонимание их совершенно иных культурных реалий.

Проблема языка и культуры, как синтезирующая частные проблемы «язык и история», «язык и общество», «язык и народ», а с недавних пор «язык и личность», является, прежде всего, проблемой этнолингвистики. Разумеется, отдельные аспекты этой проблемы успешно разрабатываются

социо-, психо-, паралингвистикой и переводоведением. Этнолингвистика по отношению к названным разделам науки о языке выступает в роли синтетатора всех знаний об этносе в зеркале его языка [25].

Тезис о прямом влиянии культуры этноса (и составляющих ее концептов) на его язык находит многократное подтверждение и в лексике, и в семантике, и в грамматике языка, а также в его фонетической ткани. Отсюда различие языков объясняется различием культур, различием концептуальных кодов и ментальных стилей у различных народов. Получается, что утверждение о наднациональном характере понятий (концептов), столь прочно бытующее в логике, философии и лингвистике до настоящего времени, является, вероятно, очередным наивным заблуждением. Ведь всем известно, что внутри одной языковой общности у разных языковых личностей наблюдается различный ментальный стиль, обусловленный их индивидуальными кодами культурных концептов. Это языковое, ментальное различие становится существенным на уровне различных языков за счет национально-специфических концептов, входящих в их культуру. Различия в национальной специфике культурных концептов особенно разительны, как уже отмечалось выше, у народов Запада и Востока, у которых и языковые различия максимальны (начиная с графических). Фактически Восток и Запад — это две ментальные планеты (Азия и Европа) на земном шаре, со своими кодами лингвокультурных концептов, обуславливающих «полусварные» ментальные стили населяющих их народов.

Когда В. фон Гумбольдт писал о внутренней форме языка, он, по мнению М.М.Копыленко, подчеркивал национальное своеобразие мотивов названий в разных языках [25: 9]. А это — тоже аргумент в защиту тезиса о национальном характере понятий (разумеется, существуют и межнациональные и наднациональные понятия, благодаря которым и осуществляется межъязыковая коммуникация). Но дух народа и сознания его отражены в культурных концептах, мотивирующих языковое сознание, ментальный стиль, называемый национальным менталитетом.

Поэтому, с одной стороны, язык — это средство выражения мысли и средство ее создания и оформления. А коль скоро культурные концепты, включающие гештальты, фреймы, символы, мифы, обряды, ритуалы и пр., у разных народов отличны друг от друга, то и их менталитеты и языковые реализации последних различаются. Естественно, что этот фактор значительно влияет на интерпретацию, понимание и оценку одних и тех же фактов, событий, текстов представителями Европы и Азии и далее — различными народами внутри Европы и внутри Азии.

Все вышеизложенное позволяет, наконец, открыто признать глубоко справедливым утверждение Э.Сепира и Б.Уорфа о том, что миры, в которых живут различные существа, — отдельные миры, а не один мир, ис-

пользующий разными языками. Тем более что язык — это не только лексика и грамматика, это и история и культура народа, который говорит на этом языке (см. [15]).

Одним из аргументов, подтверждающих справедливость так долго преследовавшегося советской идеологией мнения Сепира и Уорфа, было искусственное насаждение русского языка в бывших национальных республиках СССР. «Виртуальный» мир в этих республиках сознательно строился на языковых и культурных нормах русского языка (и глубже — русской культуры, и еще глубже — русского менталитета). А бессознательно он — этот мир — все время конфликтовал с реальным, т.е. национальным духом (его культурой и народным менталитетом). Поэтому после распада СССР победил дух народа и его собственный язык во всех без исключения бывших советских республиках, так и не принявших в свою народную культуру, в свой национальный семантический код чужеродное тело — русский язык как язык национального общения. Материальные факты русского языка не стали знаками концептуальных фактов — национальных языков СССР. Русский язык мог служить только формальным средством межнационального общения, как английский или немецкий на международной арене, но никак не полнокровным заменителем родных языков тогдашних граждан СССР.

Но язык еще является и орудием культуры, и орудием (средством) эмоций. Эта многоплановость взаимодействий языка, культуры и эмоций манифестируется по-разному в разных национальных и географических сферах. В языковой семантике присутствует не только общечеловеческий культурный компонент, но и облигаторный национальный, неповторимый. Поэтому в межъязыковом общении существует лингвокультурный барьер, ведущий к коммуникативным помехам, как минимум, или к коммуникативным провалам, как максимум. Другими словами, лингвокультурные концепты, будучи национальными по духу, могут быть непереводаемыми (неперевыражаемыми) на другие «лингвокультурные планеты», что и объясняет языковую лакуарность (безэквивалентная лексика тому яркое доказательство, наравне с таким аргументом, как лакуарность лексическая или семантическая). Эта лакуарность особенно ощутима в сфере человеческих эмоций как в их номинации, так и в средствах их выражения.

Различаются языки и культуры своими ассоциативными фонами, которые тоже ведут к коммуникативным помехам и провалам в межкультурной коммуникации. Все это — достаточно известные факты, поэтому мы и не даем примеров.

Уже давно установлено, что люди всех культур (этносов) являются одновременно и лингвистическими животными. Это значит, что речь, мысли и эмоции сплавляются в процессе человеческой коммуникации и что ба-

ланс между *ratio* и *emotio* в человеческом поведении довольно часто нарушен и *emotio* превалирует. Этот тезис справедлив по отношению к целой лингвокультурной общности (стране, этносу) и по отношению к отдельной языковой личности.

Поскольку каждая языковая личность, независимо от её культурных различий, переживает одни и те же базовые эмоции, это объединяет людей. Эмоции являются центральной частью, которая делает людей разных культур более или менее похожими друг на друга. Но та же самая центральная часть делает каждого из нас уникальным в силу индивидуального варьирования базовых и других эмоций. Как психические индивиды мы выражаем, передаем, скрываем с помощью языка все эмоции сугубо специфично. Эта специфичность предопределена индивидуальным эмоциональным трендом и национальным индексом данной культуры.

Если сравнить Америку и Россию по общенациональному индексу, то первое, что бросается в глаза, — это эмоциональная стабильность в одной стране и эмоциональная разбалансировка в другой. Это первый экстралингвистический контраст в сфере эмоциональной жизни русских и американцев, влияющий и на их речевое поведение: самоуверенные, снисходительные, радостные интонации американцев против раздраженных, неуверенных, горестных и т.п. у русских.

Яркими культурными знаками американцев являются гордость и патриотизм. Американцы могут многим гордиться: своими красивыми бесчисленными дорогами и автомобилями, супермаркетами и моллами с многочисленными чистыми и бесплатными *restrooms*, всеобщей компьютеризацией, многоканальным и многопрограммным круглосуточным телевидением, обилием университетов и их доступностью для всех слоев населения, концепцией глобального образования.

В целом Америка — страна с комфортно организованной жизнью. В ней почти все предусмотрено для удовлетворения запросов, нужд, желаний и амбиций людей. Америку по праву во всем мире называют страной с неограниченными и равными возможностями, и именно поэтому сюда стремятся люди со всех уголков земного шара, из разных культур, чтобы остаться в ней навсегда. Америка — *melting pot*, «плавильный тигель», в котором переплавляются многие культуры мира.

Эмоциональные чувства гордости и патриотизма как общенациональные индексы США проявляются в вербальных и невербальных символах во всех уголках этой мультинациональной страны: *Old Glory* — государственный флаг развевается круглый год даже на частных особняках (в России такое исключено), его символ можно увидеть на бейсболках, кепках, майках, трусах, обуви, пластиковых пакетах и на других товарах массового потребления. Миллионы копий этого флага можно встретить во многих стра-

нах мира. Американцы гордятся своим флагом и чтят его как святыню. Отсюда и уважительная номинация — *Old Glory*.

Гордость за страну (США — мировой лидер по всем жизненным показателям) проявляется у американцев в манере говорить (уверенно, решительно, напористо, громко, быстро, в бытовой речи нередко афонетично и аграмматично, т.е. небрежно). Это объясняется открытостью данного многогласового лингвокультурного сообщества для всего мира, доминированием идеи свободы выбора, уверенностью в правовой защищенности.

Язык как средство вербализации и трансляции культурных концептов США представляет собой модификацию *British English*. В силу престижности самой страны *American English* активно экспандирует во все лингвокультурные общности, в том числе и в русскую, участвуя в процессах образования, лавины англицизмов (американизмов): *киллер, дилер, бармен, менеджер, лейбл, дистрибьютор, хилер, менеджмент* и мн. др., не говоря уже о молодежном новоязе: *герла, пэренты, бездник, фазер, лузер* и мн. др. Вместе с американизмами русский менталитет в настоящее время переживает и заимствование американских культурных концептов (ярчайшим примером является концепт «менеджер»).

Если вспомнить недалекое прошлое, то для американцев и россиян превалирующими эмоциональными символами были словосочетания «образ врага» и «империя зла». Эти символы культивировались в менталитетах обоих лингвокультурных обществ официальной идеологией бывших правительств обеих стран. Она породила также такие уродливые межнациональные культурные концепты, как «железный занавес», «холодная война», «Берлинская стена», «диссидентство» и мн. др. Вербальная упаковка этих и им подобных культурных концептов навсегда сохранит эмоциональную коннотацию отчуждения, опасности, угрозы жизни в своей семантике. Доминирующими эмоциями обеих лингвокультур в эти долгие годы были ненависть и боязнь друг друга, что нашло отражение и в лексиконах русского и американского народов: *сотти, дядя Сэм, янки* и мн. др.

Эмоциональный индекс российского народа никогда не был стабильным, в отличие от американского. После победы большевиков в 1917 г. непродолжительное время властвовали эмоции энтузиазма, радости, надежды, что отразилось и в словаре (см. многочисленные работы, касающиеся лингвистических особенностей советизмов). Искажая исторические факты, большевики создавали и пропагандировали миф о том, что Россия была первым государством, в котором был сброшен царизм и установлена «власть рабочих и крестьян». Государственным символом стал «Серп и Молот». Новые культурные концепты, идеологизированные «от и до», получали вербализацию и запускались в бытовое сознание и речь. С их помощью большевистский, а позже коммунистический режим манипу-

лировал и контролировал поведение, в том числе эмоциональное, всего общества. Нам с помощью этих большевистских идеологических концептов внушали, что мы во всем самые первые и самые лучшие. И все у нас самое лучшее, что мы самые богатые и что даже «часы у нас самые быстрые» (Н. Фоменко). Целью этой массивной официальной лжи было воспитание гордости — быть советским («у советских — собственная гордость, на буржуев смотрим свысока»).

Время от времени эта эмоция получала «подпорки»: победа в Отечественной войне (1945), экспансия социализма в Европу, на Кубу и Дальний Восток, запуск первого космического спутника (1957). Русское слово — посол культурно-технического концепта Страны Советов — «спутник» влетело навсегда в словарный состав английского языка! Для всего мира это событие было свидетельством грандиозного успеха нации и технологии Страны Советов, который вызвал бурные эмоции на мировой арене: восхищение, смешанное с завистью, и удивление, смешанное с недоверием. А эмоциональный индекс у граждан нашей страны стремительно взлетел вверх: гордость наряду с ликованием, счастьем, воодушевлением и новым приливом энтузиазма.

Однако с начала 70-х гг. вектор эмоционального индекса россиян переключается на разочарование, неверие, неудовлетворенность как контроверза чувств «глубокого удовлетворения» официоза. Социально-экономические причины всем известны. Прав был К. Маркс, когда написал, что бытие определяет сознание. Добавлю — обыденное и эмоциональное тоже. Возмущение и презрение советских людей к Политбюро ЦК КПСС, правительству становятся все более открытыми и доминирующими. И тогда — новая партийная ложь в виде привлекательных лингвокультурных концептов «перестройка», «гласность», «демократия». И так же, как спутниковый период эти культурно-идеологические концепты «подперли» упавший эмоциональный индекс страны и послужили очередной инъекцией эмоций энтузиазма и надежды. А лексикон многих языков, в том числе и английского, обогатился русскими словами *glasnost*, *perestroika*, *khorocho*, *Gorbi*.

Но и этот период эмоционального подъема и уважительного отношения к новым культурным концептам был очень кратким: у каждой очередной правительственной лжи ноги становились все короче. И вышеперечисленные составляющие (эмоциональный индекс страны) трансформировались в открытую ненависть народа к лицемерной идеологии Горбачева, его игре в благородные концепты и к его манипулированию базовыми чертами российского народа: долготерпением, доверием, выносливостью. В русском речевом лексиконе происходит взрыв эмотивной номинации: *коммуны*, *демокрады*, *демократура*, *разгул демократии* и др., которые верба-

лизуют новые для русской культуры концепты — эмоциональные реакции на «перестроечные стимулы». В американском лексиконе появляются эмотивные дериваты *terrorstroika*, *Borissstroika*, *Gorbonomics* с яркой негативно-эвалюативной коннотацией.

Если перейти к сопоставлению эмоциональных индивидуальных трендов среднего американца и среднего россиянина, то их разброс внутри шкалы эмоций будет широким и сфера вербализации эмоциональных концептов в целом будет тоже обширной. Бросающиеся в глаза различия касаются, прежде всего, сферы эмоциональной фатики. Американский речевой лексикон изобилует клише фатического политеса. Американец в 95% улыбается не потому, что ему лично в данный момент приятно, а для того, чтобы сделать приятное речевому партнеру. Этой же цели служат и фатические эмотивы типа: «*Have a nice/good day/weekend*», «*How are you?*», «*How is everything with you?*», «*How is life treating you?*», «*How doing?*», «*Relax*», «*Take care*», «*Take it easy*» и др., которые в большинстве случаев несут только фатическую эмотивную коннотацию и не являются смысловыми. Бодрое, жизнерадостное, улыбчивое *Hi!*, которым там все друг друга приветствуют каждый раз при встрече даже в течение одного дня, обращение друг к другу по первому имени, даже в официальной обстановке и нередко в диминутивной форме: *Torn*, *Bill*, *Dick*, бесконечное и вездесущее «*Sorry*», «*Excuse me*», «*Thank you!*» выполняют социальную функцию — создания имиджа жизнерадостного, веселого, довольного всем, приятного и предупредительного американца.

Хорошо, что взрослые таким примером естественно научают своих детей приятным словам, словам любви, поддержки, которые создают комфорт в межличностном общении. Однако это лишь внешняя форма, которая, тем не менее, значима, особенно для иностранца. Не сразу осознаешь, что это лишь языковая игра: американцы зачастую совсем не имеют в виду то, что говорят и о чем спрашивают. Перед нами типичный американский лингвокультурный концепт «заформализованная эмоция вежливости», вербализуемая в десятках кодовых знаков, в том числе чисто звуковых.

Но, увы, Америка не является «дамой приятной во всех отношениях». Там тоже случаются эмоциональные истерики, довольно отталкивающие. После многодневной телевизионной трансляции в октябре 1995 г. из зала суда процесса над О. Дж. Симпсоном, который подозревался в убийстве жены и ее любовника, когда был оглашен вердикт: «*Not guilty*», Америка взорвалась, и на ее спокойном до этого времени небосклоне вспыхнул многокрасочный салют эмоций. Приведу примеры только из одной статьи журнала *Newsweek*. В подзаголовках к этому событию — эмоциональная антитеза: *Decision and Division*; *Cheers and Tears*; *Whites and Blacks*

(*Newsweek*, October, 16, 1995, p. 24—26). В статье широко представлена эмоциональная вербализация реакции черной и белой Америки на это событие. У белых американцев — *passionate misunderstanding, gasps and mutterings of disgust, vented with rage, fumed, felt a profound sense of despair, extremely saddened, mystified, felt angry and stunned, sobs of disbelief, etc.* Реакция черного и цветного населения: *celebrated, whoops and yells of approval, screaming and dancing for joy, honked their horns, cheered and the news.* Обе Америки бурно переживали *fierce emotions*. На глазах у всех четко проявилась *racial solidarity*, лакмусовой бумажкой которой выступило решение суда присяжных.

Общенациональный эмоциональный индекс вмиг стал противоречивым. Но ... через два дня об этом никто уже и не вспоминал, даже в частных беседах. Вся опять внешне объединенная Америка спешила забыть о неприятном и продолжать радоваться жизни. И вновь улыбки, вежливые и ласковые слова, дружеские вопросы (риторические). А это значит — инстинкт самосохранения как часть культуры данного общества, направленный на оптимизм, рациональное восприятие эмоционального. Ярчайшим свидетельством реального равноправия и равных возможностей является избрание темнокожего гражданина США из Кении Барака Обамы президентом этой страны.

А. Солженицын в своей последней книге, изданной в Америке перед возвращением на Родину, определяет традиционный русский характер как принципиальный элемент русской культуры следующим образом: открытость, прямота, естественность, повышенная простота, сговорчивость (уступчивость), доверчивая примиримость с судьбой, терпеливость, выносливость, отсутствие сильного желания внешнего успеха, готовность к самоунижению, самобичеванию и покаянию, смирение, покорность в героических подвигах, сочувствие, великодушие, самоограничение в желаниях.

Конечно, этот список черт, покрывающих определенную частичку пространства русских культурных концептов, можно продолжить: щедрость, добросердечность, участливость в чужих проблемах, стремление поделиться своими заботами и проблемами. Естественно, что все эти и многие другие традиционные черты русского характера закреплены во множестве культурных концептов, вербализуемых на лексическом, фразеологическом и синтаксическом уровнях, а равно и в теловом языке.

К отрицательным чертам русского характера можно отнести отраженные в следующих пословицах: «Гром не грянет, мужик не перекрестится», «Надейся на добро, а жди худа», «Только бы пить, да гулять, да дела не знать», «Пуститься во все нелегкие», «Поглазеть, погулять, да мощну повытрясти», «Русак умен, да задним умом», «Русский человек любит авось,

небось, да как-нибудь» (Даль 1984: 199, 257, 96). Иностранец должен иметь их в своей лингвокультурной компетенции, чтобы адекватно рефлексировать русский характер и не попадать в коммуникативные невиятности.

Многолетние наблюдения за особенностями концептуальной картины мира американцев позволяют нам сделать некоторые собственные обобщения. Американцы весьма прагматичны, любят хвастать, но не количеством книг в домашней библиотеке, а количеством комнат (спален, туалетов) в своих особняках. Они не терпят критику, от других ждут только комплиментов, очень любят задавать вопросы: «А у вас это есть?», «Как вам нравится в нашей стране?» (при этом ожидается только восхищение). Они считают свою демократию лучшей в мире и искренне удивляются, когда узнают, что можно быть умным, но небогатым.

Особой культурной доминантой американской культуры можно признать умение сдерживать эмоции (и слезы) в момент горя и утраты. Известно, что когда убили 35-го Президента США Дж.Кеннеди (здесь уместно напомнить, что по количеству убитых президентов Америка занимает первое место в мире), то его супруга Жаклин совсем не плакала на его похоронах, и за это американцы наконец ее «зауважали».

Американцы нетерпеливы, не могут долго ждать успеха, они хотят его немедленно. Они не переносят трудностей разного рода и не любят, когда с ними делятся проблемами, заботами или ведут разговор о болезнях (в отличие от традиций русской культуры). Все названные, как и многие другие черты характера русских и американцев, детерминируют этнические стереотипы (а) вербального поведения.

Специфичным для коммуникативной культуры США является культурный концепт «political correctness» — американский вариант языкового и социального табуирования и эвфемизации, это результат эмоционального реагирования на отдельные вербальные знаки. Кочующим примером политкорректности долгие годы была замена слова *nigger* на слово *black*. Но к концу XX в. слово *black* стало коннотатировать оскорбительную эмоцию и потребовало замены на *Afro-American*, *Black American*.

Соответственно, бедных людей, согласно канонам политкорректности, в Америке нельзя называть бедными (*poor*), их называют *socially underprivileged*. Другие примеры: про умственно неполноценных там говорят «судьба бросила вызов их умственному развитию», про гомосексуалистов и лесбиянок — «лица альтернативной сексуальной ориентации», про очень толстых людей несколько лет назад в Америке говорили *big*, а сегодня политкорректность требует такой языковой упаковки этого смысла: «проблемы в горизонтальном измерении».

В российской культуре (и соответственно — в русском языке) политкорректность как исконно национальный культурный концепт отсутствует. Однако под влиянием прессингового процесса американизации русской культуры и языка, к сожалению, ведущего к их засорению чужеродными стереотипами мышления, в современном русском языке тоже появляются кальки-клише типа «альтернативная культура» или «сексуальные меньшинства».

Разумеется, данные наблюдения не распространяются на всех жителей США, но перечисленные здесь и многие другие черты довольно наглядно представлены в ее культуре и в языке. При таком разнообразии национальных и индивидуальных черт характера и эмоционального духа только этих народов вряд ли можно говорить о духовном единстве всего человечества. Вербализованные различия только некоторых культурных концептов США и России убедительно показывают, что культура и язык внутри этноса едины, а между этносами — нет (межнациональные культурные концепты, несомненно, имеются, но они пока не изучены).

Отсутствие в языковой компетенции речевых партнеров знаний об эмоциональных культурных концептах и их субкультурных маркерах неизбежно ведет к различным помехам в межъязыковом общении. Даже признание одного только этого феномена в межкультурной коммуникации уже не позволяет согласиться с тезисом о духовном единстве человечества.

Завершая данный раздел, отметим, что прав был Г. Гийом, полагая, что лингвистика более всех других наук продвигает человечество вперед в познании средств, с помощью которых нашему мышлению удастся яснее понять свои собственные действия [15: 17]. Единственным свидетельством этих достижений является язык, объект нашей уникальной науки, который вербализует свои и иноземные культурные концепты. В этом заключается одна из важнейших, глобальных функций языка, которая, к сожалению, не упоминается ни в одном из лингвистических справочников. Это гуманизаторская функция, с помощью которой язык участвует в постоянном прогрессе и возвышении человека через осмысление культурных концептов и включает их в национальные, межнациональные и индивидуальные фреймы и гештальты.

Язык — это не только лексика, фонетика и грамматика, это и система представлений своих и чужих культурных концептов и их эмоциональное осмысление и переживание. Великий Гумбольдт утверждал, что разные языки — это разные видения мира. Стоит только к этому добавить — и разные лингвокультурные концепты, сквозь призму которых язык упаковывает эти видения. А может быть, и наоборот: эти разные видения, обусловленные языковыми различиями, формируют различные лингвокультурные концепты?

3.4.2. Влияние американизмов на историческую судьбу России и ее лингвокультуру эмоций

Американизмы и их дериваты, входящие в пласт инноваций русского языка современного периода, активно используются не только в СМИ, но и в устном общении. Этот факт говорит об их высоком функциональном статусе. Уже одно это оправдывает повышенный интерес лингвистов к роли американизмов в русском языковом обществе и его национальном сознании.

Анализ особенностей их фонетического, семантического и грамматического освоения и их влияния на русский язык как определенного этапа в его развитии является актуальнейшей проблемой межкультурной коммуникации и её лингвистических и экстралингвистических последствий.

Анализ функционирования американизмов на лингвокультурном пространстве русского языка показывает, что они не оказывают влияния на его систему, а подчиняются этой системе и в фонетическом, и в словообразовательном, и в грамматическом, и в стилистическом аспектах. А подчинившись, американизмы под влиянием системных факторов русского языка изменяются сами и семантически, и стилистически, и грамматически. В итоге меняются и контексты их употребления и в большинстве случаев русифицированные американизмы перестают полностью совпадать со своими прототипами. Этим самым подтверждается мнение А. Мартине о том, что «В сущности, знаки любого языка образуют структуру *sui generis*, другими словами, они противопоставлены друг другу таким образом, что точных семантических соответствий между двумя различными языками обнаружить не удаётся».

Как видно из имеющихся в нашем распоряжении материалов, это мнение справедливо и по отношению к одним и тем же словам в языке-источнике и языке-рецепторе. Этот факт — мощный аргумент в пользу силы системы русского языка, принимающей американизмы в избытке, но подчиняющей их своим нормам и законам функционирования. Великий русский язык не позволяет пристегнуть себя к американскому новоязу (*new speak*). Он его русифицирует, и с этих позиций американизация русского языка — это всего лишь временный исторический этап в его деривации.

Обилие американизмов в лексиконе современного русского языка является фактом, который лингвисты должны признать не как порчу русского языка и национального культурного сознания, не как лингвистическую диверсию и не как лингвизид, а как естественный результат открытости русской лингвокультуры межкультурному взаимодействию, в том числе и эмоциональному.

Замечено, что под влиянием американизмов происходит некоторое изменение у русских элитарных языковых личностей. Так, в речи журналистов и ТВ-комментаторов исчезает такая особенность русского языка, как отчество, появляется не свойственная русскому языку восходящая интонация в конце повествовательных предложений и др. Но как бы ни велико было количество таких транскалаций, их употребление изначально ограничено разбиением по социально-профессиональным сферам: политики, экономисты, компьютерщики и другие группы составляют далеко не все русское языковое общество.

Другими словами, билингвизма в таких случаях не наблюдается, а дальнейшее влияние американизмов на ход языкового изменения определяется не потребностями русского языка, а совокупностью неструктурных факторов: например, незначительной длительностью американо-русского контакта, относительно малым количеством говорящих на взаимодействующих языках. Поэтому рассматриваемые транскалации идут, в основном, в ограниченном групповом, а чаще в разрозненно индивидуальном копировании американизмов, что уже отмечалось в отечественной лингвистической литературе.

Та лёгкость, с которой некоторые американизмы проникают в функциональную систему русского языка, объясняется социолингвистической ситуацией в России: экономический, политический, духовный кризис не позволяет русскому языковому обществу целенаправленно заниматься языковым строительством. Эта стройка, как и все другие в сегодняшней России, заброшена: оградительные (правовые, моральные, эстетические) «шлюзы» опущены, «очистительные сооружения» разрушены, никто языковые вкусы, русскоговорящих, особенно в эмоциональной коммуникации, в данный период не формирует.

Напомним, что на русский язык уже было несколько нашествий немецкого и французского языков, следы которых находим лишь в художественной литературе и в мизерном количестве в словарном фонде русского языка. Русский язык выстоял в прошлые исторические эпохи и, без сомнения, выстоит и сейчас: он останется самим собой, слегка вобрав в себя лишь некоторые инновации, необходимые для его функционирования. Напомним, что в любом современном языке можно обнаружить следы ксеноязычного влияния. Этот общеизвестный факт позволил лингвистам (например, Г. Шухардту) говорить о смешанном характере всех языков мира.

Рассмотрим некоторые случаи попыток американизировать русский язык, его словарь и его семантику, а также культуру. Попробуем ответить на вопрос, влияют ли американизмы на историческую судьбу русского языка и русскоговорящего народа. Заметим, что многие лингвисты довольно агрессивно настаивают на порче русского языка американизмами.

Анализ многочисленных «вливаний» американизмов в словарный и грамматический фонд русского языка позволяет не согласиться с такими лингвистами и прийти к выводу о том, что американизмы, с одной стороны, интеллектуализируют современный русский язык, с другой стороны, расширяют его словообразовательные и словопреобразовательные потенции, а с третьей стороны, подчиняются его нормам и входят в его систему или выпадают из нее в процессе различных дискурсивных практик.

Приведем некоторые примеры таких коммуникативных практик. Так, например, ряд гибридных (американо-русских) дериватов представляет собой результат языковой игры коммуникантов (или их игры с языком): случай первый: к американскому слову *dead* — омофону русского слова *ded* (grandfather) добавляется русский диминутивный суффикс *-ушк*: **Deadyшка** (-и). Получается двусмысленный дериват каламбур: «дедушки», «мертвые ушки». Именно таков эмоциональный эффект от названия питерской поп-группы «Deadyшки», производимый на русскоязычное население, которое знакомо с английским словом *dead* (мертвый) — метаязыковой омофон слова *ded*: «*Влить старое вино в старые мехи взялись музыканты из питерского дуэта «Deadyшки» (то ли «дедушки», то ли «мертвые ушки») Виктор Сологуб и Алексей Рахов. Смешно, но они вовсе не похожи на молодых техновивсекторов»* (Известия. 27 нояб. 1998 г.).

Другой моделью гибридной деривации является иная игровая модель: русское слово + американизм = шутовское название поп-группы: «*Иванушки-International*»; «*Балаган-Limited*»: «*Здесь волгоградские девицы, обливаясь слезами, испещрили целый бетонный забор признаниями в любви к трагически погибшему солисту группы «Иванушки-International» Игорю Сорину»* (КП. № 179. 1998. 25 сент.).

По той же модели родились гибриды *Строй-маркет Диамант* (название магазина по продаже стройматериалов), *Урал-Грейт* — (название футбольной команды) и многие другие игровые дериваты малого синтаксиса типа: *фейсом об тейбл* (to strike the face upon the table), *а брэд ов сив кейбл* (брэд сивой кобылы = trash), *ху есть кто* и *кто есть ху* и т. п.

К моделям языковой игры относятся и шутивно-иронические гибриды-окказионализмы типа *кукишинг* (от *кукиш* (fig) + американский суффикс *-инг* (ing) как синоним к американизму *селинг* («Русский дом Селенга» — фирма, обокравшая более 30 млн граждан России)).

По этой же модели, но уже без игровой интенции и прагматики родились недавно такие дериваты: *пиджин-рашен*, *Рекрутинг-Сервис* (Волгоградский областной кадровый центр), *бэк-вокалист(-ка)*, *кинохит*, *киноман*, *Бритиши-ГЭС* (название совместной англо-русской компании): «*Ему тихо подыгрывала его группа, а бэк-вокалистка дочь Катя трогательно подпевала»* (КП. № 233. 1998. 11—18 дек.); «*В Актюбинской области*

может появиться свой газоперерабатывающий завод: 4 млрд долларов в его строительство готовы вложить английская компания «**Бритиш ГЭС**» и итальянская — «**Адживи**»» (Известия № 240. 1998. 24 дек.); «... предполагалось, что после **кинохита** “Сирота Казанская” произойдет плавный переход к спецпроекту» (Там же. № 241. 1998. 25 дек.); «Сто рублей за билетик в кино... не слишком привлекательная приманка даже для **киноманов**» (Там же. № 35. 1999. 29 февр.).

Присутствует элемент языковой игры (с целью экспрессивизации) в гибридном малом синтаксисе типа: *билет в **синема**, **Мампетс** сегодня вечером* (ТВ программа. 16—22 ноября 1998), *ТВ шоп* (Там же), *Американ **чарт** шоу в России* (Там же), *Все будет **тип-топ!**, евроремонт, евроденьги, грамотный **маркетинг**, промоуторская компания, **диджейская** поддержка*.

К языковой игре (игре с языком) относится и многочисленный молодежный сленг, который представляет собой особый тип адаптации американизмов в русском лексико-семантическом пространстве. Этот вариант можно было бы назвать «пиджин-рашен»: *сенька* (спасибо) от thank you; *пренты* (по аналогии с *менты*, *кенты*, *кранты*), *пэренты* от (родители) parents; *бездник/безник* (день рождения) от birthday; *герла-герлица*, *герлы* от girl; *на стрите* (на улице) от street; *вайтовый* (белый) от white; *лукнуть* (взглянуть) от look; *дискат* (дискотека) от discoteke; *рингофон* (телефон) от ring; *шузсы*, *бутсы* (ботинки) от shoose, boots; *хайр* (волосы) от hair; *файфы* (деньги) от five; *гринсы* (деньги) от greens (Береговская).

К этому же типу игры американизмами можно отнести и такие перлы, как перевод А.С.Пушкина пиджин-рашен: «*Как бы я была **кингицей** — / молвит **ферстая герлица**...*».

Появившись в таком гротескном облике, заимствованный сленгизм сразу активно вступает в систему словоизменения. Активно включается и механизм деривации: *герла*, *герленьш*, *герлица*, *герлуха*, *герлушка*, *герловы*; *дринк/дринч* (спиртные напитки), *дринкач*, *дринк-команда*, *дринчать*, *дринкать*, *выдринкать*, *задринчить*, *удринчатся*, *надринчатся*, *дринкованный*, *надринкованный*, *надринчанный*, *дринканутый*; *креза*, *крези-хаус*, *крезовник*, *крезушник*, *крейзуха* (психбольница), *крезанутый*, *крезовый* (ненормальный, экстраординарный); *кантри* (дача), *кантровский* (деревенский, провинциальный), *кантрушник*, *кантрушница* и мн. др.

Интересно отметить, что некоторые иноязычные слова, давно ассимилированные в русском языке, как бы заново заимствуются в другом значении, от которого производятся сленговые дериваты: *рекордовый* (пластиночный), *митинг* (встреча) — *смитингнуться* (встретиться), *рингофон*, *ринг* (телефон) — *рингануть* (позвонить по телефону), *рингушник* (записная

книжка с номерами телефонов), *спич* (разговор) — *спичить*, *спикать* (разговаривать).

Аффиксация молодежного сленга обходится самыми стандартными суффиксами и префиксами. Например, большинство прилагательных, происходящих от английских корней, образованы с ударным суффиксом *-ов-*: *брендовый* (совершенно новый), *олдовый* (старый), *янговый* (молодой), *лонговый* (длинный), *френдовый* (принадлежащий другу), *прайсовый* (денежный), *лэфтовый* (левый), *еловый* (желтый), *хитовый* (популярный), *файновый* (хороший), *френчовый* (французский).

Русский молодежный сленг — это не просто способ творческого экспрессивного самовыражения, но и инструмент двойного отстранения и нонконформизма. Если людическая функция, как показал И. Хейзинга в своей Homo Ludens, свойственна человеку вообще, то молодому человеку она свойственна тем более. Игровой (экспрессивизирующий) принцип реализуется в массивированной, гипертрофированной американизированности «системного» сленга, которая служит как бы коллективной маской-шоу как приемом карнавализации.

Как правило, американо-русские гибриды являются номинантами новых для русской лингвокультуры понятий: *русский саммит*, *поп-звезда*, *техновивисектор*, *петербуржер* и мн. др. (около 30): «*Смешно, но они вовсе не похожи на молодых **техновивисекторов** — степенные мужчины, коллеги БГ (Бориса Гребенщикова. — В.Ш.) по тому же **рок-клубу**» (Известия. № 223. 1998. 27 нояб.); «*Типично энтэвэзнийный дух воссоздается двумя площадками, между которыми кочуют **поп-звезды**» (Там же. № 241. 1998. 25 дек.); «*Встреча Щаранского и Либермана давно назрела. И тут же началась подготовка **“русского саммита”**» (Там же. 1999. 27 марта).***

К новым контекстуальным понятиям, получающим русскую номинацию по модели американизма, относятся такие, например, понятия как *говорящие головы* (talking heads), *язык тела* (body language), *оральный секс* (oral sex), *безопасный секс* (safe sex), *телевизионный (часовой) прайм-тайм* (prime time) и др. Например: «...она не рассчитывала получить от этого какой-либо профит и считала, что **оральный секс** — это не секс» (о Монике Левински. — В.Ш.) (Известия. 1999. 2 марта); «*Беседы стали проклятием голубого экрана: **говорящие головы** заполнили все каналы и оприходовали всех сколько-нибудь заметных людей» (Там же. № 213. 1998. 13 нояб.).*

Весь рассмотренный выше материал указывает на то, что американизмы адаптируются к системе русского языка, под ее «прессингом», а не меняют. Учитывая высокомерие, неискренность, самолюбование как доминантные национальные черты Америки — страны, язык которой экспансивно ведет себя по отношению ко всем другим языкам, с удовлетворе-

нием можно констатировать очевидный факт подчинения американизмов нормам русского языка. И хотя СМИ сознательно навязывают американизмы глазам и ушам россиян, но их сознание мгновенно-синхронно переводит эти варваризмы на русские параллели, где это возможно.

Инородные понятия, принесенные американизмами в русскую культуру, типа: *снежокат, серфинг, селенг, Хеллоуин, День Валентина, Европа-Плюс, видеоклип, триллер, органайзер, промоутер, имиджмейкер, профит, бестселлер, мидл, хит, хакер, провайдер* и некоторые другие никакого американизирующего влияния на русский менталитет и народный дух не оказывают и русский язык не портят и не разрушают.

* * *

Проблема вербализации эмоций человека как *Homo sapiens* является сегодня тем исследовательским фокусом, в котором перекрещивается ряд парадигм современной лингвистики: коммуникативная, когнитивная, текстовая, прагматическая, культурологическая, категоризационная и др. Эта полипарадигмальность эмотиологии (лингвистики эмоций) является логическим развитием психологически ориентированной лингвистики, которая давно установила и объявила, что эмоции пронизывают всю ментальную, вербальную и авербальную деятельность человека (включая *body language*), что в языке все движимо эмоциями. Теперь это не тезис и не гипотеза, это аксиома.

Остававшееся долгое время авторитетным мнение Э.Сепира о том, что эмоции не представляют никакого интереса для лингвистики (поскольку они не являются составляющими семантики слова и потому не присущи самому слову) и что лингвисты отказываются «терпеть» эмоции в своих исследованиях, сегодня не соответствуют действительному состоянию науки о языке. Эмотиология активно развивается в мировой лингвистике: с 70—80-х гг. прошлого столетия написаны сотни монографий, тысячи диссертаций и статей об эмотивности языка, о роли эмоций в языковом поведении человека, об эмоциональной языковой личности *Homo sentience*, об эмоциональных концептах и др.

Анализ огромного количества работ, посвященных этим проблемам, позволяет обозначить широкое поле метаязыка этих исследований: *эмоциональный след / опыт / интеллект / дейксис; эмоциональная память / компетенция / компетентность / концептосфера / вербалика / авербалика / категориальная (типичная) ситуация / категоризация / личность / грамотность / культура / коммуникация / манипуляция / гендерная специфика / стилистика: тональность / картина мира; эмоциональное сознание / мышление / решение (выбор) / фактор; рационализация эмоций* и др.

Уже не оспаривается тот факт, что эмоции являются мотивационной основой сознания и языкового поведения. Фактически *Homo loquens* является *Homo sentience*, т. к. люди в своем общении друг с другом не могут обойтись без эмоций. Коммуникативный успех, счастье, радость возможны только при условии адекватного общения людей. Именно этим объясняется тот факт, что в многочисленных научных исследованиях специально или попутно затрагиваются вопросы теории и семиотики эмоций, их концептуализации и вербализации.

Ключом к изучению человеческих эмоций является сам язык, который номинирует эмоции, выражает их, описывает, имитирует, симулирует, категоризирует, классифицирует, структурирует, комментирует, изобретает искренние и неискренние средства для их экспликации / импликации, для манифестации и сокрытия, предлагает средства для языкового манипулирования и моделирования соответствующих эмоций. Именно язык формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры.

Вне зависимости от различий глобальная категория эмотивности представлена во всех языках на всех уровнях их системы и предстает в фонетическом, лексическом, фразеологическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, стилистическом, сверхфразовом, текстовом, гипер-, мега-, межтекстовом статусах. Психолингвисты давно уже утверждают, что весь язык эмотивен и что не существует эмотивно нейтральной лексики. Следовательно, и все высказывания человека эмотивно маркированы (эксплицитно или имплицитно) в соответствующей ситуации общения/сообщения степенью градации силы и яркости чувственности говорящего и эмотивности его вербем. Именно интегральность этой категории уверенно доказывает существование эмотивного кода у языка.

Естественно, что когниция и эмоция идут рука об руку, рядом друг с другом: эмоция мотивирует когницию, когниция облегчается эмоциями; эмоции не только порождаются особыми ситуациями, но и сами порождают определенные ситуации. Они неотрывны от языка, их можно и нужно изучать с помощью языка, и именно язык является и объектом и инструментом изучения эмоций.

Уже известно, что коммуникант, обладающий эмоциональной/эмотивной компетенцией, может адекватно распознавать вербалику/авербалику эмоций своего речевого партнера в естественной и художественной коммуникации; может адекватно выражать и описывать свои эмоциональные чувствования; может вербально манипулировать своими и чужими эмоциями. Вот почему так важна современная лингводидактика, которая способна разработать методику, научающую управлять своими и чужими вербальными эмоциями, способствовать адекватному резонированию настроения речевых партнеров.

Сегодня известны базовые (универсальные) эмоции, которые легко обнаруживаются в лексике и семантизируются эмоционально даже вне контекста, т.к. они эмоциональны уже в словарном состоянии семантики. Такая лексика уже определена в теории как эмотивная, а в семиотике — как кодированно-эмотивная. Семиотика эмоций сегодня уже определена в качестве фундаментальной области исследований в лингвистике и смежных областях знания.

Эмоция всегда вызывается специфичной и абстрактной ситуацией, которую мы называем типовой (категориальной) ситуацией. Существует логика отношений между типовой ситуацией и эмоцией, и это соотношение делает такую ситуацию категориальной. Например, несправедливость вызывает гнев, предательство может вызвать ярость и т.д. Каждый это знает и может ожидать в качестве последствия проявление соответствующей эмоции. Все категориальные эмоциональные ситуации градуированы, и знание теории эмоций позволяет говорящему моделировать топы своей вербалики, снижать или усиливать силу эмоции, предвидя и предвосхищая эмоциональную реакцию партнера.

Окончательный вывод о выражаемой эмоции можно сделать только в конкретной ситуации, поэтому можно утверждать, что все эмоции дискурсивны и с этой точки зрения говорить о дискурсивном эмоциональном мышлении. Только единство семиотики, коммуникации и этики эмоций (трех систем) и их реализация в конкретной категориальной эмоциональной ситуации позволяют коммуникантам однозначно интерпретировать переживаемую и выражаемую эмоцию.

Правы те авторы, которые считают, что язык служит прежде всего для передачи актуальной информации, для рациональной обработки полученных знаний и для их межпоколенной трансляции. Но все эти процессы не могут не сопровождаться чувствованиями, переживаниями, желаниями, и потому не могут не учитываться лингвистикой. Современная лингвистика уже не может согласиться с мнением, согласно которому эмоции, язык и тело являются неизменными формами демонстрации всего лишь инстинктов, присущих животным, поэтому они не могут быть рассмотрены как культурный концепт языка. Вопреки этой точке зрения сегодня успешно разрабатываются проблемы эмоциональной концептосферы, культуры, толерантности, эмоционального поведения, эмоциональной/эмотивной лакуарности во внутри- и межкультурной коммуникации.

Эмоции пронизывают всю коммуникативную деятельность человека с момента его рождения до ухода из жизни: эмотивность языка охватывает пространство от первого неосознаваемого крика ребенка до разных видов сознательного использования эмоций в речи взрослого человека, она касается выражения эмоций, их описания и обозначения в языке. Нормы

выражения эмоций тоже нестабильны от культуры к культуре, от эпохи к эпохе внутри одной культуры, от одного социального класса к другому. Со временем они предписывают использование различных средств (vocal/nonvocal, verbal/nonverbal) и способов выражения эмоций. Сегодня широкое использование эмоций объясняется общим, глобальным эмоциональным раскрепощением человека, который перестал бояться открыто проявлять свои эмоции в обществе. Теперь уже является общепризнанным такой вид коммуникации, как эмоциональная коммуникация, и такие речевые акты, как эмотивные.

Художественная литература является депозитарием эмоций: она описывает эмоциональные категориальные ситуации, вербальное и авербальное эмоциональное поведение человека, способы, средства и пути коммуникации эмоций, в ней запечатлен эмоциональный видовой и индивидуальный опыт человека, способы его эмоционального рефлексирования. В этом плане вся художественная литература является бесценным учебником по воспитанию культуры эмоционального общения *Homo sentiencie*. Результатом такого обучения является совершенствование эмоциональной/эмотивной компетенции, воспитание эмоциональной толерантности в межличностном, групповом и межкультурном общении, а также адекватное следование социализированным ритуалам эмоционального общения.

Лингвокультурология уже сформировала понимание структуры и содержания коммуникативной компетенции и признала, что ее неотъемлемой частью является культурно-языковой код, знание которого включает в себя эмоциональную компетенцию говорящего. В реальной и художественной межкультурной коммуникации отсутствие эмоциональной компетенции у речевых партнеров (или у одного из них) неизбежно ведет к эмоциональному неуспеху (помехе или провалу).

Под эмоциональной компетентностью понимается способность *Homo sentiens* действовать в соответствии с внутренней средой своих чувств и желаний. Под эмоциональным интеллектом — способность распознавать свои собственные эмоции, владеть ими, адекватно их манифестировать и понимать эмоции других людей, в том числе и людей, принадлежащих к иным культурам, и людей иной гендерной принадлежности. Под эмоциональным дейксисом языковой личности предлагается понимать ее личностно ориентированную, доминантную эмоцию. Такая эмоция языковой личности является точкой отсчета всех ее вербальных и поведенческих поступков. Находится такая точка отсчета внутри эмоционального космоса языковой личности в системе и структуре ее личностных координат, знаний, ценностей и т.п. (т.е. входит в ее личностную, как добавка к видовой, эмоциональную компетенцию и в ее интеллект). Эта точка отсчета форми-

рует эмоциональную позицию говорящего, т.е. его аутодейксис, влияющий на эмоциональную картину мира языковой личности.

Исследование разноцветной палитры вариантов универсальных эмоций в разных национальных культурах позволяет нам говорить о возможности изучения и картирования эмотиологии конкретной лингвокультуры. Можно с уверенностью сказать, что это будет одной из проблем футурологической лингвистики, и отдельные тенденции в современной коммуникативистике уже сейчас подтверждают этот прогноз.

Предложенное нами единство трех основополагающих категорий (семиотики, коммуникации и этики эмоций), возможно, не являясь исчерпывающим, позволяет тем не менее описывать, объяснять и интерпретировать эмоции посредством лингвистических единиц, исследовать механизмы реализации эмоций в категориальных коммуникативных ситуациях. Содержание книги показывает, что названные категории составляют суть лингвистической теории эмотивности, что с их помощью возможно «укрощение» такого тонкого, динамичного и непостоянного явления, как эмоции, что эмотивному языку можно обучать и нужно формировать эмоциональную коммуникативную этику речевых партнеров.

В основу данной теории положена предложенная нами в 1987 г., а позднее уточненная и расширенная концепция, которая, как показало время, оказалась верной. Она подтверждена в многочисленных трудах отечественных ученых, в том числе — ученых волгоградской лингвистической школы эмоций.

Лингвистика эмоций находится на стадии развития. В этой сфере еще много неопределенного: расплывчатые категории, полиморфные понятия и неопределенные маркеры. До сих пор не вполне точно определено понятие поля аффективности, а следовательно, и понятие аффектива. Отмечается фантастическое разнообразие средств, которыми обладает эмоциональная речь, что позволяет говорить о полистатусном характере категории эмотивности языка. Нет строгого разграничения между *ratio* и *emotio*.

Любое предложение вызывает у нас определенные эмоции, а это значит, что эмоции проникают во все уровни системы языка, однако пока невозможно установить точного соответствия между эмотивными высказываниями и их интерпретациями, однозначно дифференцировать эмотивный и эмотивный тексты. Одной из проблем коммуникации эмоций, до сих пор не получавшей должного внимания ни в лингвистике, ни в филологической герменевтике, является проблема эмоционального понимания и понимание эмоционального. До сих пор недостаточно изучено соотношение между когнитивным, психологическим и лингвистическим уровнями эмоциональности говорящего. Известно, что взволнованная речь не обязательно волнует, и наоборот, неземональная речь может сильно вол-

новать слушателя; что выраженные и реально переживаемые эмоции не всегда совпадают. Некоторые способы аргументации также являются знаками выражаемой эмоции, т. е. можно говорить об эмоциональном типе аргументации или об эмоциях как форме/способе аргументации. Это тоже часть лингвистики и семиотики эмоций, требующая самостоятельного исследования на материале разных языков.

И это далеко не все, что еще предстоит исследовать ученым в области эмотивной лингвистики. Сегодня все большее количество теоретиков языка, обращаясь к проблемам эмоциональной коммуникации, сходятся в едином мнении о том, что эмоции ставят перед лингвистикой важные проблемы и своим «скользким» характером бросают ей серьезный вызов.

Преломление теоретических основ лингвистической теории эмоций в практике дискурсивного поведения коммуникантов показывает, что сочетание семиотики, коммуникации и этики эмоций дает положительный эффект социального и межличностного взаимодействия. Этичная эмоция никого не уничтожает, она способствует объединению соотечественников, сглаживанию межпоколенных различий в мышлении, сознании, поведении; она препятствует «унижению языком» — явлению, характерному для современного информационного пространства; делает результативными межкультурное общение и обучающую коммуникацию.

Раздел 4. ОТРАЖЕНИЕ ЛИНГВИСТИКИ ЭМОЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В практической части пособия приводится текст рассказа С. Барстоу «Ярость» в двух вариантах (в оригинале и переводе на русский язык). Он представляет собой иллюстрацию всех основных теоретических положений лингвистики эмоций. Он является депозитарием более 50 положительных и отрицательных эмоций, представленных в различных категоризациях:

1. По способам манифестации эмоций: языковой, теловой, паралингвистической; номинация, экспрессия, дискрипция, эвокация, сокрытие, имитация, симуляция; прямой/косвенный, эксплицитные/ имплицитные.
2. По средствам манифестации эмоций: лексические (аффективы, коннотативы, потенциативы), фразеологические; синтаксические; текстовые; стилистические; графические.

В тексте иллюстрируются варианты категориальной эмоциональной макроситуации конфликта. В нем показаны формирование эмоциональной доминанты текста через динамику манифестируемых персонажами эмоций и способы манипулирования персонажей друг другом с помощью эмоций, подтверждается теоретическое положение о кластерности выражаемых эмоций (эмоции никогда не выражаются в единственном числе, они всегда сопровождаются группой эмоций). Текст демонстрирует гендерную специфику эмоций и их экспрессию. Он также иллюстрирует понятие эмотивной плотности текста и семантическое различие эмотивов, создающих эту плотность: аффективную, коннотативную, а также способы наведения эмотивных сем на нейтральное ключевое слово *кролики* и на другое ключевое слово *страстная* (женщина), эмотивный потенциал которого расширяется на протяжении текста за счет индуцирования в нем дополнительных уточняющих эмосем из категориальных эмоциональных микроситуаций всего текста.

Данный текст наглядно называет все источники, способы и средства теловой экспликации эмоций обоих персонажей.

К тексту прилагаются списки эмоций по зонам: положительная/отрицательная и кластеры эмоций. Они даны в английском и русском вариантах. Приводятся также поэтапные задания студентам, выполняемые по ходу контент-анализа данного эмотивного текста, и темы эссе, которые студенты в качестве зачетного материала должны представить в устной и письменной форме. В зачетное задание входит также завершение рассказа с собственной концепцией выхода из конфликтной ситуации.

4.1. Text for analysis «The Fury» by Stan Barstow

(Moscow News. 2001. №3—4)

There were times when Mrs. Fletcher was sure her husband thought more of his rabbits than anything else in the world: more than meat and drink, more than tobacco and comfort, more than her — or the other woman. And this was one of those times, this Saturday morning as she looked out from the kitchen where she was preparing the dinner to where she could see Fletcher working absorbedly, cleaning out the hutches¹, feeding the animals, and grooming his two favourite Angoras for the afternoon's show in Cressley.

She was a passionate woman who clung single-mindedly to what was hers, and was prepared to defend her rights with vigour. While courting Fletcher she had drawn blood on an erstwhile rival who had threatened to reassert her claims. Since then she had had worse things to contend with. Always, it seemed to her, there was something between her and her rightful possession of Fletcher.

At the moment² it was the rabbits. The big shed had been full of hutches at one time, but now Fletcher concentrated his attention on a handful of animals in which he had a steady faith. But there were still too many for Mrs. Fletcher, who resented sharing him with anything or anybody, and the sight of his absorption now stirred feelings which brought unnecessary force to bear on the sharp knife with which she sliced potatoes³ for the pan⁴.

'Got a special class for Angoras today, Fletcher said later, at the table. He was in a hurry to be off and he shoveled loaded spoons of jam sponge pudding into his mouth between the short sentenced. 'Might do summat⁵ for a change. Time I had a bit o' luck.' He was washed and clean now, his square, ruddily handsome face close-shaven, the railway porter's uniform discarded for his best gray worsted. The carrying-case with the rabbits in it stood by the door.

Mrs. Fletcher gave no sign of interest. She said, 'D'you think you'll be back in time for t' pictures?'

Fletcher gulped water. He had a way of drinking which showed his fine teeth. 'Should be,¹ he answered between swallows. 'Anyway, if you're so keen to go why don't you fix up with Mrs. Sykes?'

'I should be able to go out with you, Saturday nights,' Mrs. Fletcher said. 'Mrs. Sykes has a husband of her own to keep her company.'

'Fat lot⁶ o' company he is Saturday night,' Fletcher said dryly. 'Or Sunday, for that matter anyway, I'll try me best. Can't say fairer than that, can I?'

'Not as long as you get back in time.'

Fletcher pushed back his chair and stood up. 'I don't see why not. It shouldn't be a long job today. It isn't a big show. I should be back by half-past seven at latest⁷.'

'Well, just see 'at you are⁸, she said.

She stood by the window and watched him go down the road in the pale sunshine, carrying-case, slung from one shoulder, prevented from jogging by a careful hand. He cut a handsome, well-set-up figure⁹ when he was dressed up, she thought. Often too handsome, too well-set-up for her peace of mind.

By half-past seven she was washed, dressed, and lightly made-up ready for the evening out. But Fletcher had not returned. And when the clock on the mantelshelf chimed eight there was still no sign of him. It was after ten when he came. She was sitting by the fire, the wireless¹⁰ blaring unheard, her knitting needles flashing with silent fury.

'What time d'you call this?' she said, giving him no chance to speak. 'Saturday night an' me sittin¹¹ here like a doo-lal¹¹ while you gallivant up an' down as you please.'

He was obviously uneasy, expecting trouble. 'I'm sorry,' he said. 'I meant to get back. I thought I should, but there were more there than I expected. It took a long time ' He avoided her eyes as he went into the passage to hand up his

overcoat. 'Didn't win owt¹², either,' he muttered, half to himself. 'Not a blinkin' sausage¹³.'

'You knew I specially wanted to see that picture, didn't you?' Mrs. Fletcher said, her voice rising. 'I've been telling you all week, but that makes no difference, does it? What does your wife matter once you get off with your blasted rabbits, eh?'

As though he had not heard her Fletcher opened the case and lifted out one of the rabbits and held it to him, stroking the long soft fur. 'You just wasn't good enough¹⁴, was you, eh?' The rabbit blinked its pink eyes in the bright electric light. 'Nivver¹⁵ mind: you're a beauty all t'same.'

His ignoring of her maddened Mrs. Fletcher almost more than she could bear. 'I'm talking to you!' she stormed.

'I heard you; an'I said I'm sorry. What more do you want?'

'Oh, you're sorry, and that's the end of it, I suppose. That's all my Saturday night's worth, is it?'

'I couldn't help it,' Fletcher said. 'I said I couldn't help it.' He put the rabbit back in the case and sat down to unlace his shoes. She watched him, eyes glittering, mouth a thin trap of temper.

'Aye, you said so. You said you'd be home at half-past seven an' all, and we've seen what that was worth. How do I know what you've been up to¹⁶ while I've been sitting here by myself?'

He looked quickly up at her, his usual fall colour deepening and spreading. 'What're you gettin' at now?'

«You know what I'm getting at.' Her head nodded grimly.

Fletcher threw down his shows. 'I told you,' he said with throaty anger, «at that's all over. It's been finished with a long time. Why can't you let it rest, 'stead o'keep harping on about it?'

He stood up, and taking the carrying-case, walked out in his slippers to the shed, leaving her to talk to the empty room. He always got away from her like that. She grabbed the poker and stabbed savagely at the fire.

On Sunday morning she was shaking a mat¹⁷ in the yard when her next-door neighbour spoke to her over the fence.

'Did you get to the Palace¹⁸ this week, then, Mrs. Fletcher?' Mrs. Sykes asked her. 'Oh, but you did miss a treat. All about the early Christians and the cloak 'at Jesus wore on the Cross. Lovely, it was, and ever so sad.'

'I wanted to see it,' Mrs. Fletcher said, 'but Jim didn't get back from Cressley till late. His rabbits y'know.' She felt a strong desire to abuse him in her talk, but pride held her tongue. It was bad enough his being as he was without the shame of everyone knowing it.

'Oh, aye, they had a show, didn't they?' Mrs. Sykes said. 'Aye, I saw him in the bus station afterwards. He was talking to a woman I took to be your sister.'

Mrs. Fletcher shot the other woman a look. What was she up to? She knew very well that her sister had lived down south these last twelve months. Her cheeks flamed suddenly and she turned her back on her neighbour and went into the house.

Fletcher was lounging¹⁹ unshaven and in shirt sleeves²⁰, his feet propped up on the fireplace, reading the Sunday papers. She went for him as soon as she had put the thickness of the door between them and Mrs. Sykes, who still lingered in the yard.

'You must think I'm stupid!'

'Eh?' Fletcher said, looking up. 'What's up²¹ now?'

'What's up? What's up? How can you Find the face to²² sit there with your feet up and ask me that? You must think I'm daft²³ altogether; but it's you 'at's daft, if you did but know it. Did you think you could get away with it? Did you really think so? You might ha' known somebody 'ud see you. And you had to do it in the bus station at that — a public place!'

'I don't know what you're talking about, Fletcher said, but his eyes gave him away.

'You'll brazen it out to the very end, won't you?' she said. 'You liar you. «Oh, I've made a mistake,» he says. 'I will never see her again', he says. And what do you do but go running back to her the minute you think you can get away with it!»

Fletcher got up, throwing the newspaper to one side. 'I tell you I don't — 'Then he stopped, the bluster²⁴ draining out of him. All right, he said quietly. 'If you'll calm down a minute I'll tell you.'

'You'll tell me!' Mrs. Fletcher said. 'You'll tell me nothing any more. It's all lies, lies, lies every time you open your mouth. Well, I've finished. Bad enough your rabbits, but I draw the line²⁵ at fancy women. You promised me faithful²⁶ you wouldn't see her again. You said it sitting in that very chair. And what was it worth, eh? Now a row o' buttons²⁷. What d'you think I feel like when me own neighbours tell me they've seen you carryin' on?'

'If you wouldn't listen so much to what t' neighbours say an take notice o' what I have to tell you—' Fletcher began.

'I've done listening to you,' she said. 'Now I'm having my say.'

'Well, you'll say it to yourself, and t'rest o't 'street mebbe, but not to me.' He strode, across the room and dragged down his coat. 'I'll go somewhere where I can talk to somebody 'at's not next door to a ravin' lunatic²⁸.'

'And stop there when you get there,' she told him. 'Go to her. Tell her I sent you. Tell her I've had enough of you. See if she'll sit at home while you traipse about countryside with a boxful o' mucky vermin²⁹.'

He was at the door, pulling on his coat.

'And take your things,' she said. 'Might as well make a clean sweep³⁰ while you're about it.'

'I'm goin' to our Tom's³¹, ' he said. Ti'll send for 'em tomorrow.'

'I'll have 'em ready,' she said.

When the door had closed behind him she stood for a moment, eyes glittering, nostrils dilated, her entire body stiff and quivering with rage. Then suddenly she plucked a vase from the mantelshelf and dashed it to pieces in the hearth. She clenched and unclenched her hands at her sides, her eyes seeking wildly as the fury roared impotently in her.

At half-past ten she was in the kitchen making her supper when she heard the front door open. She went through into the passage and her hands tightened involuntarily about the milk bottle she was holding as she saw Fletcher there.

'Well?' she said. 'Have you come for your things?' Her voice was tight and unnatural and Fletcher took it as a sign of her lingering anger.

He closed the door and stood sheepishly behind it, his eyes avoiding hers. «I just thought I'd come an' see if you'd calmed down,» he said.

'I thought we'd heard the last of that this morning?' Her eyes were fixed, bright and unmoving, on his face, and Fletcher caught them with his own for an instant and looked away again.

'We were both a bit worked up like,' he said. 'I know how it is when you get mad. You do an' say a lot o' things you don't really mean. Things you regret after.'

There was silence for a second before she said, the same tight, strained note in her voice, 'What things?'

'I mean like me walkin' out,' Fletcher said. 'All it needed was a bit o' quiet talkin' an' it wouldn't ha' come to that, it'd ha' been all right if only you'd listened to me.'

'I never expected you to come back,' she said, and moved almost trance-like, across the room to the fire, still watching him intently, almost disbelievingly, as though she had expected that with his slamming of the door this morning he would walk off the edge of the world, never to be seen again.

He came over to the hearth to stand beside her. He started to put his hand on her shoulder, but as she moved away slightly he dropped his arm again and looked past her into the fire.

'What I said before, I meant,' he said, speaking quietly, earnestly, with the awkwardness of a man not used to expressing the finer feelings. 'I could ha' told you about it last night; only I didn't see any point. It was all forgotten as far as I am concerned. Finished. But she was waiting for me when I came out o' the show. I told her I didn't want to see her again. There was never owt much between us anyway. But I couldn't get rid of her. She hung on like mad. An' when I looked at her, all painted an' powdered up, I found meself thinkin' what a great fool I'd been ever to risk losing all that mattered for brazen baggage³² like her. It took me a couple of hours to get rid of her. She got proper nasty

towards the end. Started shoutin' and swearin', right in the street. It was awful.' Fletcher sighed and shook his head and a shudder seemed to run through Mrs. Fletcher. 'I had to jump on a bus in the end and just leave her standing there. There was nowt else I could do-bar give her a clout or summat...'

As he finished talking something seemed to snap inside Mrs. Fletcher and she began to cry softly. He put his arm round her shoulders, tentatively at first, then, when she offered no resistance, with pressure, drawing her to him.

'Now, lass³³. Now then. Cryin' won't do any good. We've had our little bust-up, an' now it's all over an'done with.'

'Oh, why didn't I listen?' she sobbed. 'None of this would have happened then.'

He drew her down into an armchair and held her to him. 'Never mind now, lass, no harm done. Don't cry any more?' After a time, he said, 'I'll just nip out an' see to the rabbits, then we can get off up to bed».

She held him to her. «No, leave'em. Come to bed now».

He smiled quietly, indulgently. 'Still a bit jealous, eh? Well, I reckon they'll manage till morning.'

Later still, in the dark secret warmth of the bed, she clung to him again. 'Did you mean it?' she said. 'When you said you loved nobody but me?'

'I did,' he said.

'Say it, then,' she said, holding him hard.

'I love you, lass,' he said. 'Nobody but you. It'll be better in future. You'll see.'

She could have cried out then. Better in future! Oh, why hadn't she listened? Why, why, why? If only she had listened and heard him in time! For now this moment was all she had. There could be no future: nothing past the morning when he would go out and find the rabbits slaughtered in their hutches.

Commentary for the text

¹ hutches: a hutch is a small wooden cage for keeping small animals in, esp. rabbits; in AmE, however, the word means a piece of furniture used for storing and showing dishes known in Britain as a Welsh dresser and in Russia as *гопка* or *буфет*.

² At the moment: at this point in time, "now" in contrast to "at the time" — at the moment in the past when something happened, "then"; cf. also "at one time" lower down which means "formerly".

³ sliced potatoes: other "kitchen" verbs for cutting are "chop" ("cut food, such as a cabbage head or onions, and also wood into smaller pieces" — not a precision job like slicing), "dice" ("cut food, e.g. carrots, into small square pieces"), and "carve" ("cut a large piece of cooked meat into smaller pieces with a big knife").

⁴ the pan: a cooking pot, usu. with one long handle and a lid, that R. learners of E., inexplicably, always assume to mean the frying pan.

⁵ summat: dialectal for «something»; the story is set in Yorkshire, and the characters use the North Country accent and vocabulary.

⁶ Fat lot: a common coil, way of expressing the opposite of the literally stated (e.g., You're a fat tot of use, aren't you = you're worse than useless; What, John get a job? Fat chance of that! — extremely unlikely).

⁷ at latest, usu. "at the latest" (also "at the earliest"), though its companion phrase "at the most" can be used without the article.

⁸ see 'at you are: coll. for "see that you are."

⁹ He cut a handsome, well-set-up figure: a fairly literary phrase; "to cut a fine/strange, etc. figure" means to have an impressive, strange, etc. appearance.

¹⁰ wireless: the old-fashioned word for "radio."

¹¹ a doo-lal: apparently, a corruption of "doolalli" or "doolally," originally army slang for an unbalanced state of mind. Formerly, time-expired soldiers in India were, sent to Deolali, a town near Bombay, to await passage home. There were often long frustrated delays, when boredom and the climate may have led to some odd behavior. In full the phrase has the form "doolally tap" ("tap" is the E. Indian for "fever").

¹² Didn't win owt: "owt" is a dialectal word for «anything» common in Northern English.

¹³ Not a blinkin' sausage: "blinking" (also "bleeding" and "blooming") is a BrE informal intensifier, usu. suggesting annoyance, originally, a euphemistic substitute for "bloody"; the somewhat old-fashioned BrE phrase "not a sausage" means "nothing at all."

¹⁴ You wasn't good enough: the common ungrammaticality of using "was" with plural (pro)nouns and "weren't" with words in the singular ("we'was wrong," "he weren't too keen," etc.).

¹⁵ Nivver, dialectal pronunciation of "never."

¹⁶ what you've been up to: this coll. phrase normally implies that the activity is of a reprehensible nature ("That boy's been up to no good, I can tell from the look in his face").

¹⁷ a mat, smaller than a rug, which is in its turn smaller than a carpet; a mat is also the least "glamorous" of the three and serves not for decoration but for wiping feet on.

¹⁸ the Palace: in BrE, a large building for public amusement; quite a number of cinemas used to be called Picture Palaces.

¹⁹ lounging, sitting (or standing) in a lazy way.

²⁰ in shirt sleeves: wearing a shirt but no jacket; figuratively, (done) in an informal and direct way, e.g., "shirt-sleeve diplomacy" — a practice popularized by Yeltsin as "meetings without the tie."

²¹ what's up: informal phrase used to ask what is wrong; often followed by "with" ("What's up with Tom? He hasn't spoken all morning").

²² How can you find the face to: normally, "have (got) with the face/the cheek/the nerve/the gall to do sth" — "show impudence or impropriety in doing sth" ("I don't think I'd have the face to ask for a holiday just at that time").

²³ daft, the commonest British coll. word for "stupid," "foolish" ("What a daft thing to say!").

²⁴ bluster, noisy or boastful talk.

²⁵ draw the line: if someone says that they draw the line at something it means they do not do it because they think it is wrong or too extreme ("I like a beer or two; but even I draw the line at sitting in a pub on my own and drinking").

²⁶ You promised me faithful, non-standard for | "promised me faithfully"; a common coll. ungrammaticality.

²⁷ Not a row o'buttons: variation on the phrases "not worth a button" — "completely worthless".

²⁸ next door to a ravin'lunatic, "only slightly better than a lunatic" (cf. "Leaving a man to die is next door to murder").

²⁹ mucky vermin: "mucky" is an informal BrE way of saying "dirty" (for example, with mud or oil) "vermin" are creatures that destroy crops, spoil food, etc. and are difficult to control, or the more repulsive species of blood-sucking insects ("a bed alive with vermin"); used figuratively, the word is a pretty strong term of abuse (e.g., "He thinks all beggars are vermin").

³⁰ a clean sweep: a complete change, usu. in an organization, made by getting rid of people; also, a victory in all parts of a game or competition ("The 200m race was a clean sweep for France").

³¹ our Tom: coll. North English way of suggesting that the person mentioned is your child, brother or sister ("Our Sharon did really well in her exams").

³² a brazen baggage: old-fashioned, "a rude, unpleasant, annoying woman."

³³ lass

Текст для анализа «Ярость» (Стэн Барстоу)

(Московские новости. №3. 17.01.2001)

Временами миссис Флечер думала, что ее мужу кролики важнее всего на свете, важнее еды и питья, важнее, чем табак и комфорт, важнее, чем она — или та женщина. Вот и сегодня ей так казалось, в это субботнее утро, когда она смотрела из окна кухни, где готовила обед, туда, где Флечер увлеченно трудился — чистил клетки, кормил зверьков и прихорашивал двух своих любимых ангорских кроликов перед выставкой, которая должна была состояться вечером в Кресли.

Она была женщина эмоциональная, цепко держалась за то, что считала своим, и готова была энергично защищать свои права. Когда она обхаживала Флечера, она до крови расцарапала свою прежнюю соперницу, которая пригрозила было, что возобновит свои претензии на него. С тех пор ей доводилось и кое с чем похуже соперничать. Вечно, как ей казалось, что-то мешало ей безраздельно владеть Флечером. На сей раз это были кролики. Большой сарай раньше был битком набит клетками, но теперь Флечер сосредоточился на нескольких зверьках, в которых верил. Однако, по мнению миссис Флечер, и этих было слишком много; она ни с кем и ни с чем не хотела его делить, и, глядя на его увлеченную возню с кроликами, она сильнее, чем нужно, налегала на острый нож, которым резала картошку.

— Сегодня специальный ринг для ангорских, — сказал Флечер, когда они уже сидели за столом. Он торопился на выставку и споро работал ложкой, отправляя в рот порции бисквита с вареньем между репликами. — Пора бы и потрудиться. Может, на этот раз повезет. — Он успел умыться и переодеться, его квадратное, свежее, красивое лицо было чисто выбрито, а вместо униформы вокзального носильщика на нем был его лучший серый шерстяной костюм. Переносная клетка с кроликами стояла у двери.

Миссис Флечер не проявила интереса. Она сказала:

— Думаешь, успеешь вернуться к началу сеанса?

Флечер отхлебнул воды. У него была манера пить, показывая ровные, здоровые зубы.

— Должен успеть, — сказал он между глотками. — А вообще, если уж тебе так нужно это кино, можешь сходить с миссис Сайкс.

— Мне надо, чтобы я могла с тобой выходить в субботу вечером, — сказала миссис Флечер. — У миссис Сайкс свой муж есть компанию водить.

— Хороша из него компания в субботу вечером, — сказал Флечер сухо. — Да и в воскресенье тоже не лучше... Ладно, постараюсь. Что я еще могу сказать?

— Ничего не надо говорить, приди вовремя и все.

Флечер отодвинул стул и встал из-за стола.

— Да приду, чего там. Сегодня это не надолго. Выставка небольшая. Самое позднее буду дома полвосьмого.

— Смотри мне, — сказала она.

Она стояла у окна и глядела, как он шел по улице под неярким солнцем, с переносной клеткой через плечо, бережно придерживая ее одной рукой. «Красив, ладно скроен, и хорошо смотрится, когда приоденется», — думала она. Частенько слишком красив и ладно скроен для ее душевного спокойствия.

К половине восьмого она приняла душ, оделась, слегка накрутилась и была готова к выходу. Но Флечер еще не вернулся. Часы на каминной полке пробили восемь, а его все не было. Он пришел только в одиннадцатом часу. Она сидела у камина, не обращая внимания на орущее радио, а спицы в ее руках мелькали в беззвучной ярости.

— Это как называется? — сказала она, не дав ему рта открыть. — В субботний вечер я тут сижу, как последняя дура, а он шляется себе где хочет.

Ему было явно не по себе, он ждал скандала.

— Извини, — сказал он. — Я хотел вернуться пораньше. Думал — успею, но там что-то затянулось. — Он прятал глаза, проходя мимо нее в коридор, чтобы повесить пальто. — И приза никакого не получил, — пробормотал он, отчасти самому себе. — Ни шиша.

— Ты же знал, как я хотела посмотреть эту картину, — сказала миссис Флечер, почти переходя на крик. — Я тебе всю неделю твердила, но тебе ведь плевать. Что тебе жена, когда тут твои чертовы кролики, да?

Словно не слыша ее, Флечер открыл клетку, вытащил одного из кроликов и прижал к себе, глядя мягкую густую шерсть.

— Не приглянулся ты им, а? — Кролик моргал и щурился красноглазо от яркого света. — Ничего, ты у нас все одно красавец.

То, что он не обращал на нее внимания, взбесило миссис Флечер до предела.

— Я с тобой разговариваю, — крикнула она.

— Слышу; я же сказал: извиняюсь. Чего тебе еще?

— А-а, извиняешься и дело с концом, так, что ли? Вот и все, чего мой субботний вечер стоит.

— Ну, что я мог поделать? — сказал Флечер. — Говорю же, не получилось.

Он засунул кролика в клетку и сел на стул, чтобы разуться.

Она следила за ним горящими глазами, а губы сжались в ниточку от злости.

— Ага, говоришь. Ты вон говорил, что будешь дома в полвосьмого, а теперь гляди-ка который час. Почему я знаю, чем ты там занимался, пока я тут одна сидела?

Он быстро взглянул на нее, его обычный румянец стал еще гуще.

— Ты это про что?

— Сам знаешь, про что. — Она мрачно кивнула.

Флечер бросил ботинки на пол.

— Я тебе уже говорил, — сказал он с глухой злобой в голосе, — что там все кончено. Давно кончено. Что ты все зудишь, никак не успокоишься?

Он встал и, подхватив клетку, пошел к сараю в шлепанцах, оставив ее разговаривать с пустой комнатой. Он вечно так от нее ускользал. Она схватила кочергу и яростно ткнула в огонь.

Утром в воскресенье она выбивала коврик во дворе, когда соседка окликнула ее через забор:

— Ну что, миссис Флечер, ходили вчера в Палас? — спросила миссис Сайкс. — Ох, что за картина, жаль, что пропустили. Там все ранние христиане и Иисусов плащ, в котором он был на кресте. Чудо как хорошо, и уж до того печально.

— Хотела посмотреть, — сказала миссис Флечер, — да вот Джим из Кресли поздно вернулся. Все с кроликами своими возится. — Ей страстно хотелось выбрать его, но гордость заставила придержать язык. И так не мужик, а черт-те что, не хватало еще перед соседями срамиться рассказывать.

— А, ну да, у них же там выставка была, — сказала миссис Сайкс. — Видала я его потом на автовокзале. Он разговаривал с женщиной, вроде сестра ваша.

Миссис Флечер пронзила соседку взглядом. Чего это она? Знает же отлично, что ее сестра уже год, как живет на юге. Миссис Флечер вспыхнула, повернулась и пошла в дом.

Флечер, небритый и полураздетый, сидел в комнате, положив ноги на камин, и читал воскресные газеты. Она накинулась на него, едва только входная дверь отгородила ее от миссис Сайкс, которая все еще мешкала во дворе.

— Ты небось думаешь, что я совсем ничего не понимаю!

— А? — сказал Флечер, подняв на жену глаза. — Что еще случилось?

— Что еще? Что еще случилось? И у тебя хватает нахальства сидеть тут, задрав ноги, и спрашивать меня? Я, по-твоему, совсем уж дура, да? Это ты дурак, только тебе самому невдомек. Думал, тебе все с рук сойдет? Неужто думал? Мог бы догадаться, что кто-нибудь тебя там увидит. Выбрал тоже местечко, автовокзал, где народу полно!

— Про что это ты, не понимаю, — сказал Флечер, но глаза его выдали.

— Совести у тебя нет. До последнего, что ли, будешь упорствовать? — сказала она. — Враль ты, вот кто. «Ой, это была ошибка», говорит, «я больше с ней встречаться не буду», говорит. А сам побежал к ней, как только решил, что ему это с рук сойдет.

Флечер встал, отшвырнув газеты.

— Да говорят тебе... — Тут он замолчал, весь раж вдруг куда-то испарился. — Ладно, — сказал он тихо, — если ты успокоишься хоть на минуту, я тебе все объясню.

— Это ты мне будешь объяснять? — крикнула миссис Флечер. — Ты мне больше ничего не будешь объяснять. Кроме вранья от тебя все равно ничего не услышишь. Нет уж, с меня хватит. Кроликов твоих терпела, а фифочек не стану. Ты мне как клялся, что не будешь больше с ней встречаться, а? Вот здесь, в этом самом кресле сидя! И чего твои клятвы стоят? Гроша ломаного не стоят. Думаешь, приятно от соседей узнавать про твои похождения?

— Поменьше бы слушала своих соседей, а послушала бы меня... — начал было Флечер.

— Наслушалась я тебя, хватит, — сказала она, — теперь я тебе скажу.

— Ну, это ты себе скажешь и, может, всей улице в придачу, только не мне. — Он зашагал к двери, сдернул с крючка пиджак. — Я пойду куда-нибудь, где можно поговорить с людьми, а не с психами полоумными.

— И там и оставайся, когда придешь, — сказала она ему. — Иди к ней. Скажи, это я тебя послала. Скажи ей, ты мне надоел. И посмотрим, будет она сидеть дома, пока ты будешь шляться по всей округе с полным ящиком этой погани.

Он был уже у двери, натягивал пальто.

— И вещи свои забери, — сказала она, — заодно уж все и кончим.

— Я к брату иду, — сказал он. — Завтра пришло за вещами.

— Я все приготовлю, — сказала она.

Когда дверь за ним закрылась, она постояла с минуту с горящими глазами и раздувающимися ноздрями, дрожа от бешенства. Потом вдруг схватила вазу с каминной полки и шваркнула ее вдребезги о решетку. Ее руки сжимались и разжимались, а взгляд метался по комнате, пока ярость бесильно хлопотала внутри.

В пол-одиннадцатого она готовила ужин в кухне, когда раздался звук отпираемой двери. Она вышла в прихожую, и ее руки непроизвольно стиснули бутылку молока, которую она держала, при виде Флечера на пороге.

— Ну, — сказала она. — За вещами явился? — Голос был неестественно сдавленный, и Флечер решил, что она все еще злится.

Он закрыл дверь и остановился в смущении, не решаясь взглянуть ей в глаза.

— Я подумал, зайду посмотрю, может, ты успокоилась наконец, — сказал он.

— А мы, что, еще не все обсудили утром? — ее блестящие глаза неотрывно смотрели на его лицо, и Флечер, на мгновение встретившись с ней взглядом, снова отвел глаза.

— Мы оба чуток погорячились, — сказал он. — Я знаю, как бывает, когда разозлишься. Тогда много чего наговоришь и сделаешь зря. А потом пожалеешь.

Наступила минутная пауза. Она сказала тем же сдавленным, напряженным голосом:

— О чем пожалеешь?

— Ну, вот хоть что мне из дома уходить, — сказал Флечер. — Только всего и нужно было поговорить спокойно, и ничего бы этого не было, если бы ты меня послушала.

— Не думала, что ты вернешься, — сказала она и прошла к камину, словно в трансе, по-прежнему не отводя глаз от его лица, как будто не веря, что это он, как будто ей казалось, что, хлопнув дверью утром, он навсегда сгинет где-то на краю света.

Он подошел к огню и встал рядом с ней. Попробовал было положить руку ей на плечо, но она отстранилась, и он опустил руку, глядя мимо нее в огонь.

— Как я тебе раньше говорил, так и есть, — начал он тихо и серьезно, с неуклюжестью человека, не привыкшего к выражению тонких чувств. — Я бы тебе вчера рассказал, только смысла не видел. У меня с ней все конечно. Но она меня дожидалась там у выхода. Я ей сказал, что не хочу ее больше видеть. Между нами ничего особенного и раньше не было. Да она все не отставала. Вцепилась в меня. А я посмотрел на нее, размалеванную, и подумал: дурак же я был, что рисковал тем, чем дорожу, из-за этой наглой бабы. Часа два не мог от нее избавиться. Под конец она совсем распоясалась. Стала орать и ругаться прямо на улице. Ужас. — Флечер вздохнул, покачал головой; у миссис Флечер будто дрожь прошла по телу. — Пришлось вскочить в автобус и бросить ее там. Больше ничего не оставалось, разве что съездить ей по уху...

Когда он кончил свой рассказ, что-то словно надломилось внутри миссис Флечер, и она тихо заплакала. Он обнял ее, сначала нерешительно, потом, увидев, что она не противится, крепче и притянул к себе.

— Ну, не плачь, девочка моя. Что толку плакать? Поссорились немного, а теперь все позади.

— И зачем я тебя не послушала? — рыдала она. — Ничего этого не случилось бы.

Он усадил ее в кресло и прижал к себе.

— Ничего, девочка. Теперь все хорошо. Не будешь больше плакать?

Немного погодя он сказал: «Пойду гляну, как там кролики, и будем спать ложиться».

Она прижала его к себе.

— Ну их. Лучше пойдем спать сразу.

Он улыбнулся снисходительно.

— Все еще ревнуешь, а? Да ладно, подождут до завтра.

Позже, в интимной темноте теплой постели она опять прижалась к нему. — Ты всерьез говорил? — спросила она, — когда сказал, что только меня любишь?

— Конечно, — сказал он.

— Ну, так скажи, — попросила она, крепче обняв его.

— Я тебя люблю, девочка, — сказал он, — только тебя. Теперь у нас все будет по-другому. Вот увидишь, как мы заживем.

Она чуть не крикнула. Заживем! Ох, почему она его не послушала! Почему, почему, почему? Если бы только услышать его раньше! А теперь у нее только и было, что этот миг. И больше ничего никогда не будет — ничего после того, как утром он выйдет во двор и увидит убитых кроликов в клетках.

4.2. List of basic human emotions

Positive

awe
gratitude
inspiration
love
enthusiasm
delight
admiration
friendliness
pride
contentment
pity
interest
rejoicing
inquisitiveness
enjoyment
hope
tenderness
charm
fascination
joy, gladness
bliss
repentance
remorse

Negative

antipathy
apathy
joylessness
indifference
anxiety
fury, rage, frenzy
timidity
dread, fear
agitation, excitement
indignation
resentment
alarm
loathing, aversion
anger, grief
sorrow
bitterness
vexation
sadness, depression
discontent
annoyance
envy
spite
malice

Positive

relaxation
resolution
shyness, timidity
self satisfaction
liking
sympathy
compassion
shame
diffidence
happiness
confidence
pacification
conciliation
concern

Negative

malicious, joy
tright
frenzy
curiosity
ingratitude
indignation
displeasure
hatred, hostility
enmity
disrespect
dissatisfaction
impatience
melancholy
offence
distress
animosity
apprehension
despair, contempt
disdain
depression
disgrace
irritation
jealousy
disappointment
embarrassment
confusion
suffering
regret
torment
uneasiness
yarning
anguish
dreariness
despondency
terror, horror

Ambiguous human emotions

Surprise, astonishment, languor, doubt, amazement

Список наиболее частотных эмоций человека

Положительные

благодарность
вдохновение
любовь
энтузиазм
восторг
восхищение
дружелюбие
гордость
удовлетворенность
жалость
интерес
радость
любопытность
наслаждение
надежда
нежность
обаяние
очарование
блаженство
раскаяние
угрызения совести
развлечение
решительность
любопытство
робость
самодовольство
симпатия
сочувствие
сострадание
счастье
нетерпение
доверительность
умиротворение
примирение

Отрицательные

антипатия
грусть
безразличие
беспокойство
ярость
пугливость
ужас
волнение
возмущение
негодование
тревога
отвращение
печаль
скорбь
горечь
досада
недовольство
раздражение
зависть
злоба
злорадство
испуг
бешенство
неблагодарность
возмущение
недовольство
ненависть
вражда
неуважение
застенчивость
неудовлетворенность
меланхолия
обида
огорчение
враждебность
опасение
отчаяние
презрение
депрессия
позор
беспокойство
раздражение

Положительные

Отрицательные

ревность
разочарование
стыд
смущение
страдание
сожаление
мучение
тоска
уныние

Амбивалентные эмоции человека

Удивление, восторг, вялость, сомнение, изумление

4.3. Clusters of emotions

HATRID

hostility
animosity
aversion
loathing
disaffection
abhorrence
revulsion
bad blood
bitterness
antipathy
detest
contempt

PRIDE

dignified
self-esteem
vain
arrogant
conceited
contemptuous
boastful
egotistical
uppity

REGRET

remorse
sorry
contrite
rueful
penitent
ashamed
nostalgic
homesick

GUILTINESS

ashamed
remorseful
conscience-stricken
blameworthy
culpable
derelict

LUCK

fortunate
opportune

UNLUCK

unfortunate
inopportune

SURPRISED/SHOCKED

startled
amazed
dumfounded
flabbergasted
astounded
astonished
horrified
appalled
offended

THANKFULNESS

grateful
appreciative
obliged
indebted

JEALOUSY

envy
spite
malice
cupidity
ill will
green-eyed monster

COMPASSION

pity
sympathy
empathy
tenderness
mercy
kindness
concern
commiseration

HAPPINESS

satisfied
positive
contented
gay
optimistic
pleased
in a good mood
glad

WORRY

anxious
uneasy
nervous
dismayed
concerned
fretful
jittery

VERY WORRIED

anguished
disturbed
troubled
full of misgivings
agitated

STUBBORNNESS

obstinate
persistent
intractable
unyielding
dogged

EMBARRASSMENT

uncomfortable
self-conscious
awkward
sheepish
mortified

VERY HAPPY

delighted
ecstatic
thrilled
joyous/overjoyed
elated
in high spirits
feel high
blissful

FRIGHT

apprehensive
scared
frightened
fearful
panicky
petrified
alarmed
terrified
threatened

ANGER

sore
cross
provoked
mad
out of sorts
disgruntled
resentful
galled

RESPECTFULNESS

reverent
deferential
admiration
devotion
awed
impressed

CONFUSION

perplexed
disconcerted
bewildered
flustered
addled
mixed up

UNHAPPINESS

bored
sad
dissatisfied
discontented
negative
displeased
in a bad mood

VERY UNHAPPY

miserable
heart broken
agonized
depressed
dejected
wretched
in low spirits
feel down/low
melancholy

UPSETNESS

impatient
disappointed
bothered
disturbed
annoyed
irritated
distressed
frustrated
exasperated

DOUBTFULNESS

disbelieving
skeptical
uncertain
distrusting
suspicious
incredulous
questioning

EXCITNESS

hopeful expectation
anticipation
thrilled
passionate
eagerness
keenness

VERY ANGRY

rage
furious
stormy
livid
incensed
on the warpath
fired up

LOVE

Romantic
fondness
affection
tenderness
attachment
devotion
infatuation
adoration
cherish
full of ardor

Кластеры эмоций**НЕНАВИСТЬ**

враждебность
озлобление
антипатия
отвращение
недовольство
горечь
ненависть
презрение

ГОРДОСТЬ

полный достоинства
самолюбие
тщеславие
высокомерный
самонадеянный
презрительный
хвастливый
эгоцентричный
наглый

СОЖАЛЕНИЕ

угрызения совести
сожаление
кающийся
удрученный
раскаивающийся
пристыженный
тоскующий
скучающий по дому

МИРОЛЮБИВОСТЬ

спокойствие
безмятежность
уравновешенность
невозмутимость
сдержанность
терпеливость

MOODINESS

capricious
gloomy
pensive
peevish
testy
sullen
glum
brooding

CONFIDENCE

certain
believing
self-dressed
trusting

УДАЧА

удачный
благоприятный

НЕУДАЧА

неудачный
неблагоприятный

УДИВЛЕННЫЙ

изумленный
удивленный
ошеломленный
ошарашенный
пораженный
потрясенный
обиженный

РЕВНОСТЬ

зависть
злость
злоба
жадность
ревность

СОСТРАДАНИЕ

жалость
сострадание
сопереживание
нежность
милосердие
доброта
забота
сочувствие

СЧАСТЬЕ

довольный
положительный
удовлетворенный
радость
оптимизм
радостный
в хорошем настроении

БЕСПОКОЙСТВО

озабоченный
беспокойство
взволнованный
потрясенный
раздражительный
нервный

ОЧЕНЬ

БЕСПОКОЙНЫЙ
душераздирающий
обеспокоенный
встревоженный
полный опасений
взволнованный

ВИНА

пристыженный
полный раскаяния
заслуживающий пори-
цания
виновный
запущенный

УПОРСТВО

настойчивый
упорный
упрямый
непреклонный
настырный

ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО

неловкий
застенчивый
неуклюжий
робкий
униженный

ОЧЕНЬ**СЧАСТЛИВЫЙ**

рад
в экстазе
восхищенный
вне себя от радости
восторженный
приподнятое настроение
блаженный

СТРАХ

опасающийся
испуганный
испуганный
ужасный
паникующий
остолбенелый
встревоженный
ужасающий
угрожающий

БЛАГОДАРНОСТЬ

благодарный
признательный
обязанный

УВАЖЕНИЕ

почтительный
восхищение
преданность
благоговейный
впечатленный

СМУЩЕНИЕ

озадаченный
взволнованный
смущенный
вздурораженный
запутанный

НЕСЧАСТЛИВЫЙ

скучный
грустный
недовольный
отрицательный
в плохом настроении

ОЧЕНЬ**НЕСЧАСТЛИВЫЙ**

несчастный
с разбитым сердцем
мучительный
подавленный
унылый
угнетенный
в подавленном настроении
печальный

ОГОРЧЕНИЕ

нетерпеливый
разочарованный
обеспокоенный
раздраженный
утомленный
расстроенный

СОМНИТЕЛЬНОСТЬ

недоверчивый
скептический
неуверенный
недоверяющий
подозрительный
сомневающийся

ВОЛНЕНИЕ

подающий надежды
предвосхищение
трепетный
страстный
стремление
энтузиазм

ЗЛОСТЬ

раздраженный
сердитый
не в духе
в дурном настроении
возмущенный
разозленный

ОЧЕНЬ ЗЛОЙ

ярость
неистовый
бурный
взбешенный
разгневанный
в воинствующем
настроении
заведенный

ЛЮБОВЬ

романтический
привязанность
любовь
нежность
преданность
влюбленность
обожание
лелеющий
пылкость

ПЕРЕМЕНЧИВОСТЬ**НАСТРОЕНИЯ**

капризный
мрачный
задумчивый
брюзгливый
вспыльчивый
угрюмый
обиженный

УВЕРЕННОСТЬ

уверенный
доверчивый

4.4. «Emotional intelligence» by Daniel Goleman

It was a steamy afternoon in New York City, the kind of day that makes people sullen with discomfort. I was heading to my hotel, and as I stepped onto a Bus, I was greeted by the driver, a middle-aged man with an enthusiastic smile. "Hi! How're you doing?" he said. He greeted each rider in the same way.

As the bus crawled uptown through grid locked traffic, the driver gave a lively commentary: there was a terrific sale at that store ... a wonderful exhibit at this museum ... had we heard about the movie that just opened down the block//By the time people got off, they had shaken off their sullen sheik. When the driver called out, "So long, have a great day!" each of us gave a smiling response.

That memory has stayed with me for close to 20 years. I consider the bus driver a man who was truly successful at what he did.

Contrast him with Jason, a straight, a student at a Florida high school who was fixated on getting into Harvard Medical School. When a physics teacher gave Jason an 80 on a quiz, the boy believed his dream was in jeopardy. He took a butcher knife to school, and in a struggle the teacher was stabbed in the collarbone. How could someone of obvious intelligence do something so irrational? The answer is that high I.Q. does not necessarily predict who will succeed in life. Psychologists agree that I.Q. contributes only about 20 percent of the factors that determine success. A full 80 percent comes from other factors, including what I call emotional intelligence.

Following are some of the major qualities that make up emotional intelligence, and how they can be developed:

1. *Self-awareness.* The ability to recognize a feeling as it happens is the keystone of emotional intelligence. People with greater certainty about their emotions are better pilots of their lives. Developing self-awareness requires tuning in to what neurologist Antonio Damasio, in his book *Descartes' Error*, calls "somatic markers"—literally, gut feelings. Gut feelings can occur without a person being continuously aware of them. For example, when people who fear snakes are shown a picture of a snake, sensors on their skin will detect sweat, a sign of anxiety, even though the people say they do not feel fear. The sweat shows up even when a picture is presented so rapidly that the subject has no conscious awareness of seeing it. Through deliberate effort we can become more aware of our gut feelings. Take someone who is annoyed by a rude encounter for hours after it occurred. He may be oblivious to his irritability and surprised when someone calls attention to it. But if he evaluates his feelings, he can change them. Emotional self-awareness is the building block of the next fundamental of emotional intelligence: being able to shake off a bad mood.

2. *Mood Management.* Bad as well as good moods spice life and build character. The key is balance. We often have little control over when we are swept by emotion. But we can have some say in how long that emotion will last. Psychologist Dianne Tice of Case Western Reserve University asked more than 400 men and women about their strategies for escaping foul moods. Her research, along with that of other psychologists, provides valuable information on how to change a bad mood.

Of all the moods that people want to escape, rage seems to be the hardest to deal with. When someone in another car cuts you off on the highway, your reflexive thought may be, That jerk. He could have hit me. I can't let him get away with that. The more you stew, the angrier you get. Such is the stuff of hypertension and reckless driving.

What should you do to relieve rage? One myth is that ventilating will make you feel better. In fact, researchers have found that's one of the worst strategies.

Outbursts of rage pump up the brain's arousal system, leaving you more angry, not less.

A more effective technique is «reframing,» which means consciously reinterpreting a situation in a more positive light. In the case of the driver who cuts you off, you might tell yourself: Maybe he had some emergency. This is one of the most potent ways, Twice found, to put anger to rest.

Going off alone to cool down is also an effective way to defuse anger, especially if you can't think clearly. Tice found that a large proportion of men cool down by going for a drive—a finding that inspired her to drive more defensively. A safer alternative is exercise, such as taking a long walk. Whatever you do, don't waste the time pursuing your train of angry thoughts. Your aim should be to distract yourself.

The techniques of reframing and distraction can alleviate depression and anxiety as well as anger. Add to them such relaxation techniques as deep breathing and meditation and you have an arsenal of weapons against bad moods. "Praying," Dianne Tice also says, "works for all moods."

3. *Self-motivation*. Positive motivation—the marshaling of feelings of enthusiasm, zeal and confidence—is paramount for achievement. Studies of Olympic athletes, world-class musicians and chess grandmasters show that their common trait is the ability to motivate themselves to pursue relentless training routines. To motivate yourself for any achievement requires clear goals and an optimistic, can-do attitude. Psychologist Martin Seligman of the University of Pennsylvania advised the MetLife insurance company to hire a special group of job applicants who tested high on optimism, although they had failed the normal aptitude test. Compared with salesmen who passed the aptitude test but scored high in pessimism, this group made 21 percent more sales in their first year and 57 percent more in their second.

A pessimist is likely to interpret rejection as meaning I'm a failure; I'll never make a sale. Optimists tell themselves, I'm using the wrong approach, or That customer was in a bad mood. By blaming failure on the situation, not themselves, optimists are motivated to make that next call. Your predisposition to a positive or negative outlook may be inborn, but with effort and practice, pessimists can learn to think more hopefully. Psychologists have documented that if you can catch negative, self-defeating thoughts as they occur, you can reframe the situation in less catastrophic terms.

4. *Impulse Control*. The essence of emotional self-regulation is the ability to delay impulse in the service of a goal. The importance of this trait to success was shown in an experiment begun in the 1960s by psychologist Walter Mischel at a preschool on the Stanford University campus. Children were told that they could have a single treat, such as a marsh-mallow, right now. However, if they would wait while the experimenter ran an errand, they could have two

marshmallows. Some preschoolers grabbed the marshmallow immediately, but others were able to wait what, for them, must have seemed an endless 20 minutes. To sustain themselves in their struggle, they covered their eyes so they wouldn't see the temptation, rested their heads on their arms, talked to themselves, sang, even tried to sleep. These plucky kids got the two-marshmallow reward. The interesting part of this experiment came in the follow-up. The children who as four-year-olds had been able to wait for the two marshmallows were, as adolescents, still able to delay gratification in pursuing their goals. They were more socially competent and self-assertive, and better able to cope with life's frustrations. In contrast, the kids who grabbed the one marshmallow were, as adolescents, more likely to be stubborn, indecisive and stressed.

The ability to resist impulse can be developed through practice. When you're faced with an immediate temptation, remind yourself of your long-term goals—whether they be losing weight or getting a medical degree. You'll find it easier, then, to keep from settling for the single marshmallow.

5. *People Skills*. The capacity to know how another feels is important on the job, in romance and friendship, and in the family. We transmit and catch moods from each other on a subtle, almost imperceptible level. The way someone says "thank you", for instance, can leave us feeling dismissed, patronized or genuinely appreciated. The more adroit we are at discerning the feelings behind other people's signals, the better we control the signals we send. The importance of good interpersonal skills was demonstrated by psychologists Robert Kelley of Carnegie-Mellon University and Janet Caplan in a study at Bell Labs in Naperville, Ill. The labs are staffed by engineers and scientists who are all at the apex of academic I.Q. tests. But some still emerged as stars, while others languished.

What accounted for the difference? The standout performers had a network with a wide range of people. When a non-star encountered a technical problem, Kelley observed, "he called various technical gurus and didn't wait, wasting time while his calls went unreturned. Star performers rarely faced such situations because they built reliable networks before they needed them. So when the stars allied someone, they almost always got a faster answer."

No matter what their I.Q., once again it was emotional intelligence that separated the stars from the average performers (Goleman D. *The Emotional Intelligence. Why it Can Matter More than IQ?* — Bentam Books, 1997).

«Эмоциональный интеллект» (Даниэл Гоулман)

В Нью-Йорке был душный день, один из тех, который делает людей мрачными. Я направлялся к своему отелю, и как только я вошел в автобус, водитель, мужчина средних лет, с улыбкой, полной энтузиазма, поприветст-

вовал меня. «Добрый день! Как Ваши дела?» — спрашивал он, одинаково приветствуя каждого нового пассажира.

По мере того, как автобус медленно тащился по городу через пробки, водитель живо комментировал: «в том магазине были невероятные скидки ... великолепная выставка в этом музее ... вы слышали о кино, которое только что возглавило рейтинги». К тому времени, как людям пора было выходить, от их плохого настроения не оставалось и следа. Когда водитель провожал нас и говорил нам на прощание: «До скорой встречи, удачного дня!», каждый из нас тоже уже улыбался ему в ответ.

Эти воспоминания хранятся в моей памяти уже 20 лет. Я полагаю, что водитель автобуса — это человек, который был действительно успешен в том, что он делал.

Сравните его с Джейсоном, студентом средней школы штата Флорида, который мечтал поступить в Гарвардскую медицинскую школу. Когда учитель физики поставил Джейсону за тест 80 баллов, мальчик осознал, что его будущее теперь в опасности. Поэтому он принес с собой в школу нож и вонзил его в горло учителю. Как человек с каким-либо интеллектом мог сделать что-то подобное? Ответ таков: высокий уровень умственного интеллекта (IQ) не обязательно предсказывает, кто будет успешным в жизни. Психологи подтверждают, что уровень умственного интеллекта только на 20% определяет факторы успеха. Остальные 80% складываются из других факторов, включая то, что я называю *эмоциональный интеллект*.

Ниже приведены основные качества, которые формируют эмоциональный интеллект, и то, как их можно развить.

1. *Самосознание*. Способность распознать чувство, как оно действительно происходит, является краеугольным камнем эмоционального интеллекта. Люди с большей осведомленностью о своих эмоциях — это лучшие пилоты своей жизни. Развитие самосознания подразумевает обращение к тому, что невролог Антонио Дамазо в своей книге «Ошибка Декарта» образно называет «соматические маркеры», инстинктивные чувства. Инстинктивные чувства могут проявляться у человека бессознательно. Например, когда людям, которые боятся змей, показывают картинку со змеей, датчики на их коже будут улавливать пот, признаки беспокойства, даже несмотря на то, что люди говорят, что они не испытывают страх. Пот выступает даже тогда, когда картинку показывают так быстро, что субъект это не осознает, видя ее. Через постоянные усилия мы можем осознавать свои инстинктивные чувства. Возьмите, к примеру, кого-нибудь, кто часами раздражен грубой встречей уже после того, как это произошло. Человек может не замечать своего раздражения и быть удивленным, когда кто-то обращает на это его внимание. Но если он оценивает свои чувства, он

может их изменить. Эмоциональное самосознание — это строительный блок следующего фундамента эмоционального интеллекта: способность избавиться от плохого настроения.

2. *Управление настроением*. Плохое так же, как и хорошее настроение придают изюминку нашей жизни и формируют характер. Ключ заключается в балансе. Часто мы плохо себя контролируем, особенно тогда, *когда* нас охватывают эмоции. Но мы можем с некоторой уверенностью сказать, *как долго* эта эмоция будет продолжаться. Психолог Кейс-Вестернского университета Диана Тайс опросила более чем 400 мужчин и женщин об их стратегии избегания плохого настроения. Ее исследование совместно с другими психологами представляет ценную информацию о том, как изменить плохое настроение.

Из всех настроений, от которых люди хотят избавиться, иметь дело с яростью кажется самым сложным. Когда кто-то на машине подрезает вас на дороге, ваша ответная реакция может быть таковой: «Идиот. Он мог ударить мою машину. Я это так не оставлю». Чем больше вы волнуетесь, тем злее вы становитесь. Это результат перенапряжения.

Что же следует сделать, чтобы уменьшить ярость? Один из мифов гласит, что «проветривание» поможет почувствовать себя лучше. Фактически исследователи пришли к выводу, что эта стратегия является самой плохой. Вспышки ярости возбуждают нервную систему, оставляя вас еще более злым.

Более эффективная техника — это «воссоздание», что означает постоянное воспроизведение той или иной ситуации в более положительном аспекте. В случае с водителем, который вас подрезает, вы можете объяснить себе: «Может быть, у него какая-то неотложная ситуация». Это является одним из самых эффективных способов переориентации негативных эмоций.

Самостоятельный выход освежиться тоже является эффективным способом снятия злости, особенно если вы не можете хорошо думать. Более безопасная альтернатива — длительная прогулка. Чтобы вы ни делали, не теряйте время, следуя за поездом своих злых мыслей. Ваша цель — отвлечь самого себя.

Техники воссоздания и отвлечения могут смягчить депрессию и беспокойство так же, как и злость. Добавьте к ним такую технику релаксации, как глубокое дыхание и медитация, и у вас уже есть арсенал оружия против плохого настроения. «Молитвы, — говорит также Диана Тайс, — хорошо подходят для всех настроений».

3. *Самомотивация*. Положительная мотивация — смесь энтузиазма, усердия и уверенности — является первостепенной для успеха. Исследова-

ние олимпийских атлетов, мировых музыкантов и гроссмейстеров показывает, что их общая особенность — это способность мотивировать себя для выполнения рутинных тренировок. Смотивировать себя для достижения успеха предполагает чистые голы и оптимистичное, «могу сделать» отношение. Психолог университета штата Пенсильвания Мартин Селигман посоветовал страховой компании «Метлайф» нанять специальную группу людей, которые успешно прошли тест на оптимизм, хотя и провалили обычный тест на способности. По сравнению с моряками, которые справились с тестом на способности, их счет был высоким в пессимизме.

Пессимист склонен интерпретировать отказ, имея в виду: «*Я неудачник*». Оптимисты же говорят себе: «*Я использую неправильный подход*». Обвиняя в неудачах не себя, а ситуацию, оптимисты мотивируются этим для следующего шага. Ваш негативный взгляд может быть врожденным, но с усилиями и практикой пессимисты могут думать и с надеждой. Психологи зафиксировали в документах, что если вы можете поймать плохие мысли, как только они появляются, вы можете пересмотреть их в менее катастрофическом аспекте.

4. *Контроль импульса*. Сущность эмоциональной саморегуляции — это способность откладывать импульс в пользу достижения. Важность этой особенности успеха была показана в эксперименте, начатом в 1960-х гг. психологом Вальтером Митчелом в пришкольном лагере Стенфордского университета. Детям сказали, что у них сейчас есть единственное лекарство, такое как лекарственный алтей. Однако, если они подождут, то в ходе эксперимента у них будет уже два таких лекарства. Некоторые из детей сразу же схватили первое лекарство, другие же смогли подождать в течение, казалось, нескончаемых 20 минут. Поддерживая себя в этой борьбе, они закрывали глаза, расслаблялись, разговаривали друг с другом, пели и даже пытались заснуть. Эти несчастные дети в результате получили уже два лекарства. Интересная часть этого эксперимента следовала далее. Четырехлетние дети смогли подождать, в то время как подростки — нет. Маленькие дети оказались более социально компетентными и самоуверенными, лучше адаптированными к жизненным расстройствам. Подростки в противовес им оказались более упрямыми, нерешительными и нервными.

Способность сопротивляться импульсу можно развить через практику. Когда ты сталкиваешься лицом к лицу с соблазном, напомни себе о том, что успех сразу не приходит и его надо ждать.

5. *Мастерство людей*. Способность воспринимать чувства других людей важна для работы, в любви и дружбе, в семье. Мы передаем и ловим настроения друг друга на практически неощущаемом уровне. То, как кто-то говорит «спасибо», например, может заставить нас почувствовать себя

одиноким или тем, о ком заботятся и которого высоко ценят. Важность хороших внутренних личностных качеств была продемонстрирована психологами университета Корнеги-Мелон Робертом Келли и Жанетом Капланом в лаборатории Белла. Лаборатории укомплектованы инженерами и учеными, находящимися на вершине академических тестов на интеллект. Но некоторые проявлялись как звезды, в то время как другие изнывали.

В чем же различие? Когда не звезда сталкивался с технической проблемой, Келли наблюдал вот что: «он призывал различных технических гуру, тратя на это время, и его призывы оставались неотвеченными. Звезды редко сталкиваются с такими ситуациями, потому что они строят надежные основы *перед* тем, как это им понадобится».

Не важно, какой был у них уровень интеллекта, важно то, что звезд обычных людей отличал эмоциональный интеллект (перевод наш. — *Н.К., В.Ш.*)*

ДОМАШНИЕ ЗАДАНИЯ ДЛЯ СТУДЕНТОВ

З а д а н и е 1

- а) Изучить раздел 1 данного пособия «Долингвистика эмоций».
- б) Ознакомиться с содержанием текста «Фугу» / «Ярость».
- в) Ознакомиться со списком наиболее частотных положительных и отрицательных эмоций человека и их номинациями в русском и английском языках.
- г) Ознакомиться с кластерными группами человеческих эмоций как иллюстрацией тезиса о том, что эмоции никогда не испытываются и не выражаются по отдельности. Они реализуются одновременно в сочетании друг с другом.

З а д а н и е 2

- а) Изучить в разделе 2 «Лингвистика эмоций», тему «Вербалика эмоций» (2.1.1—2.1.5).
- б) Прочитать еще раз текст «Фугу» / «Ярость». Выделить эмоциональные ситуации, составляющие содержание текста. Определить кластеры эмоций и доминантную эмоцию каждой ситуации. Определить эмоциональную доминанту в каждом ситуативном кластере эмоций. Определить доминантную эмоцию всего текста.

* Автор благодарит студента-исследователя Наталью Игоревну Коробкину за содержательную помощь при работе над рукописью.

З а д а н и е 3

- а) Изучить в разделе 2 «Лингвистика эмоций», тему «Авербалика эмоций» (2.2.1; 2.2.2).
- б) Найти в анализируемом тексте эмотивную лексику в трех разновидностях (аффективы, коннотативы, потенциативы), примеры эмотивного синтаксиса и эмотивной стилистики.

З а д а н и е 4

- а) Изучить в разделе 2 «Лингвистика эмоций» тему «Современный уровень знаний о лингвистике эмоций» (2.3).
- б) Найти в анализируемом тексте случаи авербалики эмоций (body language/теловое выражение эмоций) (см. также прил. 4 «Decision and Division»). Определить, какую именно эмоцию выражает каждое из этих средств в тексте.

З а д а н и е 5

- а) Изучить в разделе 2 «Лингвистика эмоций» тему «Базовые положения лингвистической теории эмоций» (2.4).
- б) Составить полный список эмоций, эксплицируемых в тексте (названных, описанных, выраженных). Провести их дифференциацию по способу экспликации: прямые vs косвенные (эксплицитные vs имплицитные).
- в) Определить места скопления (увеличенной плотности) эмоций в разных ситуациях. Установить, в какой именно эмоциональной ситуации текста плотность эмоций максимальна. Определить, какими именно средствами «упакована» эта плотность: вербальными/авербальными, лексическими, синтаксическими, стилистическими.

З а д а н и е 6

- а) Изучить в разделе 2 «Лингвистика эмоций» тему «Лингвистическая теория эмоций как проект» (2.5).
- б) Установить гендерную дифференциацию в выражении эмоций персонажами рассказа по следующим параметрам: вербалика (лексика, синтаксис, стилистика)/авербалика (телодвижения (кинесика), просодия (фонация)).
- в) Определить, кто из персонажей более эмоционален и экспрессивен в своем коммуникативном поведении. Доказать свое мнение текстовыми аргументами.

З а д а н и е 7

- а) Ознакомиться с отрывком из монографии Д. Гоулмана «Emotional intelligence»/«Эмоциональный интеллект» (с. 146—149) и провести само-

тестирование по пяти признакам эмоционального интеллекта человека. Определить степень вашего эмоционального интеллекта. Изучить признаки эмоционального этикета в приложении 1.

б) С помощью параметров эмоционального интеллекта определить степень эмоциональной интеллектуальности персонажей анализируемого рассказа. Привести текстовые аргументы в пользу своего мнения.

в) Через какие лексические, грамматические и стилистические эмотивы выявляется уровень эмоциональной интеллектуальности персонажа? Как их теловые эмотивы дополняют (корректируют) эту информацию?

З а д а н и е 8

а) Изучить в разделе 3 «Лингвокультурология эмоций» темы «Культура эмоционального общения (сценарии разных культур)» и «Основные аспекты лингвокультурологии эмоций» (3.1; 3.2).

б) Найти в тексте случаи манипулирования персонажами рассказа друг друга. Выявить мотивы их манипулирования друг другом, способы и средства (языковые и теловые) манипулирования. Проиллюстрируйте случаи манипулятивного коммуникативного поведения этой семейной пары.

в) Определите, кто из персонажей более манипулятивен и успешен и почему. Представлены ли в тексте доказательства степени осознанности манипулятивного поведения/воздействия персонажей?

З а д а н и е 9

а) Изучить в разделе 3 «Лингвокультурология эмоций» темы «Проблема эмоциональной толерантности/нетолерантности в межкультурном/межперсональном речевом общении» и «Межкультурные эмоциональные параллели и контрасты» (3.3; 3.4).

б) Провести стилистический анализ текста: составить перечень стилистических средств, используемых в тексте, и проиллюстрировать каждое из них. Определить наиболее частотное стилистическое средство (назвать количество его использования) и объяснить его функционально-смысловую нагрузку в тексте.

в) Определить степень коммуникативной эффективности того/иного стилистического средства, используемого автором в тексте.

З а д а н и е 10

а) Определить ключевые слова рассказа.

б) Проследить доказательства ключевой важности слова «passionate»/«страстная» для развития сюжета рассказа и понимания коммуникативного поведения женского персонажа.

в) Проследить изменения в текстовой семантике слова «rabbits»)»кролики» на протяжении всего рассказа: нейтральность, коннотативность, аффективность. Через какие текстовые индикаторы эксплицируется эта семантическая динамика? В каких ситуациях используется данное ключевое слово и как оно влияет на читательское восприятие рассказа и на отношение Mrs. Fletcher к Mr. Fletcher? В какой ситуации это слово является аффективом?

З а д а н и я 11 — 14

Выбрать тему эссе и на основании изученной теории (см. список обязательной и рекомендуемой литературы) и лекций по лингвистике эмоций подготовить по нему выступление на занятии.

З а д а н и я 15 — 17

Подготовить собственную концовку рассказа (на русском или английском языке), соблюдая стилистику и тональность его автора.

З а д а н и е 18

Подготовить мотивированное мнение о данной дисциплине по выбору: содержание, структура, методика, полезность для коммуникативной/человеческой компетентности.

ЗАДАНИЯ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ К ЗАЧЕТУ

1. Ознакомиться с приложениями 1—6.
2. Использовать материалы приложений при подготовке зачетных эссе и концовок рассказа.

*Темы зачетного эссе**

1. Эмоциональные ситуации рассказа: кластеры эмоций в каждой ситуации, доминантная эмоция, динамика доминантной эмоции в развёртывании замысла текста.
2. Эмоциональный интеллект и этикет героев: гендерные различия и их языковая реализация в тексте.
3. Эмоциональные ресурсы миссис и мистера Флечер в их гендерной дифференциации, степень их плотности в различных эмоциональных ситуациях.

* Зачётные эссе необходимо представить к 1 декабря в объеме не менее 3 страниц формата А-4, 14-й кегль шрифта, печать через 2 интервала).

4. Гендерная стилистика персонажей: превалирующие стилистические средства в их соотношении с выражаемыми и описываемыми эмоциями персонажей.

5. Типы эмотивной лексики, представленные в тексте, и различные способы их представленности: прямой, косвенный (дериватный, имплицитный, частеречный).

6. Стилистические средства автора, эксплицирующие эмоции персонажей.

7. Общее количество эмоций в тексте в их различных проявлениях (номинативная, дескрипция, экспрессия).

8. Эмоциональная палитра телового и паралингвистического поведения персонажей.

9. Стилистические пласты лексики английского языка, представленные в речи мистера и миссис Флечер, и превалирующие стилистические средства (тропы и фигуры) в речи каждого из персонажей.

10. Языковой/речевой паспорт миссис Флечер и мистера Флечера. Его эмотивная составляющая.

11. Эмотивные манипуляции в рассказе: маркеры манипулятивности мистера и миссис Флечер; средства манипулирования друг другом; успешность манипуляции; доминантный манипулятор.

12. Эмотивная вербалика и авербалика искреннего и неискреннего коммуникативного поведения персонажей.

13. Коммуникативный стиль автора, миссис и мистера Флечер, эмотивные языковые и стилистические средства его проявления в рассказе.

14. Эмоциональное пространство зависти/ревности в рассказе и её авторская дескрипция и коммуникативное (вербальное и авербальное) проявление у персонажей.

15. Симпатии и антипатии автора в рассказе и их текстовые индикаторы.

16. Ключевые слова рассказа. Развёртывание смысла слова «passionate» в содержании рассказа. Изменения в текстовой семантике слова «rabbits»)»кролики» на протяжении всего рассказа: нейтральность, коннотативность, аффективность.

17. Эмоциональный язык тела: теловые источники эмоций персонажей и их языковое авторское описание.

18. Конфликт в рассказе: его динамика в языковом и теловом представлении в разных ситуациях текста.

19. Эмоциональное воздействие персонажей друг на друга через языковое и теловое коммуникативное поведение.

СПИСОК ОСНОВНОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

1. Агрессия в языке и речи: сб. науч. ст. / под ред. И.А. Шаронова. М.: РГГУ, 2004.
2. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова (синергетика языка, сознания и культуры). М., 2002.
3. *Балли Ш. Французская стилистика. М.: Иностранная литература, 1961.
4. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. М., 1999.
5. *Вежбицкая А. Сопоставление культур через средство лексики и грамматики. М., 2001.
6. *Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
7. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002.
8. Вилонас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций // Психология эмоций. Тексты. М., 1984.
9. Винарская Е.Н. К проблеме базовых эмоциональных концептов // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. №3.
10. *Волкова П.С. Эмотивность как средство интерпретации смысла художественного текста (на материале прозы Н.В. Гоголя и музыки Ю. Буцко, А.Холминова, Р.Щедрина): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997.
11. Выготский Л.С. О двух направлениях в понимании эмоций в зарубежной психологии в начале XX в. // Вопр. психологии. 1968. №2.
12. Высочина О.В. Понимание значения иноязычного слова (психолингвистическое исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001.
13. *Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.
14. Гетте Е.Ю. Гендерный аспект современных коммуникативных процессов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
15. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
16. Гладь С.В. Эмотивность художественного текста: семантико-когнитивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2000.
17. Городникова М.Д. Эмотивные явления в речевой коммуникации. М., 1985.
18. Горошко Е.И. Языковое сознание (ассоциативная парадигма): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001.
19. Деннет Д.С. Фон языка в мышлении // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии: хрестоматия. Барнаул, 2001. С. 190—198.
20. *Димитрова Е.В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру. Волгоград, 2001.
21. Додонов Б.И. Эмоции как ценность. М., 1978.
22. *Изард И. Эмоции человека. М., 1980.
23. *Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998.
24. Канке В.А. Философия. М., 2002.
25. Копыленко М.М. Основы этнопсихолингвистики. Алматы: Евразия, 1995.
26. Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Иркутск, 2001.
27. *Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград, 2001.
28. Красных В.В. Свой среди чужих: миф или реальность. М., 2003.
29. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Нов. лит. обозрение, 2004.
30. Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М., 2003.
31. *Леонтович О.А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию. Волгоград, 2003.
32. *Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. Волгоград, 2002.
33. Литвак М.Е. Из ада в рай. Избранные лекции по психотерапии. Ростов н/Д., 2002.
34. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.
35. Лукашевич Е.В. Представление экстралингвистических знаний в процессе лексикализации слова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Барнаул, 2000. Вып. II. С. 87—94.
36. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж, 1990.
37. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000.
38. Набоков В. Николай Гоголь // Романы. Рассказы. Эссе. СПб., 1993.
39. Пиотровская Л.А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования. (На материале русского и чешского языков.) СПб., 1994.
40. Пищальникова В.А. Психопэтика. Барнаул, 1999.
41. Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики: курс лекций. Ч. 2: Этнопсихолингвистика. М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 2007.
42. Покровская Я.А. Отражение в языке агрессивных состояний человека (на материале англо- и русскоязычных художественных текстов). Волгоград, 1998.
43. Рерих Н.К. Твердыня пламенная. Ростов н/Д., 1998.
44. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981.
45. Сорокин Ю.А. Межличностное общение и его этнокультурная специфика // Hermeneutics and Rhetoric in Russia. www.hermeneuticonline. Net. 2002. №1.
46. Сорокин Ю.А. Введение в этнопсихолингвистику. Ульяновск, 1998.
47. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология. Самара: Русский лицей, 1994.
48. *Стернин И.А. Общие особенности коммуникативного поведения народа: реальность или фикция? // Язык, сознание, культура, этнос. М., 1994.
49. *Стернин И.А. Толерантность и коммуникация // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003.
50. *Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
51. Труфанова И.В. Прагматика несобственно-прямой речи: монография. М.: Прометей, 2000.
52. Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 207—220.
53. *Филимонова О.Е. Язык и эмоции в английском тексте. Когнитивный и коммуникативный аспекты. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001.
54. Фрумкина Р.М. Размышления о самосознании лингвистов и филологов (этические аспекты) // Интеллектуальный форум. 2000. №3. С. 153—171.
55. Хомская Е.Д., Батова Н.Я. Мозг и эмоции. М., 1998.

* Пушкинкой выделена основная литература.

56. Шамне Н.Л. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. Волгоград, 1999.
57. Шаронов И.А. Многоликая агрессия // Агрессия в языке и речи. М., 2004.
58. *Шаховский В.И. Гуманистическая методология обучения английскому языку в Англии // Иностран. яз. в шк. 1996. №1.
59. Шаховский В.И. Категориальная эмоциональная ситуация в свете теории и семиотики // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: тез. докл. на XV Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М. — Калуга, 2006.
60. *Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2008а (2009).
61. Шаховский В.И. Когнитивные ресурсы эмоциональной языковой личности // Языковая личность: проблемы когнитивности и коммуникации: сб. науч. тр. Волгоград: Колледж, 2001. С. 11—16.
62. Шаховский В.И., Жура В.В. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. 2002. № 5. С. 38—56.
63. *Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008б.
64. Шаховский В.И. Личностные эмотивные смыслы текста // Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград, 1998.
65. *Шаховский В.И. О роли эмоций в речи // Вопросы психологии. 1991. №6. С. 111—117.
66. Шаховский В.И. Отражение эмоций в семантике слова // Изв. Акад. наук СССР. Сер. литературы и языка. М., 1987. Том LXV. С. 237—243.
67. Шаховский В.И. Эмоции — мотивационная основа человеческого сознания // Языковое бытие человека и этноса. М.—Барнаул, 2003. Вып.6.
68. Шаховский В.И. Эмоционально-смысловая доминанта в естественной и художественной коммуникации // Язык и эмоции. Волгоград, 2004.
69. *Шингаров Г.Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности. М.: Наука, 1971.
70. Anglistentag 1991. Düsseldorf // Proceedings / ed. by Wilhelm L. Busse. Tübingen: Niemeier, 1992.
71. Besemeres M., Wierzbicka A. Emotion terms as a window on culture, social psychology and subjective experience // Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты: сб. науч. тр. к юбилею Виктора Ивановича Шаховского / отв. ред. С.В. Ионова. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2009.
72. Buss A. Agression Pays // The Control of Agression and Violence. N.Y., London: Academic Press, 1971. P. 7—18.
73. Danes F. Cognition and Emotion in Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field // Preprints of the Plenary Session papers / XIVth International Congress of Linguistics. Berlin. 10—15 August 1987. Berlin 1987.
74. Diller H.J. Emotions and the Linguistics of English // Proceed-tags... Tübingen: Niemeier, 1992.
75. Jakobson R. Essais de linguistique générale. Paris, 1963.
76. Edmondson W. Affect and Language Development // Proceed-tags... Tübingen: Niemeier, 1992.
77. Eibl-Eibesfeldt I. The Biology of Peace and War: Men, Animals and Agression. N. Y.: The Viking Press, 1979.

78. *Goleman D. Emotional Intelligence. Why it can matter more than IQ. Bantam Books, 1997.
79. Heller A.A. Theory of Emotions. Assen, 1979. Цит. по.: Bonheim H. Emotions in Literature // Proceed-tags... Tübingen: Niemeier, 1992.
80. Hoffstede J.H. National Character and National Stereotypes // Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations (2nd ed.), 2001.
81. Kerbrat-Orecchioni C. La connotation. Lyon, 1977.
82. Mouhiroud C. et all. Utilisation et expression des émotions dans la créativité verbale (outils de thiorisation et résultats préliminaires). Paris, 1994.
83. Nöth W. Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words // Proceed-tags... Tübingen: Niemeier, 1992.
84. Osgood C.E., May W.H., Miron M.S. Cross-cultural universals of affective meaning. Urbana, University of Illinois Press, 1985.
85. Pinker S. The Language Instinct. How the Mind Creates Language. N.Y. 1994.
86. Robert Amy K. Associations in the Similarity and Categorization of Emotions // Cognition and Emotion. 1996. V. 10, № 1. P. 27—46.
87. Russell J. A. Culture and the Categorization of Emotions // Psychological Bulletin. 1991. V. 110. P. 426—450.
88. Sapir E. Language: An introduction to the study of speech. N.Y., 1921.
89. Semin Yuri R., Yorts Carien A. et all. Cultural Perspectives on the Linguistic Representation of Emotion and Emotion Events // Cognition and Emotion. 2002. V. 16, № 1. P. 11—28.
90. Sternina Marina, Sternin Iosif. Russian and American Communicative Behavior. Voronezh, 2003.
91. The Language of Emotions. Amsterdam. Philadelphia: John Benjamins Publishing House, 1997.
92. Volek B. Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian. Amsterdam / Philadelphia, 1987.
93. *Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals (Studies in Emotion and Social Interaction). Cambridge University Press, 1999.
94. Wierzbicka A. Emotion and Facial Expression: a Semantic Perspective // Culture and Psychology. 1995. № 1. P. 227—258.
95. Wierzbicka A. Human emotions: Universal or culture specific // American Anthropologist. 1986.
96. Wurm Lee H. Dimensions of Speech Perception: Semantic Associations in the Affective Lexicon // Cognition and Emotion. 1996. V. 10, № 4. P. 409—424.

Лексикографические источники

- *Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998 (БТС).
- *Даль В. Пословицы русского народа: в 2 т. М., 1984.
- *Крейдли Г.Е. и др. Словарь русских жестов. М. — Вена, 2001.
- *Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1972.
- Русско-английский словарь. М., 1962 (РАС).
- Русско-немецкий словарь. М., 1977 (РНС).
- Dictionary of Russian Obscenities / comp. by D.A. Drummond and G. Perkins. 2nd, revised ed. Berkeley, 1980.
- *Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman, 1992.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Некоторые признаки эмоционального этикета

1. Простота обращения — без фамильярности.
2. Доверие, но контроль, выполняющий свои диагностические и оценочные функции.
3. Серьезность отношений — без натянутости.
4. Требовательность — без придирчивости.
5. Доброжелательность — без заискивания.
6. Настойчивость — без упрямства.
7. Деловой тон — без холодности.
8. Принципиальность — без морализирования.
9. Уважение к точке зрения другой стороны (оппонента).
10. Последовательность — без педантизма.
11. Руководство — без мелочной опеки.
12. Советы — без навязчивости.
13. Объективность, но не безразличие.
14. Решительность — без поспешных решений.
15. Юмор — без насмешливости.

Приложение 2

Управляйте своими эмоциями

Говорите о конкретном факте. Не навешивайте ярлыков. Ваши слова должны быть связаны только с поступком человека, но не с оценкой его личности. Если сотрудник опоздал, не обобщайте: «Вы — безответственный!». Речь должна идти лишь о конкретном опоздании.

Не требуйте невозможного — говорить можно только о том, что человек в силах изменить, то есть ваша критика должна быть конструктивной. Недопустимы фразы типа: «Вы слишком стары для этого...», «Конечно, при таких родителях...»

Постарайтесь говорить именно о том чувстве, которое вы действительно испытываете по этому поводу. «Мне было очень обидно, что вы сказали мне при всех...» Так как вы говорите не о сути замечания, а лишь о собственных эмоциях, это не провоцирует ответное возражение и исключает развитие ссоры.

Не стоит домысливать и приписывать свои домыслы другому — не интерпретируйте его поступок (поведение). «Мы тут обсуждаем, а ты си-

дишь помалкиваешь, тебя это не волнует...» Ограничьтесь в своих замечаниях лишь констатацией того, что вам не нравится.

Попробуйте не давать советов («Я бы на твоём месте...») и не ставить оценок («Это не разумно...», «Это нереально...»). Тем самым вы занимаете поучающую позицию, которая едва ли принесет пользу.

Не копите обиды, не делайте предметом обдумывания по ночам («Я ему скажу...», «А если он мне ответит...», «Ну тогда я ему...»). Не напоминайте давних обид — вы-то их помните, а другой уже забыл, о чем шла речь. В то же время, прежде чем сказать первое слово, будьте уверены, что в данный момент вас готовы выслушать. Поэтому лучше не выяснять отношения, когда человек занят работой или плохо себя чувствует, или прямо с порога, а также в присутствии других.

Всегда высказывайте претензии лично человеку — нельзя допускать «призрачные намеки» в его присутствии. «А вот некоторые сотрудники постоянно опаздывают...», «А кое-кто считает...». Такие фразы ставят человека в двусмысленное положение: ответить нельзя, потому что имя не названо, а промолчать тоже, ведь окружающие поняли, о ком речь. Подобная атмосфера в коллективе не способствует нормальным деловым отношениям.

Приложение 3

Универсальные ценности в эмоциональных ассоциациях

Из двух ссорящихся более виноват тот, кто умнее (В. Гете).

Не спорь с собеседником, по какой стороне улицы идти. Иди по той стороне улицы, по которой хочет он, но веди его туда, куда надо тебе.

Постоянная важность — признак посредственности (Вольтер).

Люди высокой культуры не враждебны к чужому мнению и не агрессивны (Д. Лихачев).

Ум теряет все свое очарование, если он проникнут злостью (Р. Шеридан).

Люди ненавидят тех, кому они вынуждены лгать (В. Гюго).

То, что мы называем общественным мнением, является в сущности общественной эмоцией (Б. Дизраэли).

Люди ненавидят то, что не понимают (А. Ибн-Эзраз).

Если человек способен выслушивать оскорбление с улыбкой, он достоин стать вождем (Н. Броцлав).

В тяжёлые времена от деловых людей толку больше, чем от доброжелательных (Ф. Бэкон).

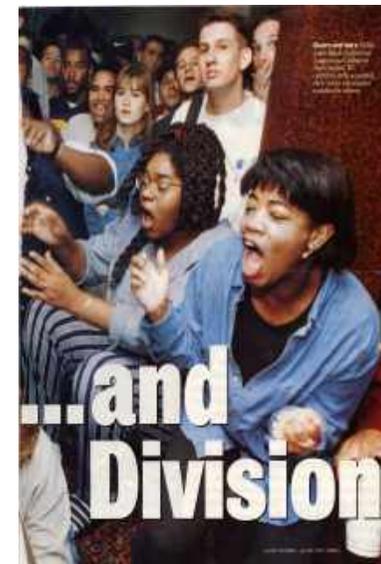
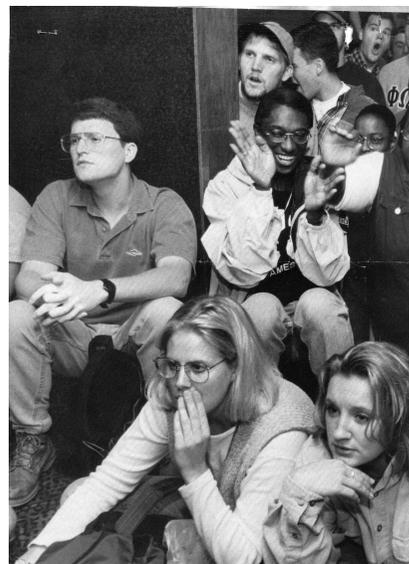
Приложение 4

Решение и разделение Decision and Division (Newsweek, October 16, 1995, p. 24—66)

В течение нескольких лет в американском правосудии проводилось следствие и слушалось дело об убийстве известным боксером Симпсоном его жены и ее любовника. Симпсон — афро-американец, а поскольку Америка борется против расовой дискриминации и гордится демократическими устоями, то данное судебное разбирательство и его финал вскрыли не заживающую до сих пор расовую ненависть, так как его оправдали. Жена Симпсона была белой женщиной, и белое население требовало его осуждения, а афро-американцы настаивали на его оправдании, так как считали, что суровый вердикт мог бы быть вынесен и ожидался белым населением в основном из-за его цвета кожи. Вынесенный оправдательный приговор расколол Америку на две части, что было видно из многочисленных публикаций, в том числе, и в Нью-Йорк Таймс. В этом журнале была опубликована громадная статья «Decision and Division», которая показала глубокую пропасть между белыми и черными. Эта пропасть была представлена в данной статье не только вербальными эмоциями, но и в языке тела белых и черных граждан Америки.

Обратите внимание на невербальное поведение, представленное на фото (см. ниже) в этом журнале: мимику, жесты, телодвижения — позы и др. Они выражают противоположные кластерные эмоции: у белых — разочарование, недовольство, грусть, раздражение, злость, ненависть и другие отрицательные эмоции. У черных — ликование, радость, торжество, восторг, злорадство, счастье, удовлетворенность и т. п.

Эмоциональное состояние Америки в минуту объявления (decision) действительно раскололо (division) Америку на два враждебных лагеря и высветило глубокую расовую ненависть, спрятанную под маской демократии. Но это разделение долго не продержалось (по крайней мере, в официальной прессе); уже через день об этом событии не было и слова. Америка вновь была единой и расово не противоречивой страной. Этот факт подтверждается и недавними выборами президента США: им стал Барак Обама, что свидетельствует о примате действительной демократии в этой стране.

Behind the scenes at Booklovers...

Образцы студенческих эссе

Шевченко Дарья
группа АП-311 (2009 г.)

Стилистические средства автора, эксплицирующие эмоции персонажей

Однажды я наткнулась на очень интересный, на мой взгляд, рассказ неизвестного автора. Вот небольшой отрывок из него: «Говорят, что однажды собрались в одном уголке Земли вместе все человеческие чувства и качества. Когда СКУКА зевнула уже в третий раз, СУМАСШЕСТВИЕ предложило: «А давайте играть в прятки!?!». ИНТРИГА приподняла бровь: «Прятки? Что это за игра?!». И СУМАСШЕСТВИЕ объяснило, что один из них, например оно, водит, закрывает глаза и считает до миллиона, в то время как остальные прячутся. Тот, кто будет найден последним, станет водить в следующий раз и так далее. ЭНТУЗИАЗМ затанцевал с ЭЙФОРИЕЙ, РАДОСТЬ так прыгала, что убедила СОМНЕНИЕ, вот только АПАТИЯ, которую никогда ничего не интересовало, отказалась участвовать в игре. ПРАВДА предпочла не прятаться, потому что в конце концов ее всегда находят, ГОРДОСТЬ сказала, что это совершенно дурацкая игра (ее ничего кроме себя самой не волновало), ТРУСОСТИ очень не хотелось рисковать».

Почти все эти чувства выражены в рассказе «The Fury». Но, наверное, было бы слишком банально открыто назвать их и выделить заглавными буквами, именно поэтому автор использует другой способ, стилистические средства. Я считаю, что все стилистические средства в рассказе можно условно разделить на две группы: используемые в речи автора и в высказываниях персонажей.

Первая группа отличается большей образностью, метафоричностью, употреблением нормативного литературного языка. В авторском повествовании очень много *эпитетов* (passionate woman, throaty anger, eyes glittering, nostrils dilated, body quivering with rage, lingering anger, unmoving, bright eyes), *метафор* (blood on an erstwhile rival, dark secret warmth of the bed, shot a look, mouth a thin trap of temper), *олицетворений* (pride held her tongue). В тексте встречается даже *аллегория*, благодаря которой при помощи конкретного жизненного образа (двери) изображается отвлеченное понятие (with his slamming of the door he would walk off the edge of the world, never to be seen again). Иногда автор использует *инверсию*, нарушая привычный для английского языка порядок слов, чтобы сделать акцент на чем-то необходимом, например, на **эмоции гнева** (eyes glittering, nostrils dilated,

her entire body stiff and quivering with rage, her eyes seeking wildly). Для этой же цели употребляется *анафора* и *градация* в самом начале рассказа (more than meat and drink, more than tobacco and comfort, more than her) и чуть позже (often too handsome, too well-set-up figure). Все это придает тексту чарующую красоту, наполняет его яркими образами и рисует целостную картину эмоционального пространства рассказа.

Но в области выражения эмоций нет равных второй группе стилистических средств, используемых персонажами рассказа. Они представляют собой прежде всего особенности синтаксиса. Еще Г. Р. Державин говорил, что «пламенное чувство изъясняется кратко, но сильно», именно поэтому используются *эллиптические конструкции* для выражения **эмоции разочарования** (Didn't win owt, either; Not a blinking sausage), **эмоции гнева** (Your liar; I'll have 'em ready), или *просто короткие предложения* (I'm talking to you; I couldn't help it). Совсем не удивляет такое обилие *восклицательных предложений*, учитывая те ситуации, в которых героям приходится общаться (You must think I'm stupid! You'll tell me! You must think I'm daft!).

Чтобы яснее выразить свою позицию и морально надавить на мужа, миссис Флечер очень часто использует *риторические вопросы*, прекрасно зная, что не получит ответа. Она всего лишь хочет обратить внимание супруга на волнующую ее проблему (How can you find to the face to sit there with your feet up and ask me that? And what was it worth, eh? What do you think I feel like when my own neighbours tell me they've seen you carrying on?) или выразить **эмоцию отчаяния** (Oh, why didn't I listen? Why, why, why?). Мистер Флечер, в свою очередь, пользуется таким действенным приемом, как *умолчание*, преследуя всем понятную цель: скрыть правду (I tell you I don't -).

Будучи очень импульсивной (ключевое слово рассказа *passionate*) женщиной, миссис Флетчер много раз повторяет одни и те же предложения, показывая тем самым, насколько эта ситуация ее волнует (It's all lies, lies, lies! What's up? What's up? You liar, you). Она указывает, а иногда и угрожает мужу, и все это с помощью *предложений в повелительном наклонении* (You'll tell me! Go to her. Tell her I sent you).

И в заключении моего эссе хотелось бы сказать, что люди живут и испытывают эмоции, а писатели в своих произведениях описывают их в различных категориальных эмоциональных ситуациях, отражающих реальные жизненные ситуации. И с этой целью они используют весь арсенал экспрессивных и стилистических средств для презентации переживаемых персонажами их произведений эмоций. Рассказ «The Fury» — яркое тому свидетельство: стилистические средства данного рассказа усиливают эмоциональный эффект от описываемого семейного конфликта.

Типы эмотивной лексики и способы её представленности (прямой, косвенный)

Эмоции — особая, своеобразная форма познания и отражения действительности, в них человек выступает одновременно и объектом и субъектом познания, эмоции связаны с потребностями человека, лежащими в основе мотивов его деятельности.

Б.И. Додонов

Эмоциональная сфера считается едва ли не самой сложной системой человека. Эмоции являются одним из основных и всепроникающих аспектов человеческого опыта. Обычно люди испытывают широкий диапазон эмоций: от спокойного удовлетворения при выполнении сравнительно обыденной задачи до скорби, испытываемой при смерти близкого человека.

Эмоции персонажей художественных произведений представляют собой особую психологическую реальность. Совокупность их в тексте — своеобразное множество, изменяющееся по мере развития сюжета, отражающее внутренний мир персонажей в различных обстоятельствах, в отношениях друг с другом.

Специфика эмоций заключается в том, что они одновременно являются объектом отражения в языке и средством отражения самих себя, а через них и отражением объектов действительности, а также в том, что их невозможно отделить от отражающего субъекта (Шаховский 1987).

Достаточно сложными оказываются и процессы обозначения эмоций. Так, по наблюдениям Б.И. Додонова, «в разговорной практике мы часто пользуемся одним и тем же словом для обозначения разных переживаний, так что их действительный характер становится ясным только из контекста». В то же время одна и та же эмоция может обозначаться разными словами.

К эмоциональной лексике относят эмоционально окрашенные слова, содержащие чувственный фон. Большая часть эмотивной лексики содержательно богата эмоциональными оттенками.

Идентифицирующий семный предикат передает сущность эмоции, а уточняющие его дифференциальные семантические признаки определяют её отличительные качества и свойства. И только вместе, в различных комбинациях, они передают всё многообразие эмоций. Например, обо-

значение грусти словами: *грусть, депрессия, кручина, меланхолия, печаль // sadness, depression, melancholy.*

Уникальность эмоций сравнительно с другими объектами номинации обнаруживается прежде всего в многообразии и богатстве языковых средств их выражения, которые включают соответствующую лексику, фразеологизированные синтаксические конструкции, особую интонацию, порядок слов.

Существует несколько способов реализации эмоций. Вербальное выражение эмоций (чувств) предполагает различие в языке специфической категории эмотивности, которая соотносится с психологической категорией эмоциональности. Приоритет в осуществлении вербализации эмоций принадлежит номинативным лексическим единицам, поскольку они обладают наибольшим номинативным потенциалом, в структурах их лексических значений эмотивная сема является коммуникативно значимой; семантика таких эмотивов не зависит от контекста. Данную лексику с функциональной точки зрения мы интерпретируем как эмотивную.

Стен Барстоу в рассказе «Ярость» для реализации эмоций часто выражал их в тексте с помощью *аффективов* (сильная эмотивная лексика) Дабы не быть голословными, приведем примеры из текста: *Гляди на его увлеченную возню; как последняя дура, он шляется себе, где хочет; ни шиша; тебе ведь плавать; твои чертовы кролики; не мужик, а черт-те что; я, по-твоему, совсем уж дура, да?; это ты дурак; кроликов твоих терпела, а фифочек не стану; я пойду куда-нибудь, где можно поговорить с людьми, а не с психами полоумными; покаты будешь шляться по всей округе с полным ящичком этой погани...*

Еще один способ вербального выражения эмоций с помощью *аффиксов* (средняя эмотивная окраска), например: *фифочка, зверьки, частенько, гляди-ка* и так далее.

Следует отметить, что любое слово может стать эмоционально окрашенным в зависимости от контекста, интонации и т.д.

Следующий способ выражения эмоций с помощью тела: это жесты, мимика, (покраснеть, позеленеть), слезы и т.д. В анализируемом тексте находим много примеров этого способа: *она сильнее, чем нужно, налегала на острый нож, которым резала картошку; она сидела у камина, не обращая внимания на орущее радио, а спицы в ее руках мелькали в беззвучной ярости; он прятал глаза; Флечер открыл клетку, вытащил одного из кроликов и прижал к себе, нежно глядя мягкую густую шерсть; она следила за ним горящими глазами, а губы сжались в ниточку от злости...* и т.д.

Несмотря на небольшой объем произведения, текст насыщен эмотивными лексическими и синтаксическими средствами, перечитывая его заново, находишь все новые эмоции, которые хотел передать нам автор, замечаешь мелочи, которые «не увидел» во время первого прочтения текста. Помимо «явных» эмоций, которые автор передает читателю с помощью яркой, хлестко окрашенной лексики или действий, жестов, автор указывает на скрытые или «косвенные» способы представленности эмоций: *«Она стояла у окна и глядела, как он шел по улице под неярким солнцем, с переносной клеткой через плечо, бережно придерживая ее одной рукой. Красив, ладно скроен, и хорошо смотрится, когда приоденется, думала она. Частенько слишком красив и ладно скроен для ее душевного спокойствия»*. В этом небольшом отрывке текста мы видим, как бережно, с любовью относится мистер Флечер к своим «зверькам», и то, что миссис Флечер, несмотря на жуткую ревность и ненависть «к этим чертовым кроликам» и злость на своего мужа, испытывает гордость за то, что он все-таки у нее красивый....

В зависимости от личного опыта читателя, его настроения в данный момент, его видения проблем, мировоззрения, забот в настоящее время, его чувственности и чувствительности, его внимательности, его темперамента, его отношения будет различно и понимание и видение эмоций и проблемы одного и того же текста.

Выявив эмоции, можно попытаться разделить их на группы, например, все оттенки эмоции и способы их выражения, относящиеся к злости миссис Флечер (раздражение, ярость, злость, гнев, несдержанность, бешенство и т.д.). Мы видим оттенки одной и той же эмоции, которые автор передает нам не только прямо и косвенно в тексте, но и стилистически: с помощью эпитетов, метафор, преувеличения, олицетворения, а также голоса автора, который не только констатирует сам конкретный факт события, но и показывает нам свое отношение к нему.

Известно, опыт человечества в познании эмоций закрепляется в языковых единицах. Эмоциональность выражается на всех уровнях языка словообразовательными, синтаксическими, лексическими средствами, включая фразеологию. Чувства и эмоции практически невозможно выразить с помощью только одного языкового средства. Обычно эмоциональность в речи выражается совокупностью языковых средств разных уровней.

Таким образом, в рассказе используются все типы эмотивной лексики: аффективы, коннотативы, потенциативы. Нейтральное слово «кролики» по ходу развития конфликтного сюжета становится коннотативным, а потом и аффективным. Это свидетельствует о том, что границы между различными типами эмотивной лексики, а также эмотивной и нейтральной лексикой в эмоциональной коммуникации подвижны.

Образцы студенческих концовок рассказа «The Fury»/ «Ярость»

Ремесникова Алена
группа Ч-311 (2009 г.)

На утро следующего дня, проснувшись раньше, чем обычно, мистер Флечер решил сходить и проверить, как же его ненаглядные кролики. Особо тот, ангорской породы, который судьям отчего-то не приглянулся... Он тихо встал, пытаясь не разбудить жену. За окнами только-только занимался рассвет... Флечер шел и размышлял о жене, что он, вероятно, был не прав с ней... и что действительно в его жизни надо что-то менять, надо бы побольше времени ей уделять. Рассуждая таким образом, он дошел до сарая с бесчисленными клетками.

То, что он увидел, повергло его в ступор. Все кролики, до единого, даже те, на которых он возлагал большие надежды, были убиты. Зарезаны. У Флечера не было сомнений, кто бы это мог сделать. Это была его жена. Вечно ревнивая миссис Флечер, не желавшая делить его ни с кем, которая расцарапает лицо при удобном случае всякой, кто заинтересуется ее муженьком. Руки у мужчины задрожали, и он упал на колени.

— За что, ну кролики-то в чем виноваты, — причитал он, — ну их-то за что....

И в его голове уже созрел план мести. Определенно жестокой.

Он собрал всех кроликов в одно место, после вычистил клетки от крови и пуха. Флечер привык, что там всегда чисто, завернул кроликов в тряпицу, и понес их в дом. Миссис Флечер, ничего не подозревая, тихо спала в спальне. Ей снились эти чертовы кролики. Её руки все в крови. И кроличьи лапки на двери как символ удачи.

Флечер вошел в дом и на цыпочках пробрался в спальню. Откинул одеяло и начал притворять свой план в жизнь. Кролик за кроликом, он на супружеской постели раскладывал контур человеческого тела. Кропотливо и осторожно. Потом накрыл их одеялом, надел свой лучший серый костюм и направился к выходу, крепко сжимая в руке свежую газету. На первом листе виднелось объявление: «Джонни Тэтчер. Продажа, дрессировка ротвейлеров для охраны вас и вашего дома», ниже значился адрес и номер телефона. Широким шагом мистер Флечер двинулся по направлению к станции.

Теперь он знал, кому посвятит свою остальную жизнь.

А жена, проснувшись чрез пару часов, подумает, что рядом лежит ее ненаглядный, откинет одеяло и зайдет в немом крике...

На следующее утро миссис Флечер проснулась от гробовой тишины, воцарившейся во всём доме. На мгновение ей показалась, что она осталась совершенно одна на всём белом свете. Чувствовала она себя подавленно. Не сомкнув глаз всю ночь, она всё-таки задремала ближе к утру, но сон был очень рваным и должного облегчения не принёс.

«Что же теперь будет? — подумала женщина. — Что же будет?»

Мистера Флечера на кровати не было.

День прошёл как в бреду. Все просто валилось из рук, не хотелось делать ничего. Лишь ближе к вечеру она смогла пересилить себя и выйти во двор. Клетки были пустыми, а следов того, что ещё вчера здесь была кровавая расправа, вовсе не было. Впрочем, как не было и следов самого мистера Флечера. Она старалась держаться, но слезы так и наворачивались на глаза.

— О боже! Что же я сделала!? Дура... Какая я всё-таки дура!

Больше не в состоянии сдерживать слезы, разрыдавшаяся женщина бросилась в дом.

Часы пробили десять. Миссис Флечер сидела в кресле-качалке и смотрела на танцующие языки пламени в камине. На ногах у неё лежала пряжа и спицы, но любимое занятие совершенно не шло на ум. Вдруг дверь скрипнула, и в гостиную вошёл мистер Флечер.

— Дорогой, я...

— Не сейчас, давай потом, я очень устал.

— Но...

— Завтра. Все завтра.

Но ни на следующий день, ни через неделю они так и не поговорили.

Шёл уже десятый день их безмолвной жизни. О, что это были за дни для бедной женщины! Каждое утро мистер Флечер уходил на работу, возвращался домой, завтракал, обедал и ужинал молча.

— Уж лучше бы он закричал, наорал на меня! — порою думала миссис Флечер. Полностью поглощенная этими мыслями, она совершенно забыла о приближении своего дня рождения.

Одним ранним утром раздался звонок. Миссис Флечер открыла дверь, но за ней никого не было, а на пороге стояла большая, обмотанная красивым красным бантом коробка.

— Странно, от кого бы это могло быть? Я же вроде...

— Тяжелая, — подумала женщина, занося коробку в дом. — Дорогой, тут посылка.

Но в ответ она услышала лишь шум воды, доносившийся из душа.

— Ну, раз так...

Взяв кухонный нож, миссис Флечер проворно открыла коробку и замерла на месте. Нож выпал из её рук, а сама она залилась безудержным истерическим смехом вперемешку со слезами!

В коробке лежала шуба из кроличьего меха....

ШАХОВСКИЙ Виктор Иванович

ЯЗЫК И ЭМОЦИИ
В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

*по дисциплинам по выбору «Язык и эмоции» и «Лингвокультурология эмоций»
для студентов, магистрантов и аспирантов Института иностранных языков
Волгоградского государственного педагогического университета*

Подписано к печати 17.08.2009 г. Формат 60x84/16. Печать офс.
Бум. офс. Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 150 экз. Заказ .

ВГПУ. Издательство «Перемена»
Типография издательства «Перемена»
400131, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27

